

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2026

1 (67)

Ψλ

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

1 (67) 2026
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

1 (67) 2026
Moscow

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уфимцева Наталья Владимировна, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Воронин Анатолий Николаевич, *заместитель главного редактора*, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Мягкова Елена Юрьевна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Терентий Ливну Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, Президент Московской международной академии, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и переводоведения, факультет лингвистики и межкультурной коммуникации Одинцовский филиал МГИМО МИД России, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, МО РФ, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алмаев Николай Альбертович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН, Москва (Россия)

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета, Майкоп (Россия)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН, Москва (Россия)

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Завьялова Виктория Львовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Мамаева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск (Россия)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Хайфа (Израиль)

Павлова Наталия Дмитриевна, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН, Москва (Россия)

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов, Уфимский университет науки и технологий, Уфа (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Рудакова Александра Владимировна, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, (Россия)

Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу (Китай).

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлунцзянского университета, Харбин (Китай)

Чжао Цюэ, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Чугунова Светлана Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск (Россия)

EDITORIAL BOARD

Natalya V. Ufimtseva, *Chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Moscow (Russia)

Anatoly N. Voronin, *Deputy editor*, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena Yu. Myagkova, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, Tver (Russia)

Liviu M. Terentiy, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, President of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, Odintsovo branch of MGIMO University, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, U. Zhanibekov South Kazakhstan Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Russian State Social University, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language as Foreign, South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *Executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Scientific Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Nikolay A. Almaev, Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Mariet P. Akhidzhakova, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Linguistics, Adyghe State University, Maykop (Russia)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Andrey A. Grigoriev, Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, Moscow (Russia)

Tatyana A. Gridina, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Philology and The Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Elena N. Gutz, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Media Communications, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Viktoriya L. Zavyalova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Philology and Cross-cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Hanoi (Vietnam)

Tatyana V. Mamaeva, Candidate of Philology, Docent, Dean of Philology Faculty, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical, Krasnoyarsk (Russia)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, University of Rochester, Rochester (USA)

Olga A. Melnichuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of French Philology Department, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Haifa, (Israel)

Natalia D. Pavlova, Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya P. Peshkova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Science Faculties, Ufa University of Science and Technology, Ufa (Russia)

Fyodor B. Polyakov, Doct. Habil., Professor, Head of Department of East Slavic literature, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna (Austria)

Alexandra V. Rudakova, Doctor of Philology, Voronezh State University, Voronezh, (Russia)

Natalya S. Sergiyeva, Doctor of Philology, Professor of Management and Marketing Department, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, (Donetsk People's Republic)

Huang Tiande, Candidate of Philology, Leading researcher of The Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Centre for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University, Harbin (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogy, Professor, Director of Institute of Slavic Languages, Harbin Normal University, Harbin (China)

Svetlana A. Chugunova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of the English Language Theory and Translation Studies, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk (Russia)

К 90-ЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ЛЕОНТЬЕВА

Ахутина Т.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
К 90-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева.....	12
Сорокин Ю.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
Нас было немного.....	16

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Горюнова Н.Б. (<i>Москва, Россия</i>)	
Конструкт «реникса» в цифровом дискурсе и его распознавание с помощью LLM агентов	19
Гридина Т.А., Коновалова Н.И. (<i>Екатеринбург, Россия</i>)	
Психолингвистические аспекты организации тренингов вербальной креативности	35
Горохова Д.В. (<i>Одинцово, Россия</i>)	
Концепт <i>порядочность</i> как отражение социокультурного и общественно- политического контекста жизни общества.....	50
Иванова С.В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Мухина Н.Б. (<i>Екатеринбург, Россия</i>)	
Когнитивно-интенциональное планирование как механизм целеполагания на довербальном этапе речевой деятельности.....	64
Курушин Д.С., Нестерова Н.М. (<i>Пермь, Россия</i>)	
Проблема формализации семантики текста: ретроспектива и современная реализация.....	82
Решетняк М.В. (<i>Ханты-Мансийск, Россия</i>)	
Эмоционально-чувственный потенциал клишированных единиц дипломатического дискурса: психолингвистический анализ.....	93

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Воронин А.Н., Палёнова В.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
Большие языковые модели и новая коммуникативная среда: расширение проблемного поля психолингвистики.....	105
Бубнова И.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
Интеллектуальная деятельность человека vs нейросетевые языковые модели: психолингвистический аспект.....	128

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Соколова Д.А. (<i>Ярославль, Россия</i>)	
Эхо расстроенного мышления: лингвистический анализ формальных расстройств мышления в языке В.М. Гаршина (на материале художественной прозы).....	142
Чан Тяньчжо (<i>Москва, Россия</i>)	
Образы «我/я», «我们/мы» и «自己/себя (сам)» в языковом сознании китайских и русских студентов.....	162

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ
В РЕГИОНАХ РОССИИ**

Пешкова Н.П. (<i>Уфа, Россия</i>) О некоторых результатах исследований Уфимского направления «Психолингвистика текста».....	179
Кружилина Т.В. (<i>Курск, Россия</i>) О некоторых результатах психолингвистических исследований кафедры иностранных языков Юго-западного государственного университета (Курск).....	181
Карнюшина В.В. (<i>Сургут, Россия</i>) О некоторых результатах психолингвистических исследований кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутского государственного педагогического университета.....	182

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XI Международная научно-практическая конференция « Язык для специальных целей: система, функции, среда » (Курск, 21–22 мая 2026 г.).....	184
XV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием « Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода » (Уфа, 5–6 ноября 2026 г.).....	187
Ежегодная общероссийская научная конференция с международным участием « Русская языковая личность в межнациональном общении » (Новосибирск, 22–24 октября 2026 г.).....	189

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Поздравление Н.В. Дмитриук	192
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления и предоставления рукописи в журнал.....	194
--	-----

Content

ON THE 90TH ANNIVERSARY OF ALEXEY ALEXEEVICH LEONTYEV

Akhutina T.V. (<i>Moscow, Russia</i>) On the 90 th anniversary of the birth of Alexei Alexeevich Leontiev.....	12
Sorokin Yu.A. (<i>Moscow, Russia</i>) There were few of us.....	16

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Goryunova N.B. (<i>Moscow, Russia</i>) The construct “renixa” in digital discourse and its recognition using <i>LLM</i> 's agents.....	19
Gridina T.A., Konovalova N.I. (<i>Yekaterinburg, Russia</i>) Psycholinguistic aspects of organizing verbal creativity trainings.....	35
Gorohkova D.V. (<i>Odintsovo, Russia</i>) The concept <i>decency</i> as a reflection of the socio-cultural and socio-political context of society	50
Ivanova S.V. (<i>Saint-Petersburg, Russia</i>), Mukhina N.B. (<i>Yekaterinburg, Russia</i>) Cognitive-intentional planning as a goal-setting mechanism at the preverbal stage of speech activity	64
Kurushin D.S., Nesterova N.M. (<i>Perm, Russia</i>) The problem of text semantics formalization: retrospective and modern implementation.....	82
Reshetnyak M.V. (<i>Khanty-Mansiysk, Russia</i>) Emotional-sensory potential of cliché in diplomatic discourse: A psycholinguistic analysis.....	93

DISCUSSION

Voronin A.N., Palenova V.V. (<i>Moscow, Russia</i>) Large language models and a new communicative environment: expanding the research agenda of psycholinguistics.....	105
Bubnova I.A. (<i>Moscow, Russia</i>) The specifics of modern linguistic personality in the historical and ethnic perspective: the psycholinguistic view.....	128

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

Sokolova D.A. (<i>Yaroslavl, Russia</i>) A linguistic analysis of formal thought disorders in V.M. Garshin's idiolect: echoes of disordered thought in the literary prose of the author.....	142
Chang Tianzhuo (<i>Moscow, Russia</i>) Images of “我/I”, “我们/we”, and “自己/self” in the linguistic consciousness of Chinese and Russian students.....	162

**PSYCHOLINGUISTIC PROJECTS
IN RUSSIAN REGIONS**

Peshkova N.P. (<i>Ufa, Russia</i>) On some results of research in the Ufa area of "Text Psycholinguistics"	179
Kruzhilina T.V. (<i>Kursk, Russia</i>) On some results of psycholinguistic research by the Department of Foreign Languages, Southwestern State University (Kursk)	181
Karnyushina V.V. (<i>Surgut, Russia</i>) On some results of psycholinguistic research by the Department of Linguistic Education and Intercultural Communication, Surgut State Pedagogical University.....	182

SCIENTIFIC LIFE

XI International scientific and practical conference " Language for Specific Purposes: System, Functions, Environment " (Kursk, May 21–22, 2026).....	184
XV All-Russian scientific and practical conference with international participation " Intercultural ↔ Intracultural Communication: Theory and Practice of Teaching and Translation " (Ufa, November 5–6, 2026).....	187
Annual All-Russian scientific conference with international participation " Russian Linguistic Personality in Interethnic Communication " (Novosibirsk, October 22–24, 2026)	189

OUR ANNIVERSARIES

Congratulations to Nataliya V. Dmitryuk	192
--	-----

INFORMATION

Manuscript Submission Requirements.....	194
---	-----

Алексей Алексеевич Леонтьев
14 января 1936 — 12 августа 2004

14 января 2026 года исполнилось 90 лет со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева, удивительно харизматичного человека и ученого, лингвиста и психолога, педагога, лектора и поэта, создателя отечественной психолингвистики – теории речевой деятельности. Отметить эту дату на заседании Методологического семинара кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова собрались более ста коллег из разных регионов России, Белоруссии, Казахстана и Китая. Особую символичность этому событию придает тот факт, что филологический факультет – это Alma mater Алексея Алексеевича. Он закончил его в 1958 году.

И именно на этом факультете с 2020 года под руководством В.В. Красных работает (совместно с факультетом психологии) магистратура по специальности «Психолингвистика» и третий год осуществляется на отделении дополнительного образования программа повышения квалификации «Основы психолингвистик» (лекторы О.В. Балясникова, Н.В. Уфимцева, Л.А. Чижова).

Продолжает выходить журнал «Вопросы психолингвистики» (издается с 2003 г.), первым главным редактором которого был сам Алексей Алексеевич. Журнал издается при поддержке Московской международной академии, Ученого совета филологического факультета МГУ. Журнал входит под эгидой Института психологии РАН в Белый список и список ВАК.

В 2025 году успешно прошел уже XXI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – НОВАЯ ПАРАДИГМА В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ». Симпозиум является продолжателем первого семинара по психолингвистике, который был организован летом 1966 г. самим Алексеем Алексеевичем, от него и ведется отсчет. Организаторами симпозиума выступили: Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Воронежский государственный университет, Институт славянских языков Харбинского педагогического университета (КНР), Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Сеченовского университета, Донецкий государственный университет, Научно-образовательный центр межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева. Симпозиум проходил в смешанном формате, что позволило принять в нем участие ученым из 47 городов России, 86 образовательных и научных организаций из 9 стран: России, Китая, Индии, Франции Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Абхазии, Приднестровья.

В конце мая этого года состоится III Всероссийская конференция с международным участием ЯЗЫК, СОЗНАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ: К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ЛЕОНТЬЕВА «СОЗИДАЮЩИЙ УМ».

Продолжает свою работу и Научно-образовательный центр межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева (теперь уже при Институте психологии РАН).

И хотя очень мало осталось свидетелей и участников тех уже далеких событий, которые положили начало новому научному направлению, непреходящий интерес к личности и научному наследию Алексея Алексеевича говорит о том, что его идеи не просто часть истории науки, но живой, развивающийся инструмент научного поиска. И мы не просто отдаем дань его памяти, но продолжаем дело его жизни.

Светлая ему память!

Ученики и последователи

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ЛЕОНТЬЕВА

14 января – день рождения Алексея Алексеевича Леонтьева. В этом году ему исполнилось бы 90 лет. Он рано умер, ему не было еще и семидесяти. И с каждым годом становится все меньше людей, которые знали его лично, уважали, любили. Уходят его ближайшие коллеги, друзья, ученики. В 2025 году мы простились с Анной Алексеевной Леонтьевой, Анечкой, незабываемой дочкой Алексея Алексеевича, на которого она была так похожа.

Каким я запомнила Алексея Алексеевича?

Имя А.А. Леонтьева я узнала еще до встречи с ним. Это был 1964–1965 учебный год, мой первый год в аспирантуре дефектологического факультета МГПИ имени В.И. Ленина. Для доклада на семинаре по философии я выбрала тему о происхождении языка. Выбрала потому, что недавно купила и прочла книгу А.А. Леонтьева «Возникновение и первоначальное развитие языка», вышедшую в 1963 году. Помню спор после доклада и замешательство преподавателя, который спутал Алексея Алексеевича с его отцом, Алексеем Николаевичем.

Впервые я увидела Алексея Алексеевича 30 мая 1966 года на Первом Семинаре по психолингвистике. Ему тогда было 30 лет, он был кандидатом наук, работал младшим научным сотрудником в Институте языкознания и организовал этот трехдневный всесоюзный семинар, на который были приглашены известные ученые, психологи, лингвисты и философы. (Первый доклад на семинаре, доклад о динамической афазии, делал мой учитель, профессор А.Р. Лурия). Это был настоящий праздник науки. Помню приподнятое настроение зала – энтузиазм А.А. Леонтьева передавался и слушателям.

Кроме Института языкознания Алексей Алексеевич работал в Научно-методическом центре русского языка (НМЦРЯ) при МГУ, где хотел создать группу, занимающуюся как проблемами обучения языку, так и проблемами психолингвистики.

Научно-методический центр русского языка при МГУ, Сектор методологии и психологии, Группа психолингвистики

Где-то в июле он обратился к А.Р. Лурии с просьбой порекомендовать ему человека, который мог бы войти в эту группу, и Александр Романович назвал меня. Алексей Алексеевич позвонил мне и пригласил на собеседование. Он спросил, какую я выбираю тему для беседы, я предложила внутреннюю речь. Алексей Алексеевич тему одобрил и назначил место встречи – скамейку перед главным зданием МГУ (тогда в МГУ работал оргкомитет по подготовке к проведению XVIII Международного психологического конгресса, поэтому Алексею Алексеевичу приходилось там бывать). Я писала диссертацию про динамическую афазии, механизм которой А.Р. Лурия объяснял нарушением внутренней речи, и тема внутренней речи была мне близка.

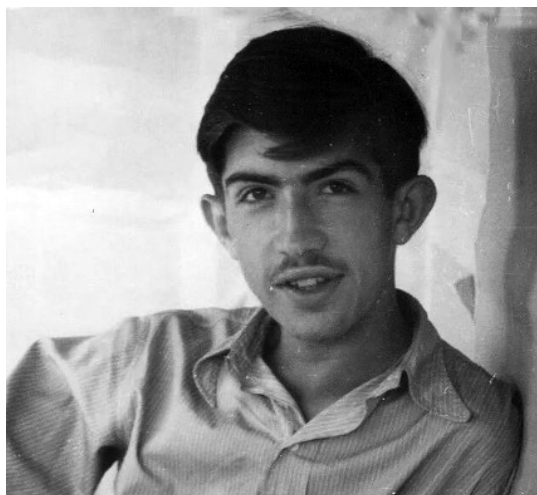
На встрече, рассказывая А.А. Леонтьеву про нарушение речи при динамической афазии, я упомянула, что набор первичных дефектов, которые вызывают разные формы афазии, может указать на то, какие операции входят в механизм порождения речи. Алексей Алексеевич этим заинтересовался и предложил написать статью в задуманный им сборник. Он спросил, буду ли я посещать заседания Конгресса в Москве и Ленинграде, и узнав, что буду, попрощался со мной до встречи на мероприятии.

Конгресс был великим событием, первым международным конгрессом по психологии за долгие годы. На заседания мы ходили вместе с Аллой Соломоновной Штерн. Мы познакомились с ней на Семинаре по психолингвистике; она, учась в ЛГУ на филфаке, писала диплом под руководством А.А. Леонтьева и очень гордилась, что была его первой дипломницей. На конгрессе в Ленинграде мы часто встречались с Алексеем Алексеевичем, и когда наступило 15 августа, мой день рождения, я пригласила его и Аллу отметить мое 25-летие в «Севере» – излюбленном кафе-кондитерской студентов-филологов. Наслаждаясь вкусом знаменитого мороженого, мы беседовали, и Алла рассказала, как Алексей Алексеевич читал им, студентам и слушателям своих лекций, где-то в подвале стихи – собственного сочинения и чужие – разные. Много позже Алексей Алексеевич подарил мне сборник своих стихов «Добрый город», изданный в 1997 г. в Рязани в издательстве «Узорочье» тиражом в 1000 экземпляров. В нем 30 страниц стихов А.А. Леонтьева и 44 страницы его переводов с немецкого, английского, французского, польского и армянского. Больше всего переводов из Райнера Марии Рильке.

Добрый город

Эту тихую улицу на горе,
Этот дом, неприметный в зеленом дворе,
Этой каменной лестницы темный пролет,
И квартиру, где женщина эта живет,

От тебя я в чужие унес города,
Чтобы снова с надеждой вернуться сюда,
Чтоб вдыхать твой пьянящий густой аромат,
Чтобы встретить открытый и ласковый взгляд,
И бродить по проспектам, не чувствуя ног,
И услышать ночной телефонный звонок...

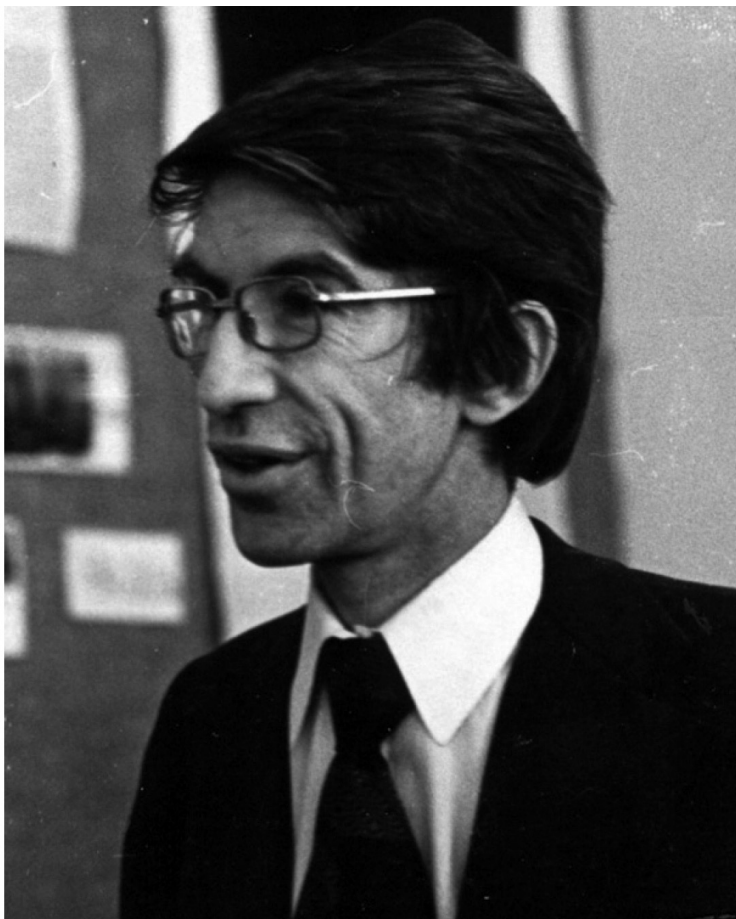

К 90-ЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ЛЕОНТЬЕВА

---

1 декабря 1966 г. я в первый раз пошла на работу в НМЦРЯ и принесла статью, о которой мы говорили с Алексеем Алексеевичем. Статья называлась «Механизм порождения речи по данным афазии». Алексей Алексеевич статью прочитал и предложил стать соредктором сборника. Я поняла, что статья ему понравилась. При этом он не предложил поставить его в соавторы, что, как я узнала позже, не было редкостью в психологической среде. В 1967 году вышел первый из восьми наших сборников (они выходили ежегодно), который назывался «Вопросы порождения речи и обучения языку». Это была моя первая опубликованная статья, две предыдущие еще были в печати.

Работать с А.А. Леонтьевым мне нравилось. В группе, кроме меня, были две Наташи (Зарубина и Ожегова); помимо этого к группе примыкал Евгений Михайлович Верещагин – он был ученым секретарем Центра. Наташа Зарубина и я называли Алексея Алексеевича по имени и отчеству, а другая Наташа, как и большинство сотрудников Центра, звала его Лешей. Все уважали Алексея Алексеевича, но при этом он был «своим». Он приходил в Центр раз в неделю – по понедельникам. И каждый понедельник у нас было заседание группы, в котором часто участвовали гости – коллеги из других секторов или психологи и лингвисты из других учреждений.

На каждом заседании была научная часть – Алексей Алексеевич делал обзор литературы по психолингвистике, которую он прочитывал за прошедшую неделю. Таким образом, мы были посвящены в его освоение современной психолингвистики. Алексей Алексеевич не только реферировал работы, но и показывал свое отношение к прочитанному с позиций создаваемой им теории речевой деятельности. Тогда не было интернета, не было баз типа Гугл. А.А. Леонтьеву приходилось разыскивать различные пути получения нужной литературы. Он вел обширную переписку с зарубежными коллегами, которые занимались изучением языков огромного Советского Союза. Он посылал им сборники и монографии, изданные в Институте языкознания, а в ответ получал от них сборники по психолингвистике. Алексей Алексеевич и сам писал обзоры, и нужно сказать, что Игорь Александрович Мельчук – молодой, но уже известный на тот момент лингвист, которого выделяли и Р.О. Якобсон, и В.В. Иванов, говорил мне: «Твой шеф хорошо пишет обзоры». (Я была знакома с И.А. Мельчуком, поскольку мы были соредакторами книги А.Л. Лурии «Основы нейролингвистики», и, вероятно, говоря так про А.А. Леонтьева, он имел в виду его книжечку «Папуасские языки».)

Каким был Алексей Алексеевич?

От него шла – передавалась и воспринималась – радость познания, познавания. Энтузиазм изучения нового. Ему, как, кстати, можно сказать и об Анечке, был присущ магнетизм, свет, который исходил от него. Когда он рассказывал о чем-нибудь, например, о конференции, на которой были заложены основы психолингвистики, у нас возникал эффект соприсутствия, как будто мы участвовали в этом мероприятии. Еще, пожалуй, очень важно, что Алексей Алексеевич умел создавать атмосферу равенства, то, что Ю.А. Сорокин удачно назвал «дружеской равнопартнерской манерой беседовать и спорить, отстаивая важное и отбрасывая мелочи».

При том, что было уважение к мнению каждого, мы, тем не менее, чувствовали, что Алексей Алексеевич – лидер. Он не навязывал первенство, он просто был лидером. И чувство призванности, призвания внести свой вклад в развитие психолингвистики, он передавал и нам. И, конечно, Алексей Алексеевич привлекал к себе своей необыкновенной интеллигентностью, такой классической русской интеллигентностью, которая присуща немногим и которая не имеет ничего общего с панибратством. С ним всегда было светло.

Алексей Алексеевич! Анечка! Светлая Вам Память!

Т.В. Ахутина,

доктор психологических наук, профессор, факультет психологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.А. Сорокин
НАС БЫЛО НЕМНОГО¹

Но сначала был Алексей Алексеевич Леонтьев. Хочется даже сказать: «Изначально был». В некотором научном царстве-государстве, что на Волхонке, в уцелевших подсобных строениях (флигелях?) старинной дворянской усадьбы, соседствующей с музеем Изобразительных искусств имени Пушкина. Царство-государство не ахти какое, в два этажа, если память мне не изменяет, и на каждом из них вольнодумствовали по мере сил и возможностей сектора — уделы размером в одну небольшую комнату. Совсем маленькая — столы стояли впритык, повернуться было негде — досталась А.А. Леонтьеву после того как он, словно князь Курбский, бежал из германского сектора, где его и ценили, и привечали, но не одобряли его семейного интереса к психологии и «преждевременного» теоретизирования о Доме бытия — о его архитектуре, сути и назначении. Словом, А.А. обособился с полуодобрения, естественно, начальства, которое решило: отпустим и поглядим, что из этого получится. (Сейчас, по прошествии четырех десятков лет, можно сказать: стоила овчинка выделки, стоила, хотя многие в этом сомневались, считая, что и молодость ему помеха, и исследовательский талант подозрителен и легковесен. Укоряли — и не всегда про себя — в неодобрении совковых порядков (А.А. временами был ироничен и ехиден), в дружбе с «подозрительными», внимании к тому, чем и как занимаются (но не по накатанной колее) лингвисты и психологи за бугром. Со временем подозрения с его таланта были сняты, но «печать» на нем поставили: полусвой, маргинал, пария. Пронесил он ее всю жизнь, справедливо не веря в аплодисменты и комплименты, которыми и бескорыстно, и с расчетом (авось, запомнит, авось, он пригодится) его посыпали.

Получил эту маленькую комнату А.А. после того как ему разрешили заведовать Группой психолингвистики и теории коммуникации. Он понимал: нужны сотрудники-союзники, небольшая, но дружина. Одному тянуть новенький воз непосильно и трудно. Я присоединился к ней — по рекомендации Ольги Николаевны Михеевой, у нее учился А.А., — когда в этой комнате уже хозяйничали А.А. и Саша Шахнарович (где он его нашел — не помню). Потом А.А. сманил из Ленинграда Наталью Уфимцеву, а позже и нашего нынешнего шефа Евгения Федоровича Тарасова (кажется, он преподавал в ту пору в Военном институте). Значительно позже — после смерти А.А. Реформатского и «коловоращений» внутри его бывшего Сектора — к нам пришли Саша Василевич и Ревекка Марковна Фрумкина.

Защитили мы кандидатские диссертации — Саша, Наталья и я, — не отрываясь от нашего годового планового конвейера. А.А. был доволен: Группа поселилась. И завертелись дни и недели. Сашу А.А. благословил заниматься детской речью (речевому онтогенезу А.А. уделял — и справедливо — большое внимание), а нам, Наталье, Евгению Федоровичу и мне, досталось все остальное. А его хватало с избытком: нужно было разбираться в том, о чем шумят ненародные витии — лингвисты и психологи, чтобы не выглядеть профанами, отыскивать свое, и, по возможности, нетривиальное, внутри отвердевших осыпей взглядов и мнений и доказывать еще оспариваемое право на научное существование. Для этого очень годились Симпозиумы

---

¹ Воспоминания Юрия Александровича Сорокина были опубликованы в журнале «Вопросы психолингвистики» №6 2007, С. 7–9.

по психолингвистике и теории коммуникации — обустройством их занимались вчетвером, — на которых и себя можно было показать, и других увидеть, обмениваясь с ними тем, что знаешь и что напридумывал. Именно на них довелось познакомиться с А.А. Брудным, И.Н. Гореловым, А.П. Журавлевым, А.С. Штерн, перемолвиться парой фраз с А.Н. Леонтьевым и Б.Ф. Поршневым. Они, старший Леонтьев и Борис Федорович, были благожелательны к нам, иные — но не на Симпозиумах — относились иначе: они, как говаривал М.Е. Щедрин, «...плечи на ударение, хресты на раны, уды на раздробление, тела на муки предавали», и, естественно, тела наши, а не свои.

Поводы для этого искать не приходилось: смущала теория деятельности, заимствованная у психологов (А.Н. Леонтьев, А. Валлон, но и Ж. Пиаже) и адаптируемая к потребностям лингвистики, стремление разобраться в механизмах восприятия и порождения речи (Т. Ахутина, а позже и А.А. Залевская) и представить в компактной и убедительной форме «грамматику говорящего» (она не написана до сих пор, хотя задача — сверхзаманчивая), требование, и к себе, но и к другим, экспериментально проверять и доказывать свои утверждения, жертвуя гипотезами / теориями первого уровня (умозрительными / абстрактными) в пользу гипотез третьего уровня (промежуточных / операциональных). Если к этому добавить, что А.А. был явным поливановцем (собрал и издал работы Е.Д. Поливанова, хотя, кажется, не все), а я — скрытым потебнианцем и уорфианцем, то картина получалась вполне импрессионистическая.

Говоря об этом не столь сухо, я сказал бы так: А.А. хотел, чтобы мы запомнили хотя бы два дзэн-буддийских постулата:

«Труднее всего играть на флейте без отверстий» и «лучше увидеть лицо, чем услышать имя». Второй из этих постулатов / коанов был нам по душе. Мы интуитивно улавливали его суть. (Сейчас я «дешифровал» бы этот постулат / коан с помощью М. Хайдеггера: «Мыслящее знание есть в себе поведение, ведомое не тем или иным сущим, но бытием и в бытии»).

Из нашей комнаты на втором этаже мы все-таки переехали на этаж первый. Расширились волею начальства: надоели просьбами. Новое место понравилось: и к выходу поближе (шагов десять — пятнадцать), и в окно вылезти — пара пустяков, если необходимо было неофициально исчезнуть. Или что-нибудь передать мимо вахтера. А такое случалось: почти напротив был винно-водочный магазин, рядом с ним торговали портвейном в розлив, а правее, отступая вглубь от соседствующего дома, находилось летне-зимнее кофе: распивочно и на вынос. Для себя и наших гостей мы (Саша и я) приносили вино в бидоне и наливали в чайник. И гоняли «чай». Запах, правда, выдавал. Говорили о разном, и не только о «матерях важных». Перескакивая с одного на другое:

«Где-то девочка живет, молодая, модная.
Где-то месяц хлеб жует, жарит мясо молния.
Где-то весело бегут за морошкой власти.
Где-то волосы стригут золотые страсти».

Но каждый все-таки помнил и о другом:

«Мой черновик, как бездорожье.
Пора к рукам прибрать, пора.
По неосмыслимой пороше
скрипят салазочки пера.

Порожний рейс без лошадей,
ни образа вам, ни креста.
О, пей да дело разумей,
моя падучая звезда!»

О своих и чужих «салазочках» спорили в коридорах (с Толей Новиковым, Борисом Якушиным, Вероникой Телия. В последние годы своей жизни к нашим, психолингвистическим, «салазочкам» стал внимательно приглядываться и Г.В. Колшанский).

По поводу и без оного собирались и у шефа, у А.А., благо он жил почти в самом Центре. Он всеми силами старался выбивать из нас пыль официальности, которая стояла столбом на всех этажах Института. Лучше всего это было делать дома, в обыденной семейной обстановке за неторопливым ужином вперемежку с разговорами обо всем понемножку. А в соседних комнатах еще играли напоследок дети. Эту атмосферу домашности А.А. старался перенести и в Группу, незаметно приучая к ней. Если к этому добавить его терпимость / толерантность к человеческим слабостям и творческой полусостоятельности приходящих и претендующих, а они были частыми гостями, его неприязнь к социальным альпинистам, дружескую равнопартнерскую манеру беседовать и спорить, отстаивая важное и отбрасывая мелочи, ценить не обещания, а дела, не маскарады честолюбий и претензий, а счастливые идеи и нетривиальные мысли, знать многое и о многом помимо двух своих профессий — лингвиста и психолога — и поощрять набег в сопредельные с психолингвистикой домены («мы не заимствуем, мы СВОЕ берем»), можно сказать, что вопреки всем титулярным советникам и миру их ценностей, верований и притязаний МЫ жили и работали СЧАСТЛИВО. Не скажу, что А.А. был верующим. А если и был — верил в бога Р. Декарта: «Под словом «бог» я подразумеваю субстанцию бесконечную, вечную, неизменную, независимую, всеведущую, всемогущую, создавшую и породившую меня и все остальные существующие вещи (если они действительно существуют)». И, наверное, согласился бы с Р. Декартом, который спрашивал: «Но что же я такое?» и отвечал: «Мыслящая вещь».

Не скажу, что другие мои коллеги были христианами, скорее всего, они были скептиками и пантеистами (а я, например, был и остаюсь неудавшимся полудаосом). И все-таки и тогда мы пытались, не зная об этом, жить по Ефрему Сирину: «Не делай так, чтобы сегодня петь с Ангелами, а наутро плясать с бесами. Блажен, кто плакал на земле для Бога...»

Когда нам говорят: «У вас здесь хорошо: спокойно и доброжелательно», — мы отвечаем: «По традиции. Не нами заведено, и, надеюсь, не нами и кончится».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9

ББК 88.2

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-19-34

Научная статья

КОНСТРУКТ «РЕНИКСА» В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Горюнова Наталья Борисовна

Институт психологии РАН,

Москва, Россия

Аннотация

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к большим языковым моделям (LLM), способным генерировать тексты, приближенные к человеческой речи. Несмотря на широкое распространение таких технологий, их применение сопровождается систематическими ошибками и неточностями в выводах. Склонность LLM к генерации ложных утверждений во многом связана с отсутствием у них ориентации на критерий истинности, что делает перспективным их рассмотрение в рамках психолингвистического анализа и способствует более глубокому пониманию принципов функционирования искусственных языковых систем. Значительная доля контента, создаваемого в современных цифровых средах и социальных сетях, характеризуется выраженным аттенционным эффектом при низкой когнитивной ценности. Это обуславливает необходимость введения специального научного термина для обозначения подобных сообщений. Предлагаемый конструкт «реникса» описывает совокупность когнитивных, прагматических и меметических характеристик текста, обеспечивающих привлечение внимания при отсутствии смысловой нагрузки. Введение измеримой матрицы параметров (R-матрица) обеспечивает переход от интуитивного описания феномена к его операционализации и эмпирической проверке, создавая основу для систематического исследования рениксных сообщений в цифровом дискурсе. Интеграция подходов психолингвистики, когнитивной психологии и методов обработки естественного языка в единую методологическую рамку обеспечивает сопоставимость теоретических моделей и формальных метрик анализа текстов. Разработка данного конструкта, предварительно определяемого как тип сообщения с определенным набором когнитивно-лингвистических признаков, открывает возможности для создания прикладных систем их автоматического обнаружения и фильтрации.

Ключевые слова: реникса, нонсенс, абсурд, цифровой дискурс, агенты LLM

Введение

Большие языковые модели (Large Language Models, LLM), использующие огромные массивы текстов и вероятностные вычисления, быстро усложняются и становятся все более убедительными. Изучение природы создаваемых текстов и их связи с истинностью – приоритетное направление развития LLM: одни исследователи говорят о «галлюцинациях» и ложных утверждениях [OpenAI 2023], другие – о «чуши», то есть правдоподобных, но фактически неверных или вымышленных текстах, генерируемых нейросетями [Франкфурт 2005].

Существуют разные модели (ChatGPT, Bard, Claude, LLaMa), чьи тексты трудно отличить от человеческой речи, но они не предполагают экстралингвистических целей, а предсказывают следующее слово по контексту. Это реализуется через статистическую модель, обучаемую на больших корпусах с обратной связью; слова получают векторы в многомерном пространстве, сближаясь при сходных контекстах. Выбор среди наиболее вероятных слов дает креативный, «человеческий» текст, но допускает ложные сообщения.

В академическом письме ChatGPT при правильных подсказках способен генерировать адекватные по содержанию тексты по биологии, но все еще выдает нерелевантные ссылки [Alkaissi, McFarland 2023], при проверке собственных утверждений продолжает воспроизводить ложные сообщения [Zhang et al. 2023]. Ошибки в многоэтапном размышлении не устраняются простым доступом к поиску или базам данных даже при очень конкретных инструкциях [Davis, Aaronson 2023; Lysandrou 2023] и не решаются полностью обучением пошаговому рассуждению [Lightman et al. 2023].

LLM обучаются на данных для создания убедительных ответов, используя алгоритмы предсказания слов, а не рассуждения. В результате случайного синтеза строк из обучающего массива, манипулируя формой языка, модели могут «выдумывать» [Shah, Bender 2022]. Ориентация архитектуры LLM на убедительность, а не достоверность приводит к тому, что истинность лишь повышает вероятность ответа, но намерения «говорить правду» у модели нет [Hicks et al. 2024]. Способность выглядеть «нормальным» собеседником создает иллюзию автономных речевых актов и наличия намерений [Mandelkern, Linzen 2023]. Атрибуция представить себя агентом может быть полезна для описания и исправления ошибок LLM.

В работе [Huang et al. 2023] галлюцинации рассматриваются как фундаментальная проблема, решение которой необходимо для создания надежных и устойчивых ИИ систем. Авторы анализируют случаи, когда модель генерирует правдоподобную, но фактически неверную или несогласованную информацию и предлагают таксономию, включающую галлюцинации фактичности (несоответствие фактам) и галлюцинации согласованности/верности (несоответствие инструкциям, контексту или логике). Причины возникновения галлюцинаций могут быть обусловлены данными, обучением и процессом генерации ответов, что определяет методы их обнаружения и стратегии снижения.

В исследовании [Rykov et al. 2025] представлен крупный многоязычный датасет (*PsiloQA*) для обнаружения галлюцинаций в LLM на уровне отдельных текстовых фрагментов и разработан автоматический конвейер, который фиксирует естественные галлюцинации, возникающие в ответах LLM. Создание эффективных методов генерации качественных размеченных данных позволяет более точно обучать и оценивать системы обнаружения галлюцинаций.

Согласно А. Песарангхадер и Е. Ли, галлюцинации неизбежны для генеративных моделей, поэтому ключевой целью становится построение контролируемых и устойчивых систем, способных систематически снижать риски ошибок в высокорискованных областях [Pesaranghader, Li 2026]. Понимание галлюцинаций как системной инженерной проблемы позволило авторам предложить многоуровневую архитектуру (Model–Context–Data) и операциональную рамку, основанную на цикле непрерывного улучшения, включающем обнаружение, смягчение, валидацию

и последующую адаптацию системы. Многоуровневый инструментарий обнаружения подобных ошибок включает оценку неопределенности, проверку внутренней согласованности, внешнюю фактологическую верификацию и анализ корректности рассуждений.

Метафора «галлюцинаций» не вполне удачна для изучаемого объекта, так как антропоморфизует LLM и предполагает девиантный перцептивный процесс, тогда как истинные и ложные выходы порождаются алгоритмом предсказания следующего токена [Hicks et al. 2024]. Более релевантными, на наш взгляд, могут оказаться термины «нонсенс», «абсурд» – впечатляющие, но лишённые смысла высказывания, широко используемые в искусстве (Э. Лир, Л. Кэрролл) и определяемые в современной философии как отсутствие фиксированного смысла; при этом психолингвистических исследований в данном ракурсе еще нет. Это позволяет рассматривать LLM как программы, которые могут создавать абсурдные тексты без апелляции к восприятию или памяти: одни результаты оказываются истинными, другие – нет, что поднимает вопросы распознавания явной чепухи и уязвимости к ней [Pennycook et al. 2015; Pennycook 2022].

Феномен «нонсенс», используемый в искусстве и литературе, в отличие от простой чепухи, подразумевает, но не содержит адекватного смысла; он сродни обскурантизму – «игре словесного дыма и зеркал», внушающей глубину там, где ее нет [Buekens, Boudry 2015]. При отсутствии прямой заботы об истинности высказывания создается иллюзия правдоподобия, неопределенность и двусмысленность, усиливаемые современными медиа, которые маскируют смысл, делая высказывания впечатляющими. В современной философии нонсенс переосмысливается как полное отсутствие **раз и навсегда заданного** смысла, что подразумевает семантическое движение как возможность создания смысла.

Понятие абсурда как многослойного феномена выходит далеко за рамки его бытового понимания как «нелепости» или «бессмыслицы». Современный мир характеризуется сложностью и неопределенностью, что делает данный концепт особенно актуальным. Абсурд позволяет выявлять внутренние противоречия систем, служит катализатором переосмысления моделей мышления, показывает пределы рациональности, помогает психологически адаптироваться к неопределенности, разрушает культурные стереотипы и стимулирует развитие новых теорий в науке.

В философии абсурд определяется как противоречие между стремлением человека к смыслу и рациональному объяснению и иррациональной природой мира. В литературе и искусстве абсурд выступает как прием разрыва логических структур и выявления экзистенциальных парадоксов. В творчестве Ф. Кафки, С. Беккета, Э. Ионеско, а также в работах сюрреалистов (С. Дали, Р. Магритт) абсурд используется для создания эффектов дезориентации и критического переосмысления реальности. В математике и логике абсурд проявляется в форме парадоксов, выявляющих ограничения классических оснований мышления. К их числу относятся парадоксы Зенона, Рассела и парадокс лжеца. Их анализ способствовал развитию теории пределов, аксиоматической теории множеств и неклассических логик, делая абсурд источником концептуального обновления науки.

С точки зрения когнитивной психологии абсурд, создаваемый LLM – это стимул, вызывающий когнитивный диссонанс и провоцирующий реорганизацию мыслительных схем. Реакция на абсурд зависит от личностных характеристик: низкая

толерантность к неопределенности ведет к тревожности, а когнитивная гибкость – к росту креативности. Признание абсурдности мира может стать адаптивной стратегией, особенно в кризисных ситуациях (пандемии, климатические изменения). В этом контексте интересна работа [Pennuscook 2015], где было показано, что склонность оценивать чушь как глубоко-осмысленный текст была связана с такими концептуальными переменными, как аналитическое мышление, интуитивный когнитивный стиль, вера в сверхъестественное и т.д.

Таким образом, концепт «абсурд» служит общей рамкой, объединяющей науку и искусство. Философские концепции задают метафизические основания, а эмпирические исследования (например, когнитивные) уточняют, как люди воспринимают и обрабатывают абсурдные стимулы. Такое сочетание позволяет создавать гибридные исследовательские модели, учитывающие как качественные, так и количественные аспекты.

Становясь важным междисциплинарным конструктом, объединяющим философские размышления, психологические механизмы, культурные практики и научные методы, концепт «абсурд» выявляет противоречия, стимулирует развитие новых подходов и помогает адаптироваться к неопределенности.

Современное развитие информационных технологий, в том числе языковых моделей, реализованных на нейросетях, выводит на передний план такую важную психологическую проблему, как сложность распознавания релевантности смысла текстов, построенных при помощи этих технологий. Собственно, психологическое содержание этой проблемы включает описание формальных характеристик сложности работы с этими текстами.

Феномены, лежащие в основе разрабатываемой темы, такие как, «нонсенс» и «абсурд», требуют рассмотрения с точки зрения психологии, поскольку для исследования необходимо использовать конструкты, доступные для операционализации. В связи со сложностью темы данного исследования была предпринята попытка концептуального определения проблемного поля, которое позволит перейти к эмпирической верификации. Для этого в научный дискурс был введен новый теоретический конструкт «реникса», дано его рабочее определение и способы операционализации [Горюнова 2026].

В контексте исследования абсурда в цифровом дискурсе «реникса» определяется как лексико-дискурсивная характеристика текста – сообщение, которое формально грамматически и синтаксически корректно, но лишено когнитивно-содержательной и коммуникативной значимости. Такое высказывание сохраняет поверхностную связность (когезию), однако не выполняет ни информативной, ни прагматической функций. В этом смысле реникса характеризует псевдоосмысленный дискурс – текст, имеющий внешние признаки связности и осмысленности, но фактически не приносящий нового смысла адресату.

Важно отличать данный конструкт от смежных концептов: нонсенс предполагает явные грамматические или лексические аномалии; постирония представляет игру с формой и абсурдом как стилистическим приемом; троллинг преследует цель провокации; информационный шум связан с простой избыточностью информации. Реникса же, напротив, обычно грамматически правильна, не обязательно намеренна и касается именно структур смысла, а не формы высказывания или коммуникативной стратегии провокации. Иначе говоря, рениксное высказывание может выглядеть

осмысленным на поверхности, однако при анализе оказывается, что нового знания или вклада в коммуникацию оно не дает [Горюнова 2026].

Феномен «реникса» проявляется одновременно на семантическом, когерентностном, прагматическом, информационном и стилистическом уровне дискурса и рассматривается как качественный тип текстовой аномалии, при котором форма речи существует независимо от ее смысловой нагрузки. Для эмпирической верификации и операционализации теоретического конструкта «реникса» выделены такие категории, как *тип контента, тематика, степень рениксности, эмоциональная реакция и контекст* [там же].

Конструкт «реникса» объединяет когнитивные, прагматические и меметические свойства текста, которые обладают высоким аттенционным потенциалом без смысловой нагрузки. Конструкт концептуализируется в междисциплинарном контексте, включая представления из психолингвистики – максимы успешной коммуникации (Г. Грайс), теорию релевантности (Д. Спербер, Д. Вилсон), меметики (Д. Докинз, Л. Шифман), нейрокогнитивные модели внимания, а также модели LLM как инструменты семантического и прагматического анализа. Формальная модель включает три ключевые переменные: **степень отклонения текста** от содержательной когерентности при сохранении формальной связности, **уровень смысловой насыщенности текста** как оценку информативности и когнитивной ценности высказывания, **коммуникативную релевантность сообщения** как соответствие когнитивной или прагматической функций высказывания коммуникативным намерениям [Горюнова 2026].

На этапе теоретического обоснования конструкта предполагается, что:

- рениксы образуют устойчивую факторную структуру, отражающую когнитивные механизмы восприятия и интерпретации рениксных сообщений;
- восприятие и классификация рениксных сообщений демонстрируют межэкспертную согласованность;
- LLM модели, после адаптации на размеченном корпусе, способны приемлемо воспроизводить человеческие стратегии распознавания рениксных сообщений;
- в семантических пространствах рениксы формируют отдельный кластер, отражающий уникальные закономерности порождения и восприятия псевдосмысла.

Таким образом, конструкт «реникса» может рассматриваться как когнитивно-языковая форма абсурда, возникающая в цифровом взаимодействии, а способность LLM к ее распознаванию – как индикатор приближения машинных моделей к человеческому пониманию абсурдных или псевдоосмысленных высказываний.

Концептуальное обоснование и верификация конструкта «реникса» предполагают разработку методов выявления и автоматического анализа (систем ИИ) рениксных сообщений в цифровом дискурсе. Для проверки воспроизводимости конструкта «реникса» при независимой экспертной разметке необходимо разработать матрицу критериев (*R-matrix*), создать размеченный корпус рениксных сообщений из цифровых сред, оценить способность современных LLM классифицировать сообщения по выделенным критериям рениксы, сопоставить результаты работы LLM и экспертов, выявив зоны расхождений, и, наконец, проверить устойчивость конструкта в разных языковых и тематических областях.

Теоретическая кодификация и пилотное тестирование предполагает разработку и тестирование R-матрицы по 5 критериям. В самом общем виде, **семантическая аномалия** определяется как расхождение между формальной грамматической

корректностью высказывания и его когнитивной интерпретируемостью, обусловленное нарушением семантических, онтологических или каузальных предпочтений. Осмысленность при этом поддерживается интерпретативными усилиями, а не содержательной структурой текста. **Когерентность** характеризуется высокой формальной связностью текста при отсутствии тематической прогрессии и семантического приращения. Связность сохраняется за счет дискурсивных и анафорических механизмов, не приводящих к развиту содержания. **Прагматическая нерелевантность** фиксируется в высказываниях, не обладающих распознаваемой коммуникативной целью или прагматическим эффектом при сохранении внешней уместности. **Информационный шум** проявляется в высокой лексической и структурной избыточности текста при минимальной информационной новизне. **Игровой или иронический компонент** определяется наличием маркеров глубины или парадокса без прагматически идентифицируемой мишени иронии и установленного игрового правила.

Создание и валидация корпуса рениксных сообщений рассматривается как ключевой этап операционализации конструкта «реникса» и перехода от теоретического описания к эмпирическому анализу. В рамках данной задачи должен быть сформирован статистически репрезентативный корпус (*Renixa Corpus v1.0*), ориентированный на отражение реального разнообразия цифрового дискурса и пригодный для психолингвистического и вычислительного анализа.

Для обеспечения репрезентативности корпуса предполагается использовать тематическую стратификацию, охватывающую ключевые домены цифровой коммуникации, включая политический, юмористический, научно-популярный, рекламный и смешанные типы дискурса. Такая структура позволяет контролировать влияние жанра и тематики на проявления рениксности и предотвращает смещение выборки в сторону отдельных коммуникативных практик. Каждое сообщение аннотируется по пяти параметрам рениксности двумя независимыми экспертами, что обеспечивает многоаспектную оценку феномена и снижает риск индивидуальных интерпретационных искажений.

Качество работы и согласованность экспертов, создающих размеченный датасет, рекомендуется оценивать с помощью стандартных метрик межэкспертного согласия, включая коэффициенты *Krippendorff's alpha* (α) и *Cohen's kappa* (κ), а также агрегированный показатель среднего *R-score*, отражающий степень выраженности рениксных признаков. Для дополнительной проверки структурной валидности корпуса применяются методы снижения размерности и кластеризации (*t-distributed Stochastic Neighbor Embedding* (*t-SNE*) и *Uniform Manifold Approximation and Projection* (*UMAP*)), позволяющие оценить степень семантической изоляции рениксных сообщений в эмбединговом пространстве. Полученные кластеры сопоставляются с контрольными категориями – «осмысленный текст», «флуд» и «троллинг», что позволяет эмпирически уточнить границы рениксы как самостоятельного класса сообщений.

Результатом данной работы предполагается открытый аннотированный корпус (*Renixa Corpus v1.0*), содержащий метки «реникса», «не реникса» и «смешанное», предназначенный для последующего использования в исследованиях цифрового дискурса, когнитивной интерпретации текста и обучения языковых моделей. Разработка модели автоматического и экспертного распознавания сообщений, содержащих признаки рениксности, предполагает использование ИИ-агентов: одного для генерации рениксных сообщений, а другого – для их распознавания (табл. 1).

Таблица № 1

**Ключевые компоненты моделирования
и тестирования LLM**

Генератор (<i>G</i>)	Детектор (<i>D</i>)
Агент <i>G</i> генерирует сообщения, содержащие элементы «реникса».	Агент <i>D</i> классифицирует сообщения, созданные <i>G</i> , как содержащие или не содержащие признаки «рениксы».
Обучение	
Агент <i>G</i> обучается на основе корпуса текстов с элементами абсурда и бессмысленности, а также с использованием ручной разметки для «реникса». Такие трансформеры, как и <i>GPT-4</i> , адаптированы к конкретным требованиям генерации бессмысленных текстов.	Модель для агента <i>D</i> обучается на размеченном корпусе, где экспертно размеченные сообщения будут классифицированы как «рениксы» или «не-рениксы». Такие модели, как BERT или RoBERTa, хорошо справляются с задачами классификации текста.
Контроль	
Промпты для агента <i>G</i> включают конкретные инструкции для создания абсурдных сообщений с высокой степенью иронии, неожиданности и бессмысленности. Например, «создать сообщение, которое выглядит как серьезное утверждение, но не имеет логической связи с реальностью».	

В процессе обучения детектора предварительно предполагается сочетание экспертной аннотации и автоматизированных метрик для оценки каждого из пяти параметров, содержание которых и соответствующие примеры рениксных реплик приведены в таблице 2.

Набор метрик (табл. 2) для количественного описания рениксных высказываний не претендуют на замену существующих методов NLP и дискурс-анализа, а выступают как конструкт-специфические операционализации, основанные на теоретических подходах в области семантики, когерентности дискурса, прагматики и когнитивной лингвистики и переводящие теоретическое описание рениксы в измеримые параметры, формирующие основу R-матрицы.

Например, в «семантической аномалии» метрика *PRS-I* основана на теориях селекционных ограничений и тематических ролей, *LC-GC gap* оценивает различие между поверхностной связностью и дискурсивной целостностью, а *ODI* опирается на идеи фреймовой семантики и переходов между концептуальными доменами. Метрика *CPV* отражает когнитивные ожидания относительно каузальной структуры, тогда как индекс *PII* основан на теориях прагматической релевантности и информационной плотности.

Таблица № 2

Параметры и метрики конструкта «реникса» с примерами реплик

Параметры и их содержание	Метрики	Рениксные реплики
<p>Семантическая аномалия (S):</p> <p>Выявление противоречий и нелогичностей с помощью лингвистической разметки текста и анализа на естественных предпочтениях (например, методами <i>Natural Language Inference</i>).</p>	<p>1. Predicate–Role Incompatibility Index (PRS-I). Фиксирует нарушения селекционных ограничений: предикат требует аргументов определенного типа, но получает семантически несовместимые роли. Абстрактное действие приписывается объекту без агентности (высокая связность, но отсутствует операционализируемый референт).</p> <p>2. Local Coherence–Global Inconsistency Gap (LC–GC Gap). Измеряет расхождение между высокой связностью соседних предложений и отсутствием общей тематической структуры текста: текст «хорошо читается», но не позволяет восстановить глобальный смысл, противоречие на уровне причинных и логических предпочтений.</p> <p>3. Ontological Drift Index (ODI). Отслеживает несанкционированные переходы между онтологическими доменами (процесс – объект – метафора – норматив) без явных маркеров. Понятие меняет статус, не будучи переопределенным: онтологический дрейф и каузальная аномалия.</p> <p>4. Causal Preference Violation Score (CPV). Выявляет конструкции, формально маркированные как причинно-следственные, но не соответствующие естественным каузальным ожиданиям. Следствие логически или эмпирически не вытекает из причины, возникает эффект псевдоинформативности, когда утверждение не допускает проверки.</p> <p>5. Pseudo-Informativeness Index (PII). Оценивает долю абстрактных, оценочных и метадискурсивных единиц при отсутствии проверяемых пропозициональных утверждений. Циклическая причинность, создающая иллюзию глубины.</p>	<p>1. «Стратегическая синхронизация процессов позволяет по-новому осмыслить устойчивость текущего вектора развития».</p> <p>2. «Оптимизация контекста формирует предпосылки для более прозрачного понимания неопределенности».</p> <p>3. «Динамика решения проявляется как результат заранее согласованной формы спонтанности».</p> <p>4. «Актуализация подходов усиливает потенциал их нейтрального применения в различных контекстах».</p> <p>5. «В рамках данного понимания результат оказывается обусловленным самим фактом его реализации».</p>

<p>Когерентность (C):</p> <p>Вычисление метрик текстовой связности, таких как DiscoScore или модель Entity Grid, которые количественно оценивают логическую сцепленность предложений. Эти метрики позволяют обнаруживать тексты, формально связанные, но семантически нерелевантные.</p>	<p>1. DiscoScore (Discourse Relation Consistency Score). Оценивает наличие и распределение дискурсивных отношений (CAUSE, CONTRAST, ELABORATION и др.) между предложениями. <i>Аномалия:</i> дискурсивные маркеры присутствуют и формально согласованы, но связывают семантически пустые или самореферентные сегменты: стабильные сущности + нулевая семантическая динамика.</p> <p>2. Entity Grid Stability Index (EGSI). Измеряет сохранность и роли сущностей (Subject / Object / Other) при переходе от предложения к предложению. <i>Аномалия:</i> сущности грамматически стабильны, но их семантическое наполнение размыто или не уточняется. Entity Grid стабилен, но информация циклична.</p> <p>3. Lexical Overlap without Semantic Progress (LOSP). Фиксирует высокое лексическое перекрытие между предложениями при отсутствии добавления новых пропозиций. <i>Аномалия:</i> повтор терминов создает иллюзию развития мысли без смыслового сдвига (дискурсивные маркеры без смыслового вклада).</p> <p>4. Anaphoric Resolution Success vs Informational Gain (ARIG gap). Сопоставляет успешность анафорической разметки с приростом информации. <i>Аномалия:</i> местоимения и отсылки корректно разрешаются, но не добавляют нового содержания (замкнутая анафорическая петля).</p> <p>5. Topic Continuity Entropy (TCE). Оценивает энтропию тематического перехода: слишком низкая энтропия указывает на «залипание» на абстрактной теме без конкретизации. <i>Аномалия:</i> тема формально сохраняется, но не развивается (минимальная тематическая энтропия без развития).</p>	<p>1. «Данный подход демонстрирует высокую согласованность, что, в свою очередь, определяет специфику его дальнейшего развития»</p> <p>2. «Рассматриваемый процесс развивается последовательно, что обеспечивает целостность рассматриваемого процесса».</p> <p>3. «Таким образом, можно говорить о наличии определенной структуры, которая сохраняет свою определенность именно как структура».</p> <p>4. «Этот результат следует из предыдущего вывода, которой в свою очередь, подтверждает полученный результат» .</p> <p>5. «В рамках одной темы сохраняется единая логика рассуждения, которая проявляется на протяжении всей темы».</p>
---	--	--

<p>Прагматическая нерелевантность (P):</p> <p>Экспертная оценка коммуникативной цели/полезности высказывания либо автоматический анализ при помощи LLM (например, моделями, обученными выявлять бессодержательные реплики). Здесь задача – определить, выполняет ли сообщение какую-либо прагматическую функцию или говорит «в пустоту».</p>	<p>1. Communicative Intent Absence Score (CIAS). Оценивает вероятность наличия у высказывания распознаваемого коммуникативного намерения (вопрос, просьба, утверждение, инструкция, оценка). <i>Аномалия:</i> модель не может надёжно классифицировать иллокутивный акт, отсутствует намерение и полезный эффект.</p> <p>2. Goal–Action Misalignment Index (GAMI). Сравнивает декларируемую цель высказывания (если она маркирована) с реальным прагматическим эффектом. <i>Аномалия:</i> цель формально заявлена («для понимания», «с целью анализа»), но не приводит ни к действию, ни к информированию – метакомментарий без прагматического выхода.</p> <p>3. Contextual Utility Deficit (CUD). Оценивает вклад реплики в текущий диалог или задачу (информационный, регулятивный, социальный). <i>Аномалия:</i> реплика грамматически уместна, но не изменяет состояние диалога, не дает новой информации и не направляет диалог.</p> <p>4. Pragmatic Entailment Failure Rate (PEFR). Измеряет, порождает ли высказывание ожидаемые прагматические следствия (ответ, уточнение, решение). <i>Аномалия:</i> реплика не предполагает осмысленного продолжения (иллюзия планирования без действия).</p> <p>5. LLM based Vacuity Probability (LVP). Вероятность «пустотности», оцененная LLM, обученной различать содержательные и оффтопичные высказывания по паттернам абстракции, самореференции и псевдозначимости. <i>Аномалия:</i> текст выглядит «умным», но бесполезен для пользователя: выводы не названы, прагматическая функция не реализована.</p>	<p>1. «В данном контексте важно учитывать сам факт наличия этого контекста».</p> <p>2. «Этот вопрос, безусловно, заслуживает внимания в рамках его собственной постановки».</p> <p>3. «Можно отметить, что рассматриваемое в целом соответствует ранее отмеченному».</p> <p>4. «Дальнейшее рассмотрение возможно при условии его дальнейшего изучения».</p> <p>5. «В целом сказанное позволяет сделать определенные выводы».</p>
---	--	--

<p>Информационный шум (N):</p> <p>Расчет коэффициентов тавтологичности и избыточности, например, с помощью TF-IDF (для выявления повторов) и перплексии языковой модели (для оценки предсказуемости текста). Высокая предсказуемость и частое повторение шаблонных фраз указывают на низкую информационную новизну, характерную для рениксы.</p>	<p>1. Tautology Rate (TR). Измеряет долю лексикосинтаксических повторов и перефразированных дубликатов внутри одного высказывания или кластера предложений. <i>Аномалия:</i> повторение одной и той же пропозиции разными словами (высокая тавтологичность, клишированность).</p> <p>2. LowVariance TFIDF* Score (LVTfidf). Оценивает дисперсию TFIDF весов: низкая дисперсия указывает на доминирование частотных, общих и малоинформативных токенов. <i>Аномалия:</i> отсутствуют слова-«якоря», несущие уникальную информацию (повтор одной пропозиции с минимальной лексической вариацией).</p> <p>3. Template Phrase Density (TPD.) Доля клишированных, высокочастотных дискурсивных шаблонов («в целом», «следует отметить»), «в рамках данного подхода»). <i>Аномалия:</i> текст легко предсказывается по началу фразы.</p> <p>4. Perplexity Depression Index (PDI). Сравнивает перплексию текста с корпусной нормой: аномально низкая перплексия свидетельствует о высокой предсказуемости и шаблонности. <i>Аномалия:</i> модель «слишком уверена» в продолжении текста: максимальная предсказуемость (низкая перплексия).</p> <p>5. Information Novelty Ratio (INR.) Отношение числа новых пропозициональных единиц к общему объему текста. <i>Аномалия:</i> текст увеличивается, а информации не прибавляется (нулевая информационная новизна при формальной завершенности).</p>	<p>1. <i>«Следует отметить, что в целом данная ситуация характеризуется определенной степенью определенности».</i></p> <p>2. <i>«Рассматриваемый процесс развивается в рамках развития самого процесса».</i></p> <p>3. <i>«В рамках данного подхода этот подход позволяет рассматривать себя как таковой».</i></p> <p>4. <i>«Можно отметить возможность того, что нечто может быть сказано».</i></p> <p>5. <i>«Таким образом, можно сделать вывод о возможности формулирования вывода».</i></p>
---	--	---

<p><i>Игровой/ иронический компонент (I):</i></p> <p>Применение классификаторов сарказма и тонального анализа для обнаружения намеренной или непреднамеренной игры с абсурдом. Двусмысленные «слишком умные» фразы, создающие впечатление глубокомыслия при отсутствии явной логики, могут быть распознаны такими моделями по характерным лексическим и интонационным признакам.</p>	<p>1. Irony–Literal Polarity Divergence (ILPD). Измеряет расхождение между буквальным семантическим содержанием и тональной оценкой (позитив / нейтральность при отсутствии логической опоры). <i>Аномалия:</i> фраза звучит «утвердительно» и «значимо», но не утверждает ничего проверяемого.</p> <p>2. Sarcasm Probability without Target (SP–T0). Вероятность сарказма при отсутствии явного объекта иронии (адресата, события, позиции). <i>Аномалия:</i> иронический регистр есть, но неясно, над чем осуществляется игра (иронический парадокс без объекта).</p> <p>3. PseudoInsight Cue Density (PICD). Плотность лексических маркеров инсайта и глубины («на самом деле», «по сути», «в конечном счете») без последующего семантического раскрытия. <i>Аномалия:</i> интонация откровения, намек на игру, но неясно, с чем именно.</p> <p>4. MetaSeriousness Instability Index (MSI). Оценивает колебания между серьезным и игровым регистрами без явного переключателя (irony markers, emojis, кавычки, контекст). <i>Аномалия:</i> метакомментарий, создающий ощущение интеллектуальной иронии, когда читатель не может определить, «это всерьез или нет».</p> <p>5. Absurdity Coherence Score (ACS). Фиксирует согласованность абсурда: различает осмысленную иронию (абсурд с внутренним правилом) и рениксную псевдоиронию (абсурд без игры). <i>Аномалия:</i> форма иронии есть, игрового правила — нет.</p>	<p>1. «По сути, именно отсутствие четкого содержания и придает высказыванию его особую глубину».</p> <p>2. «В этом смысле сказанное нельзя назвать ни верным, ни неверным — и в этом заключается его точность».</p> <p>3. «По сути, можно было бы упростить мысль, но тогда она перестала бы быть столь показательной».</p> <p>4. «Формальная корректность здесь говорит сама за себя, даже если ей нечего сказать».</p> <p>5. «Вероятно, именно эта неопределенность и является наиболее определенным результатом».</p>
--	--	--

Примечание: *TF-IDF (Term Frequency – Inverse Document Frequency) – статистическая мера, оценивающая важность слова для конкретного контекста относительно корпуса текстов, может использоваться для выявления шаблонности, избыточности и низкой информационной новизны. Low-Variance TF-IDF Score – индикатор глобальной информационной плоскости текста, отражающий отсутствие лексически выраженных пропозициональных пиков, независимо от наличия или отсутствия дискурсивных шаблонов.

Новизна данного исследования заключается в интеграции и реконфигурации существующих теоретических оснований в единую систему, ориентированную на анализ формально связанного, но когнитивно нерелевантного дискурса. Каждая

метрика задается как интерпретируемый индикатор, доступный экспертной аннотации и последующей вычислительной операционализации, что обеспечивает воспроизводимость, статистическую проверяемость и сопоставление рениксы с контрольными категориями (осмысленный текст, флуд, троллинг).

Использование перечисленных метрик позволит анализировать тексты на наличие рениксных признаков. Кроме того, современные метрики дискурсивной связности успешно фиксируют логические разрывы в тексте и могут применяться для автоматического обнаружения рениксы в больших корпусах, включая дискурсы LLM, что может стать дополнительной прикладной задачей. Это открывает перспективу создания алгоритмов, способных фильтровать псевдоосмысленный контент.

Методы обработки естественного языка применяются для формализации семантических и дискурсивных характеристик рениксных реплик. Использование *SBERT*-эмбеддингов, кластеризации, метрик семантической близости, а также *TF-IDF*-векторизации и психолингвистических показателей *LIWC* обеспечивает многоуровневое представление текстовых данных. Анализ сетевых характеристик меметического распространения (плотность графов, структура репост-сетей) позволяет исследовать динамику распространения рениксных сообщений в цифровой среде. Сравнение сообщений человека и LLM осуществляется с помощью стандартных метрик классификации и вероятностных показателей, обеспечивающих оценку согласованности и калиброванности моделей.

Эмпирическая проверка воспроизводимости конструкта «реникса», валидности критериев R-матрицы и создание аннотированного корпуса *Renixa Corpus v1.0 (RU)* необходимы для дальнейших психолингвистических и вычислительных исследований способности LLM идентифицировать рениксные сообщения с точностью, сопоставимой с экспертной, а также для выделения устойчивой «реникс-зоны» в семантическом пространстве социальных сетей.

Заключение

В работе предложена формализация конструкта «реникса» как типа дискурса, характеризующегося расхождением между локальной когерентностью и глобальной семантической согласованностью. Введенная R-матрица задает параметрическое пространство описания конструкта и формирует предварительную операциональную основу для его выявления в цифровых коммуникациях. Основной вклад исследования состоит в интеграции психолингвистических, когнитивных и вычислительных подходов в единую модель анализа семантически аномальных, но локально связанных текстов.

На методологическом уровне предложен набор метрик для выявления семантической несовместимости, асимметрии, когерентности и прагматической нестабильности. В текущем виде они заданы концептуально и требуют дальнейшей формализации, включая описание вычислительных процедур, калибровку параметров и определение статистически обоснованных порогов интерпретации. В связи с этим работа представляет собой исследовательскую программу, а не завершенный валидированный инструментарий.

Необходимо отметить ряд ограничений. Отсутствие эмпирических данных не позволяет оценить устойчивость и дискриминативную валидность конструкта. На данном этапе не представлен аннотированный корпус, что ограничивает оценку межэкспертной согласованности и воспроизводимости, а предложенные метрики

не сопоставлялись с базовыми и альтернативными моделями. В связи с этим сделанные выводы носят предварительный характер и остаются преимущественно теоретическими.

Несмотря на указанные ограничения, предложенная рамка имеет значимые импликации: она позволяет выделить недостаточно формализованный класс феноменов цифрового дискурса и задает основу для его систематического анализа. Кроме того, она открывает возможности интеграции методов выявления семантических аномалий в задачи обработки естественного языка, включая оценку качества контента, модерацию и фильтрацию псевдосодержательных сообщений. Таким образом, работа представляет собой теоретически обоснованную, но эмпирически предварительную рамку, определяющую концептуальные границы рениксы и задающую направления для перехода к валидации модели анализа цифровых коммуникаций.

© Горюнова Н.Б., 2026

Литература

Горюнова Н.Б. Реникса как новый психолингвистический конструкт цифровой коммуникации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2026. Т. 11. № 1 (41). DOI: 10.38098/ipran.sep_2026_41_1.

Alkaiissi H., McFarlane S. I. Artificial hallucinations in ChatGPT: Implications in scientific writing. *Cureus*. 2023. 15(2): e35179. DOI: 10.7759/cureus.35179.

Buekens F., Boudry M. The dark side of the long: Explaining the temptations of obscurantism. *Theoria*. 2015. 81. P. 126–142.

Davis E., Aaronson S. Testing GPT-4 with Wolfram alpha and code interpreter plugins on math and science problems. *Artificial Intelligence*. 2023. arXiv:2308.05713.

Frankfurt H. *On Bullshit*, Princeton University Press. 2005.

Hicks M.T., Humphries J., Slater J. ChatGPT is bullshit // *Ethics and Information Technology*. 2024. 26:38. <https://doi.org/10.1007/s10676-024-09775-5>.

Huang L., Yu W., Ma W., Zhong W., Feng Z., Wang H., Chen Q., Peng W., Feng X., Qin B., Liu T. A Survey on Hallucination in Large Language Models: Principles, Taxonomy, Challenges, and Open Questions. *Computation and Language*. 2023. arXiv:2311.05232.

Lightman H., Kosaraju V., Burda Y., Edwards H., Baker B., Lee T., Leike J., Schulman J., Sutskever I., Cobbe K. Let's verify step by step. 2023. arXiv, 2305, 20050.

Lysandrou G., Owen R.E., Mursec K., Brun G.L., Fairley E.A.L. Comparative analysis of drug-GPT and ChatGPT LLMs for healthcare insights: Evaluating accuracy and relevance in patient and HCP contexts. *Computation and Language*. 2023. arXiv:2307.16850.

Mandelkern M., Linzen, T. Do language models' Words Refer? *Computation and Language*. 2023. arXiv:2308.05576.

OpenAI. GPT-4 technical report. *Computation and Language*. 2023. arXiv:2303.08774.

Pennycook G. A Framework for Understanding Reasoning Errors: From Fake News to Climate Change and Beyond. *PsyArXiv*, 31 Aug. 2022, doi:10.31234/osf.io/j3w7d.

Pennycook G., Cheyne J. A., Barr N., Koehler D. J., Fugelsang J. A. On the reception and detection of pseudo-profound bullshit // *Judgment and Decision Making*. 2015. 10(6), P. 549–563. <https://doi.org/10.1017/S1930297500006999>.

Pesaranghader A., Li E. Hallucination Detection and Mitigation in Large Language Models. *Artificial Intelligence*. 2026. arXiv:2601.09929.

Rykov E., Petrushina K., Savkin M., Olisov V., Vazhentsev A., Titova K., Panchenko A., Konovalov V., Belikova J. When Models Lie, We Learn: Multilingual Span-Level Hallucination Detection with PsiloQA. *Computation and Language*. 2025. arXiv:2510.04849.

Shah C., Bender E. M. Situating search. CHIIR '22: Proceedings of the 2022 Conference on Human Information Interaction and Retrieval March 2022 P. 221–232. <https://doi.org/10.1145/3498366.3505816>.

Zhang M., Press O., Merrill W., Liu A., Smith N.A. How language model hallucinations can snowball. *Computation and Language*. 2023. arXiv:2305.13534.

Сведения об авторе:

Горюнова Наталья Борисовна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН

Контактная информация:

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к.1

ORCID: 0000-0001-8819-5903

e-mail: gorjunovanb@ipran.ru

Для цитирования:

Горюнова Н.Б. Конструкт «реникса» в цифровом дискурсе и его распознавание с помощью LLM агентов // Вопросы психолингвистики. 2026. №1(67). С. 19–34, doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-19-34

UDC 159.9

LBC 88.2

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-19-34

Research article

**CONSTRUCT “RENIXA” IN DIGITAL COMMUNICATION:
METHODS FOR IDENTIFICATION AND AUTOMATED ANALYSIS**

Goryunova Natalia Borisovna

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract

Recent years have been marked by a steadily growing interest in large language models (LLMs) capable of generating text closely approximating human language. Despite their widespread adoption, the use of such systems is associated with systematic errors and inaccuracies in reasoning. The tendency of LLMs to produce false or unfounded statements is largely related to their lack of orientation toward a truth criterion, which makes their analysis within a psycholinguistic framework particularly relevant and contributes to a deeper understanding of the functioning of artificial language systems. A substantial part of content produced in contemporary digital environments and social media is characterized by a pronounced attentional effect combined with low cognitive value. This necessitates the introduction of a dedicated scientific term to describe such messages. The proposed

construct, renixa, captures a set of cognitive, pragmatic, and memetic properties of text that enable attention capture in the absence of substantive semantic content. The introduction of a measurable parameter matrix (R-matrix) enables a transition from an intuitive description of the phenomenon to its operationalization and potential empirical validation, thereby providing a foundation for the systematic study of renixa-type messages in digital discourse. The integration of psycholinguistic and cognitive approaches with methods from natural language processing into a unified methodological framework ensures the comparability of theoretical models and formal metrics for text analysis

Keywords: renixa, nonsense, absurdity, digital discourse, LLM agents

© Goryunova N.B., 2026

Bionotes

Natalia B. Goryunova – Candidate of Sciences in Psychology, senior fellow researcher, Laboratory of Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

Contact information:

129366, Yaroslavskaya str., 13/1, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8819-5903

e-mail: gorjunovanb@ipran.ru

For citation:

Goryunova N.B. The construct “renixa” in digital discourse and its recognition using LLM’s agents // Journal of Psycholinguistics. 1(67), 2026. P. 19–34. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-19-34 (In Russian)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРЕНИНГОВ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Гридина Татьяна Александровна

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

Коновалова Надежда Ильинична

Уральский государственный педагогический университет,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аннотация

В статье исследуется феномен вербальной креативности в свете игровых тренинговых технологий. Авторы исходят из постулата о конгруэнтности таких тренингов природе языковой игры как форме лингвокреативного мышления, основанной на актуализации ассоциативного потенциала словесных знаков. Механизмы языковой игры, связанные с осознанным нарушением языкового канона, создают зону языковой свободы, не предполагающей алгоритмизированного, заранее известного решения поставленной задачи. Для организации таких тренингов могут быть использованы процедуры психолингвистического эксперимента, которые стимулируют эвристические возможности реализации потенциала языковых форм и значений. Данные процедуры обнаруживают психологически релевантный для каждого участника лингвокреативный регистр «манипулирования» словесными знаками. В статье описываются разработанные на основе метода вероятностного прогнозирования тренинги рецепции и порождения текста в игровом ключе: восприятие и интерпретация лакунаризованного текста в зависимости от расстановки в нем знаков препинания; порождение текстов на базе заданных буквенных «наборов»; процедура свободного толкования и направленного ассоциативного эксперимента как диагностика и развитие способности респондентов (участников тренинга) к считыванию эмоционально-экспрессивного и семантического функционала размерно-оценочных префиксоидов (с последующим созданием игровых текстов на их основе).

Ключевые слова: вербальная креативность, тренинги, экспериментальные методы психолингвистических исследований

Предварительные замечания

Вербальная креативность – одна из важнейших составляющих языковых способностей личности, определяющая не только результат речевой деятельности, но и собственно «процесс, который приводит к этому результату» [Рубинштейн 1999: 133]. Креативное мышление как проявление способности к созданию нового на базе уже существующего основано на ассоциативных механизмах, что применительно

к языковой реальности связано с обновлением канонических форм номинации и коммуникации. Психологическим субстратом этого процесса является ассоциативный потенциал единиц вербального кода как «... вся совокупность ассоциативных связей слова <которые оно может вызывать в сознании говорящих>, ... допуская системное (внеконтекстуальное) и речевое варьирование ... и различную интерпретацию» [Гридина 1996: 35]. При этом в зону ассоциативной динамики, определяющей «бесконечную интерпретационную валентность» [Лосев 1983: 142] словесного знака, может попадать любой из компонентов его формальной и/или смысловой структуры (от восприятия звуковой оболочки до соотнесения значения с конкретным референтом). Особой формой лингвокреативного мышления, основанного на механизмах актуализации и одновременной ломки, переключения ассоциативных стереотипов порождения, восприятия и употребления языковых знаков, выступает *языковая игра*. Субстанциональная природа данного феномена обращена одновременно к языку и речи, обнаруживая потенциальные аспекты актуализации ассоциативного контекста вербальных знаков в соответствии с *намеренной интенцией говорящих к нарушению языкового стандарта* (см. подробнее [Гридина 1996]). В игровом лингвокреативном регистре происходит выход говорящего *из зоны языкового принуждения в зону языковой свободы* [Ажеж 2003]. В этом отношении показательны, в частности, формы вербальной креативности в онтогенезе – *компенсаторная* (восполняющая лексический дефицит или недостаточность существующих языковых средств для выражения актуальных коммуникативных потребностей ребенка) и *осознанная* креативность (в форме языковой игры – при понимании ребенком условности собственной инновации) [Гридина 2018]. Подчеркнем особо тот факт, что компенсаторная и преднамеренная формы вербальной креативности в основе своей имеют одинаковые механизмы, различаясь лишь преднамеренностью или произвольностью нарушения нормы (в широком смысле этого слова). Спонтанное развитие способности ребенка к языковой игре, имея индивидуальный характер, тем не менее, обнаруживает зависимость данной способности от речевого и языкового базиса личности (в соответствии с возрастными стадиями развития, влиянием речевой среды, особенностями латерального профиля конкретной личности [Доброва 2018; Коновалова 2015]).

Данный момент является триггером для организации тренингов вербальной креативности как технологии развития языковых способностей при решении нестандартной задачи¹ в регистре языковой игры. Языковая игра в этом смысле есть лингвистический эксперимент, нарушающий *границы дозволенного* [Норман 2023] и в то же время открывающий не реализованный языком потенциал. Операциональную основу успешной интеракции коммуникантов в данном случае составляет способность адресанта к моделированию нестандартного ассоциативного контекста игровой трансформы и способность адресата к ее декодированию в соотношении с опознанным прототипом. Таким образом, игровой «консенсус» достигается с учетом взаимообратимости процессов порождения и восприятия «игремы»

---

¹ См.: «Можно выдвинуть положение о том, что процессы восприятия речи в определенных ситуациях имеют не алгоритмический характер, жестко определяемый конкретной ситуацией-стимулом, а подчиняются эвристическому принципу. Иными словами, оптимальная стратегия (класс прогнозов) выбирается не обязательно в результате анализа и отождествления конкретного стимула или стимульной ситуации. Ее выбор может предшествовать такому анализу и определять его или может производиться на базе учета заведомо неполного набора признаков» [Леонтьев 1974: 55–56].

(термин Т.А. Гридиной) при конгруэнтности когнитивного базиса и лингвистической компетенции адресата и адресанта, достаточной для дешифровки игрового кода.

Языковая игра как тренинговая процедура предполагает **погружение ее участников в ситуацию эксперимента** с языковыми знаками при отсутствии заданного алгоритма выполнения нестандартной задачи. Соответственно для организации таких тренингов могут быть использованы процедуры психолингвистического эксперимента, которые стимулируют эвристические возможности реализации потенциала языковых форм и значений, обнаруживая релевантный для каждого участника лингвокреативный регистр. Ср. выделяемые А.А. Леонтьевым параметры психолингвистической модели, «... которая была бы эвристической, то есть: а) предусматривала бы звено, в котором осуществлялся бы *выбор стратегии* речевого поведения; б) была бы гибкой и допускала различные пути оперирования с высказываниями на разных этапах порождения (восприятия) речи; в) наконец, не противоречила бы при этом результатам, полученным ранее при проверке “психолингвистической реальности” других моделей» [Леонтьев 1974: 57].

Экспериментальный психолингвистический ресурс организации тренингов вербальной креативности

Сущность психолингвистических экспериментов любого типа состоит в их ориентации на показания языкового сознания респондентов и верификации модели языковой способности [Леонтьев 2003] как отраженной в сознании говорящих операциональной системы использования языка [Бубнова 2020; Бутакова, Гуц 2025; Уфимцева 2022; Харченко, Мань 2018].

Организация тренинга креативности предполагает создание ситуации, требующей от участников принятия нестандартных решений. И в этом отношении экспериментальные методики оказываются весьма продуктивным способом вовлечения респондентов в креативный процесс. Так, свободный и направленный ассоциативные эксперименты позволяют создать **первичный базис для актуализации формально-смысловых проекций слова-стимула** (сам набор получаемых реакций дает возможность диагностировать степень лингвокреативности конкретного респондента по критериям *беглости, гибкости, оригинальности*, характеризующих его способность к тому или иному виду словесного творчества).

Развитие креативного процесса в рамках тренинга (в том числе тренинга языковых способностей) предполагает ряд этапов, первым из которых является *преодоление фрустрации* (при осознании субъектом невозможности выполнения творческого задания привычными, известными ему из речевой практики способами). Наступающий после фрустрации *этап инкубации* (временного отвлечения от проблемы и спонтанного погружения респондента в поток подсознательной «ревизии» собственного перцептивного опыта) обнаруживает возможности соединения логики левополушарного мышления и образного, гештальтного кода правого полушария. Наступающий после этапа инкубации *инсайт* (внезапно «всплывающий» ответ) фиксирует момент «ломки», «переключения» ассоциативных стереотипов первичного восприятия вербального стимула. *Разработка найденной креативной идеи* «запускает» данный процесс по кругу, возвращая участника тренинга к решению поставленной задачи на уже новом, «продвинутом» уровне. Таким образом, главный принцип тренинга состоит в организации креативной среды, пребывая в которой – при переходе от простого к более сложному уровню предъявления вариантов

выполняемого задания, – участники реализуют свой личностный потенциал в области владения языком и экспериментирования с вербальными знаками. Основные критерии креативности (*беглость, гибкость, оригинальность*) соотносятся в предлагаемом тренинге с определенными типами (видами) языковых способностей, диагностируемых и развиваемых в регистре языковой игры. К числу факторов, которые могут способствовать проявлениям лингвокреативности при решении нестандартной задачи, относятся такие, как «особенности памяти, характер вербального прогнозирования, быстрота реакций, фонетический слух, способность к переносу языковых элементов, ... уровень речевого развития, грамматическое чутье, способность устанавливать языковые закономерности» [Кабардов 2013: 127]. При этом в соответствии с психолингвистической направленностью тренинговых процедур «... основное внимание уделяется экспериментальной разработке проблемы избирательности (**индивидуальной** предпочтительности) в отношении языковых и речевых явлений, лежащей в основе индивидуальных стратегий освоения действительности» [Там же: 127]. См. об этом также: [Бубнова 2025; Уфимцева 2019].

Продемонстрируем в свете вышесказанного некоторые игровые тренинговые технологии в области текстопорождения и текстовосприятия.

Тренинг «Рецепция и порождение текста»

Цель данного тренинга заключалась в актуализации (диагностике и стимулировании) аспектов вариативной интерпретации текста и процедур текстопорождения в игровом ключе.

За основу разработки тренинговых процедур был взят *метод вероятностного прогнозирования* (включающий в себя две методики – завершение / «дистраивание» высказывания по его началу и восстановление намеренно лакунариванного текста). В основе этого метода лежит теоретический постулат об известной предсказуемости рецепции (смысловой интерпретации) и продуцирования текста в опоре на закон семантического согласования звеньев речевой цепи и закрепленные в сознании говорящих типовые контексты употребления словесных знаков, соотносительные с актуальными для индивидуумов представлениями о предмете речи и внеязыковой ситуации.

Процедура проведения тренинга включала в себя несколько этапов.

На первом этапе тренинга была использована технология «восстановления» (произвольной расстановки) исключенных из текста знаков препинания в соответствии с пониманием его смысла респондентами.

Исходные постулаты:

А. Процессы текстопорождения и текстовосприятия в известной степени взаимобратимы, но нетождественны.

Б. Членение текста на значимые сегменты в процессе текстопорождения и в процессе текстовосприятия может не совпадать.

В. Характер членения текста на смысловые сегменты отражает его интерпретацию адресатом.

Г. Понимание текста опирается на внетекстовые и собственно текстовые presuppositions, культурный фон говорящего и т.п.

В качестве задания участникам тренинга (студентам-филологам) было предложено расчленить незнакомый текст на смысловые сегменты, расставив в нем знаки

препинания. При этом аутентичный текст был представлен в виде последовательности составляющих его фрагментов без знаков препинания (указывалось только, что это стихотворный текст):

*Благодарить благодарить за боль за боль еще важнее простить обидчика
простить он слаб и в страхе ты сильнее принять скорбящего принять все его скорби
и тревоги поднять упавшего поднять он твой собрат один из многих благословить
благословить и проклинающих их тоже любить жестокий мир любить его спасти
любовь лишь может ...*

Данная тренинговая процедура рассматривалась одновременно как стимуляция рецептивной и продуктивной (текстопорождающей) креативности респондентов, связанной с выделением и пунктуационным оформлением смысловых блоков стихотворного текста.

Рассмотрим несколько вариантов «прочтения» и структурирования данного текста, полученных от респондентов:

(1) Благодарить, благодарить за боль, за боль ...

Еще важнее простить обидчика,
простить – он слаб, и в страхе ты сильнее!

Принять скорбящего, принять все его
скорби и тревоги, поднять упавшего,
поднять: он твой собрат один из многих.

Благословить, благословить и проклинающих,
их тоже любить. **Жестокий мир!**

Любить его, спасти любовь лишь может ...

Комментарий. Заглавные буквы и знаки препинания фиксируют начало каждого смыслового фрагмента, определяя членение текста с позиций респондента. В расстановке знаков препинания в целом реализована стратегия градационного акцентирования глаголов, которые несут в себе лейтмотив снисхождения к слабому и спасения жестокого мира и всех скорбящих любовью. Выделенные предложения маркированы *многоточием* (как выражением неопределенности, раздумья, осмысления сказанного) и *восклицательными знаками* (как выражением эмоциональной оценки и присоединения к авторскому посылу). Ключевой текстовый фрагмент «Принять скорбящего ...» имеет констатирующую модальность. С помощью *тире* и *двоеточия* респондентом обозначены транслирующие авторскую позицию аргументы (см.: *он слаб ... и он твой собрат*).

(2) Благодарить ... Благодарить за боль,
за боль еще важнее! Простить обидчика,
простить! Он слаб и в страхе, ты сильнее!

Принять скорбящего! Принять все его
скорби и тревоги. **Поднять!** Упавшего
поднять! Он твой собрат, один из многих!

Благословить! Благословить! **И**
проклинающих, их тоже! Любить! **Жестокий**
мир любить! Его спасти любовь лишь может!

Комментарий. В данном варианте (за исключением первого сегмента, оформленного многоточием, побуждающим к размышлению над заданной темой) пунктуационное членение текста в целом характеризуется выделением

парцелированных инфинитивных предложений императивной модальности, педалируя идею всепрощения, благословения и любви как спасительной доктрины жизни в жестоком мире. Объясняя такую расстановку знаков препинания, респондент указывает, что при первом прочтении предъявленного текста воспринял его как некий призыв, и, следуя законам жанра, использовал восклицательные знаки, выражающие эмоциональную солидарность с авторской позицией.

(3) Благодарить? Благодарить за боль?

За боль еще важнее? Простить обидчика?

Простить? Он слаб и в страхе?

Ты сильнее!

Принять скорбящего!

Принять все его скорби и тревоги!

Поднять упавшего, поднять:

он твой собрат, один из многих.

Благословить! Благословить и проклинающих?

Их тоже? Любить жестокий мир?

– Любить! Его спасти любовь лишь может ...

Комментарий. Респондент реализует стратегию саморефлексии, ставя себя на место того, кто должен проявить милосердие одновременно и к слабым, и к обидчикам, сильным мира сего. Оценочные акценты выражены в соотношении вопросительных (выражающих, скорее, несогласие) и восклицательных (выражающих согласие, поддерживающих позицию автора) предложеческих сегментов членения текста. Такой тип рецепции текста соотносится с психологическим феноменом «инфиксации» – проекции восприятия текста в применении к собственному опыту и ценностным установкам.

(4) – Благодарить. /– Благодарить? За боль? /– За боль – еще важнее. – / Простить обидчика?! / – Простить: он слаб и в страхе – ты сильнее. / – Принять скорбящего? / – Принять – все его скорби и тревоги. / – Поднять упавшего? / – Поднять: он твой собрат, один из многих. / – Благословить? / – Благословить! / – И проклинающих?! / – Их тоже! Любить жестокий мир ... / – Любить?! / – Его спасти любовь лишь может.

Комментарий. Респондентом использована диалоговая форма членения текста в виде вопросно-ответных реплик, последовательно развивающих аргументацию идеи спасения жестокого мира любовью перед лицом сомневающегося в таком выборе адресата. По форме данная версия членения текста ближе всего к авторской. Однако в исходном тексте этот диалог имеет «внутренний» характер, он обращен автором к самому себе, а не к собеседнику.

Ср. аутентичный авторский текст:

Благодарить? – Благодарить.

За боль? – За боль – еще важнее.

Простить обидчика? – Простить.

Он – слаб. И в страхе. Ты – сильнее.

Принять скорбящего? – Принять.

Все его скорби и тревоги.

Поднять упавшего? – Поднять.

Он твой собрат. Один из многих.

Благословить? – Благословить.

И проклинаящих? – Их тоже.
Любить жестокий мир? – Любить.
Его спасти
Любовь

лишь

может ...

Елена Туркка [URL]

Рецепция данного текста в соотношении с авторским оригиналом обнаруживает индивидуальные аспекты его интерпретации, проявляя смыслопорождающий и экспрессивный потенциал пунктуационного оформления речи.

Восприятие и понимание текста участниками тренинга демонстрирует также стратегии лево- и правополушарного мышления: *конвергентную* и *дивергентную*. Первая характеризуется последовательной логической детализацией (разработкой) заданной темы, вторая – комбинированием текстового гештальта из разнонаправленных «пучков» ассоциаций на заданный стимул. Так, в приведенных примерах конвергентная, однонаправленная экспликация смыслового членения текста представлена вариантом (1), логически развивающим тему через выделение ее аспектов; правополушарная стратегия представлена вариантом (2), где эмоционально эксплицирована императивная модальность в жанре призыва, и вариантами (3) и (4), где идея гештальтно подана в виде антитезы: чередования вопросительных и восклицательных предложений (выражающих неприятие, сомнение или эмоционально маркированное согласие с авторской позицией).

Проведенный тренинг был направлен на актуализацию способности респондентов к обнаружению версий смысловой интерпретации и «сборки» текста с учетом возможностей варьирования его синтаксической структуры. Эта способность содержит в себе лингвокреативный потенциал не только текстовосприятия, но и текстопорождения (в том числе необходимый для создания игрового текста).

На втором этапе в качестве текстопорождающей тренинговой процедуры **с выходом в игровой регистр** был применен адаптированный вариант методики завершения (дополнения) высказывания с использованием **абстрактных буквенных последовательностей**, которые выступали стимульным материалом для создания предложений из произвольно подобранных слов на соответствующую букву.

В основе данной тренинговой технологии лежит идея предречевой заданности будущего высказывания [Караулов 1999] и возможности «запечатления» информации в буквенном коде (см. [Жинкин 1999]), который при «переводе» в высказывание может провоцировать ассоциации с определенным лексическим континуумом и выбор грамматической формы слов той или иной части речи. Соответственно описанная тренинговая процедура позволяет диагностировать количество и разнообразие вербальных реакций на соответствующий буквенный стимул, а также способность респондентов к созданию осмысленных предложений и текстов на их основе – с оценкой по критерию стереотипности или оригинальности. Задания, предлагаемые участникам тренинга на данном этапе, имеют характер постепенного усложнения, стимулируя лингвокреативный поиск решения в вероятностном экспериментальном режиме.

Задание 1. Нужно придумать предложения из 4^х слов по заданному буквенному набору – **НДОП**: последовательность букв = последовательности слов на эти

буквы в предложении. При выполнении данного задания (несмотря на отсутствие тематических и частеречных ограничений в выборе слов на соответствующую букву) выявляются некие прогнозируемые ассоциативные стереотипы как в лексическом наполнении, так и в синтаксической структуре продуцируемых участниками тренинга предложений. В частности, одинаковые ассоциаты на предложенную последовательность буквенных стимулов проявляются и у разных респондентов, и у одного и того же респондента, повторяясь в целом ряде порождаемых высказываний. Стереотипными, наиболее частотными вероятностными ассоциатами на первый буквенный стимул **Н** являются слова *новый, наш, надо/нужно*, предлог *на*, отрицательная частица *не*, личные имена собственные; на букву **Д** – словоформы глагола *думать*, существительное *дом*, предлог *до*; **О** чаще всего ассоциируется с наречием *очень* и предлогом *о*; **П** в заданной последовательности буквенных стимулов ассоциируется со словами разных частей речи, достраивающими предикативную основу или занимающими позиции второстепенных членов предложения. Ср., например, следующий ряд полученных от респондентов предложений: *Новый (вариант – наш) дом очень прочный / Надежда думала о празднике / Не думай о прошлом / На дело он пошел / Надо до осени подождать* и т.п.

В качестве нестандартных (оригинальных) решений поставленной задачи нами выделены два предложения, первое из которых представляет собой игровую имитацию рекламного слогана, второе – имеет характер метафорической сентенции, иронически обыгрывающей тему «остывающего любовного чувства». *Нашел деньги – отдай прохожему / Нежность должна остывать постепенно.*

Задание 2. Из той же совокупности букв **НДОП** предлагается составить ряд предложений, образующих связный текст; при этом число слов в каждом предложении не ограничивается, не регламентируется: **НДОПНДОПНДОП ... (границы между сегментами текста устанавливаются респондентами произвольно)**. Кроме того, вводится жанрообразующий параметр создания текста – реклама, сказка, программа телепередач, меню и др. (по выбору респондента). Это усложняющее задачу «условие» стимулирует участников тренинга к использованию лингвокреативной техники речепорождения.

Для примера приведем вариант креативного текста, в котором реализован имитативный принцип языковой игры с использованием экспрессивного стилистического регистра молодежного сленга и рекламных клише.

НОВЫЕ духи «ОТОРВИСЬ!». Переверни надоевший до оскомины порядок. Надо думать о престиже на другой основе. Проверь на деле ощущение полета. Насладись духами «Оторвись!». Покупай новый дорогой образ!

Задание 3 (повышенной сложности). Создать текст по заданному набору букв, соблюдая предложенное пунктуационное членение: **НД. ОПН – Д, О, П. Н Д О П Н Д О. ПНДО. ПНДОП. Н, Д! ОП! Н?! ДОП. НДОПНДОП!**

Участникам тренинга (в числе одного из возможных вариантов) предлагалось написать шутливую инструкцию на тему: «Как запустить креативный речемыслительный процесс». Ср. удачный пример продуцирования такого текста, созданного студентом-филологом:

НАДО ДУМАТЬ! Очень просто нить – думать, однако, посложнее. Не делай отчаянных попыток найти детский ответ. Попробуй непонятное декодировать оригинально. Представь неожиданный дивергентный образ пространства. Ну,

давай! Очень постарайся! Нашел?! Дополняй образ подробностями. Неординарность дерзким очень помогает над дуболомьем одержать победу.

Приведенный текст в полной мере соответствует представлениям о протекании креативного процесса, сложившемся у респондента в ходе выполнения тренинговых процедур. И это одно из свидетельств **постепенного приращения индекса креативности** при последовательном усложнении заданий и введении жанровой специализации продуцируемого текста в виде игровой установки.

Описанные фазы тренинга могут служить исходным моментом вовлечения его участников в процесс рефлексии над структурно-смысловой организацией текста и креативным процессом его восприятия и порождения.

Особым типом диагностики и актуализации вербальной креативности выступает **тренинговая технология порождения игрового текста.**

К параметрам, позволяющим квалифицировать текст как игровой (в том числе создаваемый в тренинговом режиме) мы относим:

- 1) игровую установку, предполагающую осознание условности моделируемой текстовой реальности;
- 2) использование техники языковой игры как некоего основополагающего, сюжетообразующего начала.

В качестве примера приведем разработанную нами процедуру такого тренинга с использованием адаптированных психолингвистических методик *направленного ассоциирования, прямого толкования и вероятностного прогнозирования.* Предлагаемый комплекс тренинговых заданий ориентирован на проявление респондентами спонтанной семантической гибкости как одного из важных критериев креативности, способствующих продуцированию разнообразных идей в относительно неограниченной ситуации [Трик 2008: 357–362] и актуализации разномодальных оттенков смысла и оценочных коннотаций передаваемого сообщения.

Цель тренинга состояла в диагностике и стимуляции способности респондентов к использованию эмоционально-экспрессивного и семантического функционала префиксоидов, способных выступать как словообразующая морфема в составе производного слова (например, *ультрасовременный гаджет*), так и в качестве самостоятельных лексем (*Все было сверх и ультра!*). Соответственно разряд префиксоидов характеризуется диффузной (вариативной) контекстуально обусловленной референцией (например, *сверхскорость* – «о чрезвычайно высокой скорости»; *сверхспособности* – «о выдающихся, нестандартных способностях человека или машины»; *сверхъестественный* – «магический, нереальный, таинственный» и т.п.).

Данное свойство префиксоидов обуславливает возможность их актуализации в условно-реальном регистре при создании игровых текстов – за счет актуализации и преднамеренного переключения типовой семантики префиксоидов в сюжетно заданном ключе.

Стимульный материал был представлен набором размерно-оценочных префиксоидов, обладающих синкретичной семантикой, характеризующей градацию (степень проявления) количественных и качественных параметров, меры чего-либо: *мини-, микро-, мега-, супер-, гипер-, сверх-, ультра-, гипо-, нано-*.

Все такого рода префиксоиды содержат экспрессивно-эмоционально-оценочные коннотации (семы интенсивности – *большой / маленький, сильный / слабый,*

характеристики по критериям *хороший / плохой, нравится / не нравится* и т.п.) и обладают амбивалентностью в проекции на конкретную речевую ситуацию.

Основой разработки данного тренинга выступает постулат, согласно которому за формальной структурой префиксоидов, имеющих типовую пространственно-оценочную семантику, скрывается ассоциативный шлейф разнообразных индивидуальных смыслов, психологически релевантных для конкретных носителей языка.

В качестве **экспериментальной гипотезы** принималось допущение об актуальности таких дискурсивных единиц для сознания современной молодежи, что вероятностно должно проявиться в процессе порождения игровых текстов по заданному набору ключевых слов.

На первом этапе данного тренинга (в соответствии с принципом направленного ассоциативного эксперимента) респондентам предлагалось ассоциировать стимульные слова с именами или прозвищами одушевленных персонажей, дать краткую характеристику каждому из них, условно обозначить главную черту характера, сферу деятельности, пол, возраст, особенности внешности и поведения. Заданные параметры описания воображаемого «героя» – носителя имени предполагали актуализацию ассоциативного потенциала соответствующих «антропоморфизированных» префиксоидов с учетом их типовой семантики в речевой практике.

Приведем некоторые наиболее яркие примеры соответствия значений префиксоидов рассматриваемой группы и их использования в игровой ономастической функции.

Мини – человек маленького роста / карлик / минималист / человек скромных запросов / скупой рыцарь / Акакий Акакиевич / девушка в мини-юбке или купальнике мини-бикини / девушка модельной внешности, модница в мини-юбке, легкомысленная, рассеянная (неспособная концентрироваться на чем-либо), безработная / миниатюрная девушка / домохозяйка, круг интересов которой ограничен только домашним обиходом / первоклашка / Микки Маус / Дюймовочка / работает на удаленке один день в неделю / немногословен / веселый коротышка-клоун / сын Мега;

Микро – биолог, изучающий микроорганизмы, в очках, с лупой / ювелир / Левша / микрохирург / инженер, работающий с микросхемами / «микрочипер» (вживляет микрочипы в организмы людей и животных) / «маленький человек» (по Гоголю) / скромный клерк / офисный планктон / невыдающейся внешности / слуга Мега / гном-домовой, которого никто не видит / друг Сверха;

Мега – великан / гигант / Илья Муромец / высокомерная дама / звезда эстрады / знаменитая киноактриса / мега-мозг (= ученый-изобретатель) / Гулливер / Гаргантюа и Пантагрюэль / хвостун (стократно преувеличивает свои заслуги) / босс, молодой мужчина – спортивный, атлетичный, накачанный / высокий охранник / статусный человек / всемогущий Бог / отец Мини;

Супер – герой / человек-паук / идеальный во всех смыслах мужчина / ведущий телешоу / Алексей Воробьев (певец, шоумен, актер) / оперная прима / герой Голливуда / Super Star / актриса яркой внешности с броским макияжем, ее амплуа – главные роли / парень что надо! / безупречно грамотный человек, корректор / коуч-психолог, разруливающий любые проблемы / полицейский, фанат супермена;

Гипер – очень активный ребенок / капризная особа, требующая от окружающих усиленного внимания / суровый, слишком требовательный начальник / гиперпунктуальный человек / суперобщительный молодой человек / чересчур навязчивый

менеджер по продажам / спортсмен-олимпиец, целеустремлен и хладнокровен / директор крупной компании, стрессоустойчивый / мужчина огромного роста: голова растет прямо из плеч, ведет себя вызывающе, злобный и наглый;

***Сверх** – сверхактивный предприниматель / многодетный отец / космонавт / старец, доживший до глубоких седин / карьеристка / brutальный мужчина в кожаной куртке, на шее амулет, ездит на мерсе, всех считает ниже себя;*

***Ультра** – музыкант, играет рок-н-ролл / красивая высокая девушка модельной внешности, ищет обеспеченного мужчину / спортсмен-тяжелоеатлет / всезнайка / оппозиционер, враг Сверха, твердолобый;*

***Гипо** – мальчик, сын Гипера, слабый / врач, следует кодексу Гипократа, никому в помощи не отказывает / неповоротливый толстый мужчина средних лет, малоактивный;*

***Нано** – умный айтишник в очках / современная девочка-подросток, разбирается в гаджетах / ребенок-вундеркинд, но не «заучка» / говорит себе под нос.*

На втором этапе тренинга респондентам предлагалось создать небольшой текст в любом жанре (репортаж, интервью, басня и т.п.) с использованием соответствующих префиксоидов как ономастических игрем.

Приведем некоторые примеры:

Новостная лента

Сегодня на улице Префиксоидов произошло вооруженное нападение бандита Гипера на мегапопулярную лавку приколов. Хозяин лавки, он же потерпевший Мега, госпитализирован. В задержании преступника участвовали детектив Сверх, меткий стрелок Ультра и охранник Нано, запомнивший и описавший внешность всех бандитов в мельчайших подробностях. Благодаря слаженным действиям этой суперкоманды, удалось избежать тяжелых последствий для жителей данного микрорайона.

Интервью

Интервьюер: *«Господин Гипер-, почему вы так агрессивно захватываете молодежную речь?».*

Гипер-: *«Послушайте, я просто даю людям масштаб! Обычная активность – это скучно. А “гиперактивность” – это уже диагноз или стиль жизни. Я не агрессивен, я просто гиперовостребован».*

Интервьюер: *«В чем Вы видите причины такой востребованности?».*

Гипер-: *«Я гораздо более демократичен, чем мой категоричный друг Мега, не менее толерантен, чем мнящий себя демократом Ультра и вообще я Экстра, Сверх и Супер!»*

Полученные экспериментальные данные антропоморфного портретирования префиксоидов позволяют отметить некоторые тенденции осмысления их семантики в соотношении с апеллятивным «прототипом»:

1. При переводе анализируемых размерно-оценочных префиксоидов в условно-реальное поле антропонимикона, для которого присущи в числе прочих характеристики мужчин / женщин по внешности, интеллектуальным, психофизиологическим особенностям, межличностным отношениям и т.п., у этих словообразовательных формантов отсутствует жесткая гендерная закрепленность. Один и тот же префиксоид в ответах респондентов приписывается персонажам и женского, и мужского пола, что, очевидно, объясняется неизменяемостью данных словообразовательных формантов в обычном употреблении (в их основной функции).

2. Актуализация ассоциативного потенциала префиксоидов в игровой ономастической функции обнаруживает амбивалентность их оценочных коннотаций: как отрицательных, так и положительных. Ср.: *ультра-* – о твердолобом, упрямом человеке, оппозиционере и о красивой высокой девушке модельной внешности и др.

3. Заметную роль в актуализации узуальных значений префиксоидов в условном ономастическом контексте играет их ассоциативная соотнесенность с разного рода прецедентами, в основном литературными и фольклорными.

Заключение

Методы психолингвистических экспериментов – эффективный ресурс организации тренингов вербальной креативности, позволяющий актуализировать ассоциативные проекции языковых знаков в сознании индивидуума при решении нестандартной задачи в игровом регистре.

В целом игровая интенция стимулирует эвристики, сопряженные с лингвокреативным потенциалом номинации и текстопорождения.

«Эвристический принцип», лежащий в основе восприятия, порождения и усвоения речи, определяет необходимость применения текстопорождающих тренинговых технологий в сочетании с продуктивными экспериментальными технологиями рецепции текста, в том числе игрового.

©Гридина Т.А., Коновалова Н.И., 2026

Литература

Ажеев К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: УРСС, 2003. 304 с.

Бубнова И.А. Роль цифровой среды в организации индивидуального ментального опыта // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2020. № 18. С. 5–10. DOI: 10.26170/pla20-01-01.

Бубнова И.А. Будущее глазами современных студентов: что «В кадре»? // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2025. № 23. С. 5–17.

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Особенности идентификации слов невзрослыми носителями русского языка: трендовое исследование // Вопросы психолингвистики. 2025. №1(63). С. 44–61. DOI: 10.30982/2077-5911-2025-63-1-44-61.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.

Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива-3 / Под общей редакцией Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 14–75.

Гридина Т.А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре: моногр., 2-е изд., испр. и доп.: Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 272 с.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Ассоциативный потенциал префиксоида: квази-, псевдо-, лже- в современном медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2025. № 2(110). С. 32–39.

Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 262 с.

Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26-38.

Кабардов М.К. Языковые способности: психология, психофизиология, педагогика. М.: Смысл, 2013. 400 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 180 с.

Коновалова Н.И. Ресурсы речевой психодиагностики в образовательном процессе // Педагогическое образование в России. 2015. №11. С. 195–202.

Леонтьев А.А. Эвристический принцип в восприятии, порождении и усвоении речи // Вопросы психологии. М.: Педагогика, 1974. №5. С. 53–62.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; Лань, 2003. 287 с.

Лосев А.Ф. Языковая структура. М.: МГПИ, 1983. 374 с.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта, 2023. 344 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: АСТ, 1999. 960 с.

Трик Х.Е. Основные направления экспериментального измерения творчества // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления/ Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 357–362.

Уфимцева Н.В. Когнитивные стратегии и особенности менталитета (на материале ассоциативного эксперимента) // Теория речевой деятельности: вызовы современности: Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 06–08 июня 2019 года. М.: Издательство «Канцлер», 2019. С. 25–26.

Уфимцева Н.В. Архетипы культуры и структура языкового сознания // Российская психолингвистика: итоги и перспективы: Материалы XX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 года. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. С. 25–26.

Харченко Е.В., Мань Шу. Лингвокреативность в языковом пространстве города: межкультурный аспект // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 454–463.

Электронные источники

<https://www.elenaturkka.ru/> (дата обращения 10.10.2025).

Сведения об авторах:

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры общего языкознания и русского языка ФГАОУ ВО «УрГПУ»

Контактная информация:

620091, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, дом 26, оф. 281

ORCID: 0000-0003-3993-5164

e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры общего языкознания и русского языка ФГАОУ ВО «УрГПУ»; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся ФГАОУ ВО «УрФУ»

Контактная информация:

620091, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, дом 26, оф. 281

620000, г. Екатеринбург, ул. Чапаева, дом 16, оф. 309

ORCID: 0000-0002-8541-1014

e-mail: sakralist@mail.ru

Для цитирования:

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Психолингвистические аспекты организации тренингов вербальной креативности // Вопросы психолингвистики. 2026. №1(67). С. 35–49, doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-35-49

UDC 81'23

LBC 100.6

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-35-49

Research article

PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF ORGANIZING VERBAL CREATIVITY TRAININGS

Tatiana A. Gridina

Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

Nadezhda I. Konovalova

Ural State Pedagogical University,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia

Abstract

The problem field of the article is determined by the study of the phenomenon of verbal creativity in the light of game technologies for the diagnosis and development of creative abilities of a linguistic personality. The author proceeds from the postulate that such trainings correspond to the nature of language play as a form of linguo-creative thinking based on the actualization of the associative potential of verbal signs. The mechanisms of the language game associated with the conscious violation of the language canon create a zone of linguistic freedom that does not imply an algorithmic, a previously known solution to the problem. To organize such trainings, psycholinguistic experiment procedures can be used to stimulate heuristic possibilities of realizing the potential of language forms and meanings. These procedures reveal the linguistic and creative register of “manipulation” of verbal signs, which is psychologically relevant for each participant. The article describes the trainings of perception and generation of text in a playful form developed on the basis of the method of probabilistic forecasting: perception and interpretation of lacunarized text depending on the location of punctuation marks in it; generation of texts based on given letter “sets”; procedure of free interpretation and directed associative experiment as diagnostics and development of the ability of respondents (training participants) to read the emotional-expressive and semantic functionality of particles (with subsequent creation of game texts based on them).

Keywords: verbal creativity, verbal creativity training, experimental methods of psycholinguistic research

© Gridina T.A., Konovalova N.I., 2026

Bionotes:

Tatiana A. Gridina – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Contact information:

26, Kosmonavtov av., Yekaterinburg, Russian Federation, 620091

ORCID: 0000-0003-3993-5164

e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Nadezhda I. Konovalova – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of the Department of the Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Contact information:

26, Kosmonavtov av., Yekaterinburg, Russian Federation, 620091

ORCID: 0000-0002-8541-1014

e-mail: sakralist@mail.ru

For citation:

Gridina T.A., Konovalova N.I. Psycholinguistic aspects of organizing verbal creativity trainings // Journal of Psycholinguistics. 1(67), 2026. P. 35–49. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-35-49 (In Russian)

КОНЦЕПТ *ПОРЯДОЧНОСТЬ* КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Горохова Дарья Вадимовна

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России (Одинцовский филиал)
Одинцово, Московская область, Россия

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ слова *порядочность*, рассматриваемого как лингвокультурный концепт, актуальный смысл которого отражает социокультурный и общественно-политический контекст жизни общества и зависит от типа личности, характерного для определенной эпохи. Исследование эволюции концепта *порядочность* в период с 1921 по 2020 гг. на основе данных Национального корпуса русского языка подтвердило, что его содержание выступает чувствительным индикатором социокультурных трансформаций: смысл порядочности, как и социальная роль данного концепта, обусловлены исторически. Семантическое сжатие содержания концепта *порядочность*, произошедшее в последние десятилетия и подтверждаемое данными проведенного автором ассоциативного эксперимента, указывает на обесценивание социальной актуальности этого понятия для широких слоев современного общества и его превращение из общеобязательной нормы в знак личного выбора.

Ключевые слова: порядочность, лингвокультурный концепт, эволюция содержания, индикатор, социокультурные трансформации, социальная актуальность, обесценивание

Введение

Научные труды Алексея Алексеевича Леонтьева, заложившего основы отечественной психолингвистики, настолько масштабны, что ряд его концепций до сих пор не получил должного освещения в научной литературе. К числу таких положений относится выдвинутый им тезис о личности как историко-этнической категории [Леонтьев 1981]. Согласно этому взгляду, доминирующая общественно-экономическая структура и конкретные исторические условия формируют специфический психологический тип человека, характерный для каждой отдельной эпохи. Именно эти два фактора в сочетании с культурой не только задают динамику психических процессов, прямо влияя на содержание языкового сознания [Бубнова 2025], но и, соответственно, обуславливают уникальность *образа мира* личности – базового понятия в концепции А.А. Леонтьева [Леонтьев 1993, 2001б], опирающейся на психологический подход к данному феномену А.Н. Леонтьева [Леонтьев А.Н. 1983]). С позиции данных школ мир представлен человеку через значения слов, чьи формы существования, как и роль в системе социальных действий человека, детерминированы, с одной стороны, «двойной жизнью» значений, связанной

с их вхождением в социальную и личностную системы, а с другой, их природой как продуктов своеобразной переработки индивидуального и социального опыта.

По мнению А.А. Леонтьева, основой *образа мира* являются предметные значения, выполняющие мотивообразующую, целеобразующую, эталонную и операциональную функции [Леонтьев 2001а: 171–174] и базирующиеся на чувственном опыте и включенности предмета в реальную или воображаемую ситуацию как «компоненты этих образов, то, что их цементирует для человека, то, что делает возможным само существование этих образов» [Леонтьев 1997: 268–269]. Важно подчеркнуть, что такая чувственность и включенность характерна для всех типов лексики, в том числе и абстрактной, представляющей собой «имена сложных ситуаций» [Филлмор 1983: 119], «высшую форму ментальной деятельности человека, поскольку оно обобщает такие стороны материальной действительности (они могут и противоречить друг другу), которые, хотя и присущи ей, в самой действительности ничем, кроме имени, не объединены» [Чернейко 1997: 66–67]. Но самое главное, что необходимо особо отметить, когда речь идет об *образе мира* личности как историко-этнической категории, это модус бытия абстрактных имен в коллективном сознании. Эти имена не просто существуют в мыслях людей, объединяя в себе некоторые идеи, предметы и ситуации, часто не имеющие между собой никакой связи, но рассматриваются обществом как некий культурный эталон [Локк 1985]. Другими словами, как мы отмечали это в более ранних работах: «Деонтология и аксиология, в отличие от объективных законов природы, не познаются людьми, а создаются ими, причем общество целенаправленно и осознанно формулирует основы норм поведения, которые затем признаются главными условиями его существования и выживания. Именно это определяет наличие «материального субстрата», лежащего в основе абстрактного имени, который и делает его «вещным» в окружающем человека мире. Данный «субстрат», в свою очередь, проявляется в деятельности людей, результаты которой, обобщаясь в коллективной мысли, закрепляются в языке – словом, выражением, конкретным названием или личным именем» [Горохова 2019: 85].

Слово *порядочность*, относясь к категориям обыденной этики, или, как обозначает их Н.Д. Арутюнова, «понятиям жизненной философии» [Арутюнова 1993], определяется в словарях как «Качество человека, не способного к низким, аморальным, антиобщественным поступкам, ведущим себя в соответствии с принятыми в обществе нормами поведения; честность, благородство. *Порядочность и добросердечие — одни из самых ценных качеств человека* [Кузнецов 2000 <http>] или по прилагательному «*ПОРЯДОЧНЫЙ 1, -ая, -ое; -чен, -чна. Честный, соответствующий принятым правилам поведения. П. человек. П. поступок. П. суц. порядочность, -и, ж.* [Ожегов <http>], «честный, соответствующий принятым правилам поведения» [Толковый 2007: 702].

Таким образом, входя в группу абстрактной лексики, слово *порядочность* обладает всеми специфическими для нее свойствами. Во-первых, его смысловое содержание представляет собой сумму различных качеств: «Порядочность – это не отдельное моральное свойство личности, такое как доброта, честность, скромность и пр., но ее интегральное, обобщенное свойство: склонность поступать в межличностном общении в соответствии с **полным набором этических норм и поведенческих правил**» [Воркачев 2016а: 56] [*выделено нами – Д.Г.*]. Не менее примечательно,

что ценность данной черты характера личности, как отмечает С.Г. Воркачев, весьма неоднозначна: одновременно с положительной оценкой признается и его неудобство для человека; более того, сами нормы порядочности «не столь ригористичны, как нормы философской этики, и при определенных обстоятельствах допускают исключения» [Воркачев 2016б: 111]. И, в-третьих, несмотря на некоторую противоречивость ее оценки, *порядочность* рассматривается как одобряемая социальная модель поведения.

Отличием слова *порядочность* от большей части абстрактной лексики является отсутствие точных эквивалентов этого слова в других языках. Анализ данных русско-английских словарей и корпуса параллельных текстов выявляет сразу несколько английских репрезентантов русского слова – *decency, gentleman, honor, honesty*, которые используются более чем в половине случаев перевода, а также другие, менее частотные его эквиваленты *respectable, good, integrity, character, nice*, причем их количество увеличивается, если к данному ряду добавляются лексемы со значением *непорядочный* – *wickedness, unfair, shameless, cad* [Гришанова 2020]. Вместе с тем очевидно, что несмотря на значительное количество английских аналогов, каждый из них фокусируется либо на какой-то стороне поведения, либо на определенной черте характера. Так, в словарных статьях слова *decency* акцент сдвинут на *приличие, благопристойность, правила хорошего тона*, т.е. на внешние признаки, манеру держаться, определяемую общественной моралью, в то время как ядром лексемы *honesty* является нравственная составляющая – *честность, правдивость, прямота, искренность, целомудрие* [Lingvo Live [http](http://)]. Остальные используемые при переводе аналоги еще более конкретны и употребляются в определенных ситуациях, где *порядочность* имеет вполне однозначный смысл и может быть заменена на другое слово: «Forgive me», he said. «Of course I wouldn't have talked to you about all this if you had not been a gentleman. – «Простите, – сказал он. – Конечно, я бы не говорил об этом с вами, если бы вы не были *порядочным* человеком» (не были бы *джентльменом*).

В отличие от английских эквивалентов, центр смыслового поля *порядочности* в русском языке представлен сочетанием *порядочный человек*, которое раскрывается одновременно через несколько категорий: понятия нравственности, образа жизни, определенных черт характера и качеств человека [Козельская, Попова 2002]. Эта спецификарусской *порядочности*, выявляемая в ходе анализа, полностью соответствует статье *Порядок*, представленной в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «ПОРЯДОК м. совокупность предметов, стоящих по ряду <...> || правильное устройство, соблюдение стройности <...>, противополож. *беспорядок*, || *Порядочный человек*, любитель порядка, или ведущий, держащий себя изрядно, прилично, как должно» [Даль [https](https://)], где наглядно прослеживается проекция материального порядка на область духа, морали и этикета. Иначе говоря, здесь происходит «синонимизация вещи в духовной культуре», а сам «ряд принадлежит уже не только языку, но сфере культуры, и закономерность наименования из сферы языка переносится в сферу культуры, связанную, в частности, и с языком» [Степанов [http](http://)].

Именно эти особенности слова *порядочность* дают основания относить его к уникальным концептам русской лингвокультуры (см. также [Козельская, Попова 2002]), под которым понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее

относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 34].

Уже два десятилетия назад отмечалось, что *порядочность* не просто как характеристика человека, но именно как ценность, закрепленная в русской лингвокультуре, пополнила список «исчезающих» понятий – таких как «честь», «совесть» или «родина», и это слово пора вписывать в синодик, окончательно признав его пережитком прошлого [Пьецух 2006]. Несмотря на то, что определенный стереотип порядочного человека в конце XX – начале XXI веков поддерживался в текстах СМИ [Зиновьева 2014], изучение контекстов его речевых употреблений позволило сделать выводы о размытости границ и субъективности смысла слова *порядочность* и, соответственно, определить его как «реликтовое чувство», тождественное этике интеллигенции [Воркачев 2016б].

Опираясь на тезис Аристотеля о связи речи и сознания [Звегинцев 1962], можно сделать вывод: если слово исчезает из обихода, значит, стоящее за ним понятие утрачивает свою значимость для людей. Устаревание лексики и размывание ее смыслов сигнализируют о том, что само явление перестает быть важным для общества. А поскольку каждому социальному типу личности свойственны свои психологические черты [Леонтьев 1981, Корнеев 1971], то вытеснение слова из коллективного и индивидуального сознания напрямую зависит от исторического контекста и господствующей в данный период морали.

Следовательно, содержание концепта *порядочность* как своего рода этического кодекса, регулирующего поведение людей, неизбежно меняется со временем. Оно служит зеркалом конкретной эпохи, отражая ее уникальные социокультурные и политические реалии.

Исследование концепта *порядочность* как отражения определенной эпохи

Проверка гипотезы о том, что смысловое содержание концепта *порядочность* и частотность его употребления связаны с конкретными социально-историческими обстоятельствами, осуществлялась в ходе проведенного исследования.

В связи с отсутствием экспериментальных материалов, отражающих смысловое содержание слова *порядочность* в советский период, на первом этапе работы был проведен анализ данных Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), где зафиксированы как частотность, так и содержание исследуемого концепта в разные временные периоды. Эти данные затем использовались для сравнительного анализа «портрета» (семантического поля) концепта *порядочность*.

Второй этап – экспериментальный, включал в себя:

1) свободный ассоциативный эксперимент (далее АЭ);

2) цепочечный АЭ, заключающийся в выстраивании ассоциативного ряда, где каждое последующее слово порождается предыдущим. Данный метод позволяет «судить о соотношении непосредственных и опосредованных связей ассоциатов в процессах речемыслительной деятельности» [Гридина, Коновалова 2020: 64], который «актуален для исследования ассоциативных проекций восприятия значения

слова как отражения взаимосвязанных аспектов осмысления определенного фрагмента действительности в индивидуальном и коллективном сознании» [там же: 66]. Такая последовательность реакций на исходный стимул помогает реконструировать живое семантическое поле, характерное для сознания конкретного участника;

3) текстовую реализацию ассоциативных реакций (далее АР), что дает возможность проследить наиболее актуальные для говорящего ассоциативные связи, в том числе имплицитные, которые проявляются в процессе тематического развертывания АР в разных типах текстов. На этом этапе респондентам было предложено написать любой текст, используя в нем все слова, из которых состояла ассоциативная цепочка. Время выполнения фиксировалось и составляло 8 минут.

Общее количество участников – 50 человек. Средний возраст – 20 лет. Все участники эксперимента – студенты вуза.

Результаты и их обсуждение

В целом по данным НКРЯ частотность слова *порядочность* в советский период до середины 50-х годов была критически низкой, а ее рост наблюдается к началу 60-х годов, достигая 9,16 на миллион словоформ в 1986 году. Далее частотность вновь начинает резко снижаться, в 2018 году она составляет 1,4 словоформы, что можно признать статистически незначимым (Рис. 1).

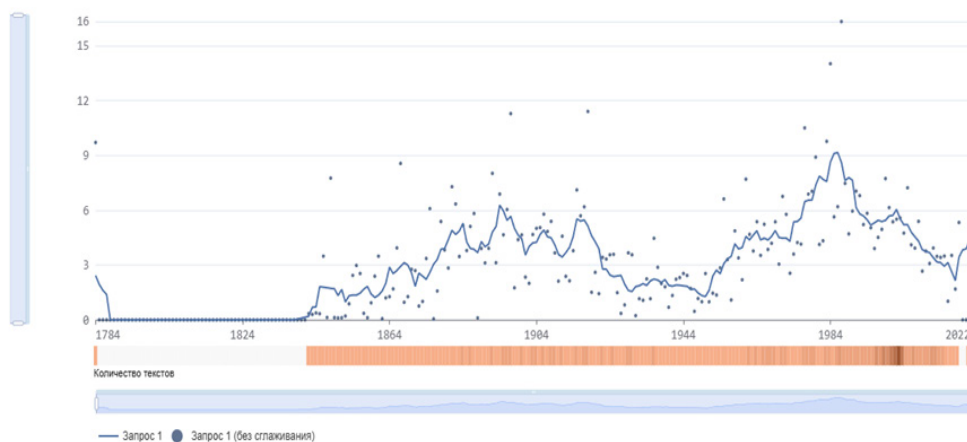

Рис. 1. Частотность слова *порядочность* в советский и постсоветский периоды

Одновременно с этим каждые два десятилетия изменяется «портрет» слова, наряду с новыми понятиями, входящими в семантическое поле концепта *порядочность*, из него уходят какие-то лексемы, т.е. его содержание находится в постоянной динамике.

Статичная часть смыслового содержания с начала 1920-х годов до наших дней представлена понятиями *честность*, *бескорыстие*, *искренность*, *благородство*, причем контексты употребления концепта в раннее советское время показывают, что в первые два десятилетия *порядочность* связывается с редко встречающимися

качествами личности, оставшимися в прошлом: *Вы знаете, если люди еще помнят о порядочности и честности, то забыли о чести* [В.Х. Даватц. На Москву (1921)].

В период **1921–1940 годов** семантическое поле концепта включало такие лексемы, как *убежденность, искренность, гуманность и правдивость*, которые в последующие двадцать лет практически исчезли из его портрета. Им на смену в **1941–1960 годах** пришли новые смысловые доминанты: *жертвенность, бесстрашие, принципиальность и добродетель*, а также такие специфические характеристики, как *одаренность* и *сумасбродство*. Такая трансформация наглядно отражает влияние Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления на моральное сознание общества, когда порядочность начинает осмысляться не просто как внутренняя честность, а как готовность к самопожертвованию и способность проявлять твердую принципиальность в экстремальных условиях (Рис. 2).

Рис. 2. «Портрет» слова *порядочность* 1921–1940 гг. vs 1941–1960 гг.

Изменение концепта в 1960-х годах неразрывно связано с эпохой «оттепели» и десталинизацией после XX съезда КПСС. Этот период открыл возможность для публичной рефлексии и переоценки исторического прошлого. В текстах того времени *порядочность* осмыляется как «интеллигентский предрассудок» или минимально необходимый нравственный порог, который позволял человеку сохранить достоинство в условиях отсутствия выбора.

Надо было и дальше показывать, что ему удалось подавить во мне то, что они называют интеллигентским предрассудком порядочности. История не предоставила нашему поколению права выбора, и требовать от нас большего, чем обыкновенная порядочность, было бы нереалистично [Ф. Искандер Летним днем (1969)]. *Учитель танцев Раздватрис не был героем. Он не заботился о порядочности. Раздватрис не хранил гордое терпенье и не восславил свободу в свой жестокий век* [А. Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша / Первая книга о толстяках (1958–1968)].

Таким образом, контексты употребления свидетельствуют, что, как и в предшествующие эпохи, *порядочность* остается атрибутом интеллигенции. Она выступает как форма тихого сопротивления «жестокому веку», когда даже отказ от подлости уже воспринимался как значимый этический поступок.

Анализ концепта в периоды с 1961 по 1980 и с 1981 по 2000 годы обнаруживает тесную связь употребления слова с актуальной идеологической повесткой. В текстах 1960–1970-х годов такие понятия, как *преданность*, *трудолюбие*, *великодушие* зачастую актуализировались именно из-за их дефицита в реальной жизни, особенно в среде управленцев. Примеры из дневников, мемуаров и прозы подтверждают: призывы к порядочности и добросовестности звучали как ответ на кризис этики в официальных структурах и повседневных отношениях, где личная выгода все чаще вступала в конфликт с моральным долгом.

Вопрос идейности, добросовестности, порядочности и культуры руководящих работников – это первостепенный вопрос для нашего авторитета среди народа [П.Е. Шелест. Дневник (1968)]. *Нет их – нет и доброты и порядочности в жизни, в наших отношениях* [Н.Н. Никулин. Воспоминания о войне (1975)]. *Каждый раз, делая выбор между личной выгодой и порядочностью, и делая его в пользу порядочности, мы в той или иной степени испытываем сожаление* [Ф. Искандер. Морской скорпион (1977)].

В период 1981–2000 годов содержание концепта обогащается понятиями *интеллигентность*, *нравственность* и *профессионализм*. *Порядочность* в это время часто осмысливается через призму судеб жертв репрессий 1930-х годов, которые возводятся в ранг этического идеала, противопоставленного «безнравственности» советской системы.

Дневники и проза конца века фиксируют попытки найти истоки морального кодекса в среде интеллигенции, сохранившей человечность вопреки лагерному опыту или идеологическому давлению. В то же время само понятие *порядочность* начинает использоваться для критики советского прошлого: оно либо противопоставляется цинизму «ударных строек», либо иронично связывается с «красным директоратом» и политическими фигурами перестройки, подчеркивая ценностный разлом эпохи.

Меня интересует одно: как в советском концлагере, все же, прорастала трава и цветы, как таился и журчал ручеек интеллигентности, человеческой порядочности [Е.П. Злобин. Дневник (1990)]. *Именно этот слой как-то естественно сам выработал неписанный моральный кодекс, определявший понятие порядочности поведения.* [Е.Л. Фейнберг. Судьба российского интеллигента (1995)]. *Сами понимаете, после нашей ударной стройки толковать с ними о совести и порядочности – пустая трата слов* [В.П. Астафьев. Не хватает сердца (1990)]. *«... но красному директору Александру Максакову советская порядочность (или твердолобая упертость?) не позволяла расстаться с тринадцатью детскими садиками, профилакторием, пионерлагерем, парой-тройкой ненужных производств* [Н. Маус. Пляски вокруг неубитого медведя (2003) // «Богатей» (Саратов), 15.05.2003)]. *Поистине тщеславие «прорабов» перестройки берет верх над порядочностью, и правильно Яковлев сказал: «Хотят быть Александрями Матросовыми перестройки, а становятся Павликами Морозовыми»...»* [А.С. Черняев. Дневник (1988)] (Рис. 3).

В период 2001–2010 годов содержание концепта дополняется такими атрибутами, как *жертвенность*, *бескорыстие*, *целеустремленность* и *человечность*. В этот период *порядочность* начинает прочно ассоциироваться с людьми, готовыми к самоотверженной помощи окружающим и обществу в целом, независимо от сферы деятельности.

Рис. 3. «Портрет» слова *порядочность* 1961-1980 vs 1981-2000

Публицистические, художественные и научные материалы этого десятилетия демонстрируют, что *порядочность* воспринимается как неспособность отказаться от груза ответственности перед коллективом, даже если это ведет к личному кризису. Она трактуется уже не как сложная политическая идея, а как фундамент здравого смысла и естественная потребность оставаться человеком в условиях социальных реформ.

Груз ответственности, который он нес и от которого в силу порядочности не мог отказаться, стремление к индивидуальной творческой работе и бессилие сделать что-нибудь для своего коллектива в реформенные годы — эта ошибка разных стрессов в немалой степени послужила причиной его преждевременной смерти [М. Хализева. Драгоценные плоды его таланта // «Наука в России», 2014]. Здесь нет изощренных политических идей — просто *порядочность* и здравый смысл [Один в поле // «Эксперт», 2009].

В период **2011–2020 годов** концепт *порядочность* связывается с такими качествами, как *кротость*, *отзывчивость*, но также *целеустремленность* и даже *эгоизм*. В этот период она становится маркером либо новой политической элиты, либо узкого круга лиц, сохранивших верность своим принципам вопреки смене строя. По сути, понятие вновь обретает черты «буржуазной добродетели», свойственной лишь определенному социальному слою.

Литературные и публицистические источники этого времени подчеркивают, что *порядочность* выступает как последний рубеж человечности в мире, где размыты грани добра и зла. Она превращается в этический критерий (например, через отношение к историческим событиям, как в биографии А. Вознесенского) и знак приличия. Помимо этого, данное понятие используется как инструмент защиты общечеловеческих норм в условиях агрессивных общественных дискуссий, противопоставляя его политической нетерпимости и «бонапартизму» лидеров большевиков.

Мир чудовищ, в котором нет места человеку с его представлениями о порядочности и непорядочности, о зле и добре [Н.Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015]. *Помнить только Прагу — стало знаком приличия и критерием порядочности* [И.Н. Виравов. Андрей Вознесенский (2015)] *Когда я читаю, как видный борец за права и достоинство призывает провести*

принудительную психиатрическую экспертизу Натальи, а аудитория взрывается остроумнейшими комментариями, я вынужден вступаться уже не за депутата – а за некие общие представления о порядочности, человечности и приличиях [С.Л. Худиев. «Ты-ничтожество, и нас это веселит» (2017.03) // «Правмир», 2017]. На фоне «бонапартизма» и «нетерпимости» особенно привлекательной должна была выглядеть пресловутая порядочность Мартова, о которой так часто упоминают [Л.А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)]. (Рис. 4).

Рис. 4. «Портрет» слова *порядочность* 2001–2010 гг. vs 2011–2020 гг.

В целом проведенное исследование эволюции концепта *порядочность* на протяжении столетия подтверждает, что его содержание исторически обусловлено и, адаптируясь к вызовам времени, выступает чувствительным индикатором социокультурных трансформаций. Так, если в предвоенный период в смысловом поле доминировали *убежденность*, *искренность* и *правдивость*, то в годы Великой Отечественной войны акцент сместился на *бесстрашие* и *способность к самопожертвованию*. В эпоху «оттепели» *порядочность* уже становится «интеллигентским предрассудком», в 1980-е годы она обозначает способность морального противостояния советской системе и в начале XXI века ассоциируется с деятельной жертвенностью.

Одновременно с изменением смысла трансформируется социальная роль порядочности. В эпоху «оттепели» (1960-е гг.) концепт стал маркером интеллигенции, понимаемым как «минимальный порог» достоинства. К концу XX века он превратился в инструмент этической переоценки советского прошлого, а в современный период (2011–2020 гг.) вновь приобрел черты «буржуазной добродетели» – элитарного кодекса поведения, отделяющего носителей традиционной морали от агрессивного внешнего контекста.

Угасание частоты употребления слова в живой речи и размывание его семантических границ подтверждают тезис о снижении общественной значимости стоящей за ним реалии. Иначе говоря, динамика концепта отражает переход от коллективного нравственного идеала к индивидуальному кодексу выживания личности, где порядочность становится, с одной стороны, критерием социальной идентификации, с другой, на фоне деградации социальной актуальности данного качества, превращается из нормы в знак личного выбора.

Выводы, сделанные в результате анализа контекстов употребления слова *порядочность* по данным НКРЯ, подтвердились в ходе дальнейшего экспериментального исследования.

В результате проведенного эксперимента ключевыми словами, составляющими содержание концепта *порядочность* в индивидуальном сознании, стали следующие АР (ассоциативные реакции): *честность 20; воспитание/воспитанность 14; благородство/благородность 6, справедливость 6, правильность 6, ответственность 5, законопослушание/закон 2, девушки/женщины 2.*

Таким образом, в ядре концепта оказываются только две АР: *честность 20 (первая реакция); воспитание/воспитанность 14.*

Ближнюю периферию образуют АР *благородство/благородность 6, справедливость 6, правильность 6, ответственность 5.*

К дальней периферии относятся АР *законопослушание/закон 2, девушки/женщины 2.*

Остальные реакции единичны, но составляют около 50%. В 2020 г. отмечены АР *честность, благородство*, появляется АР *Я.*

Эти же реакции доминировали и в текстах, написанных на основе ассоциативных цепочек [*авторские тексты сохранены – Д.Г.*]. Для примера приведем несколько из них:

1) *Порядочность – этичность – прилежность – следование правилам – уважение.*

По-моему мнению нельзя быть человечным, если ты не обладаешь навыками порядочности. Каждый по своему понимает эти понятия, но зачастую все сводится к одному – к проявлению уважения. То есть для того, чтобы быть таковым, также необходимо быть послушным, прилежным, ну и конечно же правильным человеком, который не терпит нарушения как юридических, так и моральных норм.

2) *Порядочность – аккуратность, внимание, терпение, рассудительность, воспитание.*

Порядочный – благородный, внимательный, терпеливый, ответственный, одинокий.

В настоящее время порядочный человек зачастую остается одинок в обществе. Проявление благородства и терпение воспринимается как слабость и отсутствие воли у многих обывателей, воспитанных с позиции ложной силы. Быть порядочным – значит проявлять свою истинную, внутреннюю силу, которая позволяет человеку нести добро и пользу окружающим его людям, предотвращать конфликты еще на стадии их зарождения. Проявлять порядочность и человечность очень сложно, поэтому людей, обладающих такими качествами, удастся встретить довольно редко.

3) *Порядочность: честность / принципы / самоуважение / разумность.*

Адекватность, разумность, рассудительность и здравомыслие дополняют, но не подменяют 5 базовых чувств, являющихся основой жизни. Порядочный человек соблюдает порядки окружающих его людей, он полагается на то, что чувствуют и думают другие. Такой человек не ведет, а следует. Не представляется возможным называться порядочным человеку, соблюдающему только свои принципы.

4) *Порядочный – благочестивый, честный, четкий, открытый.*

Эмпатичный ученик Петр, отзывчиво отвечал на просьбы своих друзей, он был моментами самоотвержен, но во имя блага друзей шел на эти жертвы. Порой его обижали одноклассники, но он с пониманием отвечал на их оскорбления, ведь им могло быть тяжело. Он был благочестивым человеком и не опускался до их уровня. Ему предлагали разные вещи, по типу: списывания, обмана и тд , но он был честным человеком и не соглашался на такие аферы. Во всех своих договоренностях он был четким и открытым парнем, и поэтому он был любим и уважаем.

Очевидно, что в индивидуальном сознании как актуальное семантическое поле, так и проекции ассоциатов, полученные в ходе их текстовой реализации, фиксируют, с одной стороны, «семантическую пустоту» понятия в индивидуальном сознании, с другой они отражают действительные проблемы общества.

Выводы

1. Концепт *порядочность* эволюционировал от общественно-политического идеала к индивидуальному нравственному кодексу. Сегодня его содержание отражает специфику текущего социокультурного контекста, где *порядочность* служит не столько инструментом управления обществом, сколько средством самоидентификации личности.

2. На основе анализа трансформации концепта *порядочность* с 1920-х годов по настоящее время можно утверждать, что:

– *порядочность* всегда рассматривалась как этическая константа интеллигенции, на протяжении столетия неизменно выступая атрибутом данной социальной группы. Начиная с эпохи «оттепели» (1960-е гг.), она осмыслялась как «минимальный порог» достоинства в условиях идеологического давления, а к 2020-м годам вновь приобрела характер «буржуазного» качества – элитарного маркера, отделяющего носителей традиционной морали от агрессивной внешней среды;

– смысловое наполнение концепта находится в постоянной динамике и тесно связано с историческим контекстом. Исчезновение или переосмысление лексем, окружающих *порядочность*, напрямую отражает смену государственных парадигм: в советское время концепт отражал дефицит этики в руководстве («идейность», «добросовестность»), а в постсоветское он стал инструментом переоценки прошлого и поиска новых этических границ в современном мире;

– анализ подтверждает социальную роль данного концепта. На протяжении почти столетия *порядочность* неизменно выступала как «нравственный устав», однако его содержание адаптировалось под запросы времени. Если раньше она была инструментом критики власти, то в настоящий момент она все чаще становится критерием «рукопожатности» и личного достоинства, сохраняя статус фундаментальной, хотя и «уходящей» из широкого обихода категории.

© Горохова Д.В., 2026

Литература

Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3–6.

Бубнова И.А. Специфика современной языковой личности в историко-этнической перспективе: психолингвистический ракурс // Вопросы психолингвистики. 2025. №3(65). С. 10–20, doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-10-20

Воркачев С.Г. Порядокность: понятие, слово, образ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016а. №1. С. 55–59.

Воркачев С.Г. «Реликтовое чувство»: порядокность по данным корпусной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016б. № 3. С. 111–116.

Горохова Д.В. Динамика содержания и номенклатуры прецедентных имен в языковом сознании носителей русской лингвокультуры: дисс. ... к. филол. н. М., 2019. 233 с.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги: учебное пособие; Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2020. 358 с.

Гришанова О.П. Концепт «порядочность»: русско-английские переводные эквиваленты // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 4(33) С. 237–240. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0904-0060

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL. <https://www.culture.ru/lectures/dictionaries/82801/poryadok>

Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М.: МГУ, 1962. 383 с.

Зиновьева Е.И. Стереотипное представление о порядочном человеке в русском языковом сознании // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. №7. С. 290–302.

Козельская Н.А., Попова Н.Н. Национальная специфика репрезентации концепта порядокность в русском и английском языках // Язык и национальное сознание. Вып.3. Воронеж: Истоки, 2002. С. 102–103.

Корнеев М. Я. Проблемы социальной типологии личности. Л.: Изд. ЛГУ, 1971. 150 с.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с. URL. <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyyj-slovar>

Леонтьев А.А. Личность как историко-этническая категория // Советская этнография. 1981. № 3. С. 35–44.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения, М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания, 1993. 174 с., 171.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001а. 448 с.

Леонтьев А.А. Деятельностный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001б. 392 с.

Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т.1. Опыт о человеческом разумении. – М.: Мысль, 1985. 621с.

Ожегов С.И. Толковый словарь. URL. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=22839>

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Пьецух В. Забытые слова (синодик) // Низкий жанр. М.: ЗебраЕ, 2006. С. 499–521.

Степанов Ю.С. Концепт. URL. <https://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm>

Толковый словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. Вып. 12. С. 74–122.

Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. 320 с.

Lingvo Live. URL. <https://www.lingvolive.com/ru-ru> <https://www.lingvolive.com/ru-ru>

Сведения об авторе:

Горохова Дарья Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка в сфере юриспруденции, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Одинцовский филиал)

Контактная информация:

143005, Московская область, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3

ORCID: 0000-0003-1005-9527

e-mail: d.gorohova@odin.mgimo.ru

Для цитирования:

Горохова Д.В. Концепт *порядочность* как отражение социокультурного и общественно-политического контекста жизни общества // Вопросы психолингвистики. 2026. №1(67). С. 50–63, doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-50-63

UDC 81'23

LBC 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-50-63

Research article

THE CONCEPT *DECENCY* AS A REFLECTION OF THE SOCIO-CULTURAL AND SOCIO-POLITICAL CONTEXT OF SOCIETY

Daria V. Gorohkova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Branch in Odintsovo)
Odintsovo, Russia

Abstract

The article presents a comparative analysis of the Russian word *porядochnost'* (decency/integrity), considered as a linguocultural concept whose current meaning reflects the sociocultural and socio-political context of society and depends on the type of personality characteristic of a given historical period. A study of the evolution of the concept *porядochnost'* from 1921 to 2020, based on the data from the Russian National

Corpus, has confirmed that its content functions as a sensitive indicator of sociocultural transformations: both the meaning of *poryadochnost'* and its social role are historically determined. The semantic compression of the concept's content observed in recent decades, and corroborated by the data from an associative experiment conducted by the author, points to a decline in the social relevance of this notion for broad segments of contemporary society and to its transformation from a universally binding norm into a marker of personal choice.

Keywords: *poryadochnost'* (decency/integrity), linguocultural concept, evolution of content, indicator, sociocultural transformations, social relevance, devaluation.

Binotes:

Daria V. Gorohkova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English in the Field of Jurisprudence, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Branch in Odintsovo)

Contact information:

3, Novo-Sportivnaya Ul., Odintsovo, Moscow Oblast, Russia, 143007

ORCID: 0000-0003-1005-9527

e-mail: d.gorohova@odin.mgimo.ru

For citation:

Gorohkova D.V. The concept *decency* as a reflection of the socio-cultural and socio-political context of society // Journal of Psycholinguistics. 1(67), 2026. P. 50–63. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-50-63 (In Russian)

**КОГНИТИВНО-ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
КАК МЕХАНИЗМ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ НА ДОВЕРБАЛЬНОМ ЭТАПЕ
РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Иванова Светлана Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Мухина Наталия Борисовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Уральский государственный университет путей сообщения,
Екатеринбург, Россия

Аннотация

Цель работы – определить особенности функционирования механизма когнитивно-интенционального планирования на довербальном этапе речевой деятельности в условиях реализации цели речевого действия говорящего. В статье уточняются понятия цели речевой деятельности и когнитивно-интенционального планирования; раскрывается характер их взаимосвязи с компонентами довербального этапа. Предлагается поэтапная модель когнитивно-интенционального планирования, отражающая последовательную реализацию психологических и когнитивных звеньев целеполагания и обеспечивающая переход от мотивационно-потребностной сферы к речевой реализации. Механизм когнитивно-интенционального планирования рассматривается как внутренняя регулятивная система, координирующая мотивационные, когнитивные и интенциональные компоненты речевой деятельности и обеспечивающая логическую и прагматическую целостность высказывания. Установлено, что данный механизм выполняет интегративную и координирующую функции на довербальном этапе, определяя формирование внутренней структуры и последующую реализацию речевого действия, а также способствуя достижению коммуникативной осмысленности и прагматической эффективности. Методологическую основу исследования составляют когнитивный и прагмалингвистический подходы, реализованные посредством дискурсивного и когнитивного анализа. Материалом послужили 143 диалогических фрагмента из англоязычных художественных текстов XX-XXI вв. Результаты работы показывают, что механизм когнитивно-интенционального планирования выступает ключевым механизмом целеполагания, обеспечивая согласованность всех компонентов доречевого этапа и минимизируя вероятность коммуникативных сбоев. Целеполагание предстает как многоуровневый процесс, корректирующий эффективность коммуникации на этапе, предшествующем вербализации. Полученные результаты имеют теоретическую значимость для психолингвистики и теории речевой деятельности, а также практическую ценность для методики преподавания языков и исследований в области искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цель, речевая деятельность, целеполагание, механизм когнитивно-интенционального планирования, довербальный этап речевой деятельности

Введение

Один из актуальных вопросов в исследовании речевой деятельности связан с изучением этапов организации речевого действия. Несмотря на разработанность моделей речевой деятельности в отечественной и зарубежной психолингвистике (Т.В. Ахутина, Л.С. Выготский, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Дж. Миллер, Ч. Осгуд, И. Шлезингер и др.), сохраняется существенный пробел в описании довербального этапа организации речевого действия. Развитие направлений в современной науке затрагивает целеполагание как результат когнитивной обработки потребности в целевые объекты [Нюттен 2004], при этом предлагаются разные составляющие комплексы целевых процессов [Gollwitzer 2012], исследуются роли отдельных компонентов довербального этапа в целеполагании [Sheeran, Webb 2012], изучаются модели неосознанного стремления к цели [Chartrand T.L. et al. 2010] одновременно с осознанностью в целеобразовании [Тихомиров 2002] и т.п. Такая широта обзора определяет постановку проблемы в рамках данного исследования: существующие модели не дают полного системного представления о структурировании процесса формирования цели речевого действия в условиях обеспечения координации когнитивных и интенциональных компонентов, предопределяющих последующую вербализацию высказывания. В традициях отечественной психолингвистики возникновение и производство речи рассматривается как объемный, многомерный целенаправленный процесс, характеризующийся доречевыми и предречевыми феноменами [Фарисенкова 2000: 24], которые оказывают непосредственное влияние на построение речевой деятельности. При этом, по мнению Е.С. Кубряковой, наблюдается недостаточная степень разработанности и изученности механизмов организации системы речевой деятельности. Некоторые модели «страдают определенными недостатками: во-первых, в них нет указаний на то, в какой последовательности могут вступать в ход разные языковые операции и какова последовательность подобных операций в различных типах речевой деятельности. Во-вторых, нет анализа предречевых стадий, непосредственно предшествующих вербализованным этапам, переходы от внутренней речевой деятельности к внешней не получают детального освещения. В-третьих, на наш взгляд, в данных моделях не упоминается о человеке говорящем, выбирающем в зависимости от характера своей речевой интенции ту или иную форму речевой деятельности» [Кубрякова 1991: 21]. Разделяя мнение Е.С. Кубряковой о необходимости исследования доречевого этапа организации речевой деятельности и участия ее компонентов в построении целенаправленного высказывания, считаем возможным и необходимым введение термина «когнитивно-интенциональное планирование» как интегративного механизма организации довербального этапа речевой деятельности, что обуславливает новизну предлагаемого подхода к исследованию целеполагания. В отличие от существующих подходов, предлагается рассматривать целеполагание как центральный системообразующий компонент доречевого этапа, в котором цель выступает ядром, координирующим когнитивные и интенциональные процессы. Истоки формирования термина «механизм когнитивно-интенционального планирования» лежат в основе анализа когнитивных характеристик речевой деятельности и особенностей ее интенциональной направленности с точки зрения философско-психологического учения. В философских исследованиях интенциональность рассматривается с позиций изучения сознания как ментального состояния и его свойств, при этом подчеркивается,

что любому состоянию сознания присуща информативная содержательность [Lyons 1995; Ciecierski 2016: 36]. В данной работе интенциональность рассматривается как целенаправленное сознание говорящего в системе организации речевой деятельности, которое «запускает, направляет и регулирует процесс постановки и реализации цели высказывания. Она выступает внутренним механизмом, обеспечивающим связь между мотивацией, установкой, ситуацией и формулировкой речевого намерения» [Мощева 2011: 223]. О том, что интенциональность отвечает за «сознательную направленность психики на цель речевого действия», заявляет Л.В. Воронина: интенциональность «должна иметь своим признаком осознанность и антиципацию, связанную с ситуацией предвосхищения (планирования) результата» [Воронина 2023: 179]. Когнитивное планирование при этом ставит акцент на процессе организации мыслительных шагов для достижения цели речевой деятельности, отвечая на вопрос о том, «как знание, лежащее в основе использования языка, представлено в сознании человека» [Петрова 2021: 73]. В результате, взаимодействие интенциональности и когнитивного планирования направлено на решение вопроса о внутренней ориентированности сознания в момент поэтапного построения речевого действия в условиях целеполагания. Сознание в данном случае предстает «как вычислительная система, направленная на концептуализацию и категоризацию опыта» [Барышников 2016: 126], а «ментальные состояния характеризуются определенной содержательностью» [Ciecierski 2016: 36]. Таким образом, цель работы заключается в определении особенностей функционирования механизма когнитивно-интенционального планирования на довербальном этапе речевой деятельности в условиях реализации цели речевого действия говорящего. В задачи исследования входит: 1) раскрыть понятия цель речевой деятельности и когнитивно-интенциональное планирование; 2) определить взаимоотношения между целью и компонентами довербального этапа речевой деятельности; 3) представить когнитивно-интенциональное планирование как поэтапную модель реализации компонентов довербального этапа речевой деятельности; 4) выявить его роль в формировании внутренней структуры и внешней реализации речевого действия; 5) определить функции когнитивно-интенционального планирования при формировании коммуникативной осмысленности и прагматической эффективности речевого действия. Гипотеза работы состоит в том, что механизм когнитивно-интенционального планирования в целеполагании структурирует процесс формирования цели, связывая мотивационно-потребностную сферу с когнитивной и речевой активностью субъекта. Модель действия данного механизма позволяет описать речевое поведение как целенаправленный, внутренне согласованный акт, обеспечивающий коммуникативную осмысленность и прагматическую эффективность речи.

Решение заявленных задач позволит ответить на вопросы, которые предшествовали проведению исследования: (1). Какое влияние когнитивно-интенциональное планирование оказывает на процесс целеполагания? (2). Какова функция каждого компонента изучаемого механизма на довербальном этапе речевой деятельности? (3). На что влияет данный механизм при реализации цели речевого действия?

Методология и методы исследования

В ходе исследований речевой деятельности, обусловленных вопросами изучения этапов ее организации, разрабатывается ряд психолингвистических и процедурных

моделей. Согласно А.А. Леонтьеву, выделяются пять основных этапов в порождения речи, первый из которых демонстрирует мотивационно-побудительные основы речепорождения. Второй этап отвечает за появление коммуникативной интенции и постановку коммуникативной задачи. Особенностью третьего этапа становится планирование речевого действия с учетом кодирования его смысла. На следующем этапе осуществляется вербализация замысла. Последний, пятый, этап отвечает за звуковую презентацию высказывания [Леонтьев 1974: 215]. Однако, это не единственная точка зрения на количество и содержательную сторону этапов речеполагания. Одной из альтернативных теорий является идея о выделении двух фаз в порождении высказывания, включающих в себя этапы порождения смысла и синтеза высказывания. Первая фаза в данном случае представляется «внелингвистической» [Искусственный интеллект 1990: 26], «имплицитной» [Колшанский 1985: 12], «превербальной» [Кубрякова 1985: 15]. Здесь можно отметить сходство мнений ученых относительно распознавания доречевого этапа речевой деятельности, на котором на говорящего возлагается задача определения компонентов психологического содержания, способствующих регулированию процесса речепорождения: «говорящий представляет свою ментальную деятельность – принятие как данности или, напротив, за его операцией стоит логическая обработка данных» [Сулейманова 2020: 319], что отвечает пониманию осознанного характера процесса целеполагания. Принимая во внимание тот факт, что довербальный этап речевой деятельности характеризуется активацией психологических структур, на основе которых формируется цель говорения, считаем возможным говорить о вступлении в действие механизма когнитивно-интенционального планирования, обусловленного последовательной реализацией следующих звеньев: потребность → мотив → установка → цель → интенция → речевая стратегия → речевая тактика. В целом, интенциональность с атрибутом сознательной направленности психики на цель является связующим звеном между внутренней структурой мотивации и внешней речевой реализацией. При этом центральным звеном в данной цепочке становится цель как «объективный фактор речевого взаимодействия, функционирующий после осознания субъектом потребностей и мотивов порождения речевой деятельности в рамках определившейся установки говорящего в сложившейся ситуации общения и прогнозирующий возможный ее результат, активно воздействующий на содержание и построение коммуникативного высказывания наряду с такими объективными моментами коммуникативного процесса, как ситуативная соотнесенность и социальная детерминированность, и реализующийся в виде требуемых по смыслу речевых интенций» [Мухина 2011: 143]. Так, в системе организации речевой деятельности осуществляется корреляция осознанной активности говорящего с психологическими компонентами довербального этапа целеполагания, что обуславливает смысловое содержание речевого действия и способствует достижению предполагаемого результата.

С методологической точки зрения логика предпринятого исследования определяется обращением к анализу довербального этапа как системообразующего уровня речевой деятельности, что способствует выделению следующих этапов работы: 1. Концептуальный анализ и уточнение ведущих для данной работы понятий, а именно: «интенциональность», «когнитивно-интенциональное планирование», «цель», «потребность», «мотив», «установка», «речевая стратегия», «речевая тактика». 2. Моделирование структуры их взаимодействия на довербальном этапе.

Здесь акцент ставится на формулировке критериев взаимодействия составляющих довербального этапа. 3. Выявление функциональной роли каждого компонента в процессе целеполагания. 4. Интерпретация полученной модели на материале вербальных их представлений. Материалом исследования послужили 143 диалоговых фрагмента из художественных произведений англо-американских авторов XX-XXI вв., позволяющих проследить реализацию речевых целей разнообразных коммуникативных ситуаций. В заключении подводятся итоги проведенной работы.

Сложность постановки вопроса, объединяющего изучение явлений собственно лингвистического порядка наряду с вопросами психологического содержания, ставит задачу расширения методологии исследования и выхода на разноплановые методы анализа. Дискурсивный анализ способствует проведению комплексного исследования с целью выявления социального контекста, взаимосвязи между языком и социальными явлениями, характеризующими участников общения, время и место действия. Метод когнитивного анализа как «анализ через речь и язык процессов восприятия (понимания) и продуцирования текста, требующий привлечения знаний о психологических процессах» [Романова 2014: 493] обеспечивает исследование коммуникативных ситуаций, характеризующихся разнообразными психологическими и коммуникативными особенностями. Выбранные процедуры анализа способствуют исследованию механизма когнитивно-интенционального планирования целеполагания в русле когнитивно-прагматического подхода, синтезирующего установки когнитивного и прагмалингвистического анализа. Закономерность обращения к когнитивному подходу заключается в «постановке проблемы соотношения языка и сознания и, в частности, взаимодействия между языковыми и когнитивными структурами» [Болдырев 2020: 11] с целью «реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она отражает стоящую за ней когнитивную структуру» [Кибрик 2015: 32]. Прагмалингвистический анализ «ориентирует на то, что применение лингвистического инструментария дает возможность, опираясь на формы вербализации и на контекст порождения высказывания, устанавливать, и достаточно достоверно, интенцию автора высказывания» [Чернявская 2020: 137].

Обсуждение результатов исследования

Процесс организации речевой деятельности интерпретируется в контексте моделирования ментальных операций, сопровождающих речевой акт. Здесь нельзя не отметить мнение С.Д. Кацнельсона, согласно которому «процесс порождения речи тесно переплетается с процессом порождения мысли, образуя единое речемыслительное планирование, осуществляемое механизмами речевого мышления. Без входных данных, поступающих в сферу языка извне, без волевых импульсов и материалов сознания невозможна работа механизмов речи» [Кацнельсон 1972: 115]. Одна из задач фазы порождения речи – установить порядок взаимодействия психологических компонентов, их очередность и систему организации. При этом стоит отметить, что «психическая жизнь не является суммой внеположных состояний, она есть неделимый поток, а не совокупность» [Бергсон 1992: 109]. Теория «психологической континуальности А. Бергсона гласит, что «психика не может быть рассечена на структурные части». Взгляды А. Бергсона перекликаются с мнением Л.С. Выготского относительно трактовки психологического процесса как взаимопроникновения элементов, где

каждый содержится «один в другом, а не рядом с ним» [там же]. Исходя из данного мнения по вопросу функционирования компонентов превербального этапа речевой деятельности, и отмечая сложность, но одновременно и возможность их разделения в ходе анализа речевого действия, отметим, что именно на довербальном этапе происходит активация психологических структур, результатом взаимодействия которых становится формирование высказывания. «Мышление выражается в чистой текучести психологических форм, где слипаются не слова, но значения» [Бережнов 2016: 101]. Действие механизма когнитивно-интенционального планирования в данном случае разворачивается в виде поэтапной реализации компонентного состава довербального этапа в условиях постановки и достижения цели речевого действия.

Источником активности говорящего выступает потребность, когда между ней и ее удовлетворением имеется какое-то препятствие или для удовлетворения потребности нужно совершить сложные ориентировочные действия. Потребность есть «внутреннее напряжение организма, которое ведет к организации сферы действия организма соответственно определенным стимулам или целям и возбуждает активность, направленную на их достижение» [MacKinnon 1948: 126]. Именно целеполагание является основой для классификации потребностей А. Маслоу. «Человеческие потребности располагаются в виде иерархии. <...> Иерархическая природа этих потребностей и целей означает, что доминантная цель монополизирует сознание и определенным образом стимулирует и организует различные способности организма, потребные для ее достижения» [Maslow 1943: 394–395]. Изначально потребность можно описать в терминах неосознанного поведения. В ходе процесса осознания деятельности, при котором происходит отождествление предмета речи с коммуникативными целями, потребность преобразуется в мотив речи [Олянич 2007: 34]. Цель является конкретизированным и субъективизированным отражением потребности применительно к данным условиям и возможностям, способностям, склонностям самого человека. В условиях исследования механизмов целеполагания ведущей потребностью человека становится потребность к общению, а именно, коммуникативно-познавательная потребность [там же: 37].

Пример (1). *You want a story that won't surprise you. That will confirm what you already know* [Martel... [http](#)]. Герой романа Янна Мартела «Жизнь Пи» Пи Пател беседует с японскими следователями, которые не верят в его фантастическую историю выживания с тигром. Потребностью вступления говорящего в контакт выступает желание быть понятым, отстоять свою точку зрения в ситуации недоверия со стороны слушателей (*That will confirm what you already know*). Коммуникативной целью героя является побудительная цель, направленная на изменение отношения слушающего к ситуации. Цель становится отражением осознанной потребности говорящего, она в идеальной форме выражает предмет, который должен удовлетворить потребность (*You want a story that won't surprise you*). Как результат, механизм когнитивно-интенционального планирования начинает действовать как направленность сознания к смыслу, к цели.

После того, как потребность, а именно, потребность в общении, инициирует активность субъекта, она «встречается» с объектом речи (мысленным образом ситуации, адресата, темы). Это приводит к порождению мотива. Исследования мотивации представлены в социально-ориентированных гуманитарных дисциплинах, при этом выделяются уровни мотивации в зависимости от уровня потребностей. При этом речевая

деятельность трактуется как вид деятельности, изначально не имеющий мотива, «ибо она возникает как следствие осознания целей и мотивов той конкретной деятельности, в которую она включена. Мотив, как побудительная причина возникновения речевой деятельности, лежит в неречевой деятельности» [Тарасов 1979: 17].

Исследование речевой деятельности с точки зрения ее мотивационного содержания нашло свое развитие в трудах ряда ученых-психологов (Т.В. Ахутина, Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн). Мотив начинают трактовать как «источник активности речевой деятельности» [Зимняя 1999: 218], «осознанное побуждение для определенного действия», «источник действия, его порождающий» [Рубинштейн 1989: 42], «потребность, влияющая на речевое действие» [Леонтьев 1969: 145]. Как видно, в каждой из представленных трактовок отмечается, что мотив представляет собой толчок к действию и часто распознается только в ходе анализа самой деятельности, выступая при этом как направление к достижению поставленной цели. Этим подтверждается, что «мотив человеческих действий естественно связан с их целью, поскольку мотивом является побуждение или стремление ее достигнуть» [Рубинштейн 1989: 42]. «Цель показывает, к чему стремится человек, а мотив – почему он к этому стремится» [Столяренко 1997: 249]. В структуре деятельности мотив, как правило, не имеет отдельного, изолированного существования. В действительности, это сплав различных мотивов разного иерархического уровня, к тому же зависящий и от выбора цели, и от способа реализации действия. Поэтому мотив является таким же индивидуальным и неповторимым, как и сама деятельность. Таким образом, мотив, являясь компонентом организации речевой деятельности, принимает непосредственное участие в процессе целеполагания: «мотив указывает нам не на конкретную цель деятельности, а на зону целей, и чтобы он реализовался, конкретизировался в определенном предмете, необходимо выделить из этой зоны ту или иную цель, осознав ее в объективных, “значенческих” свойствах» [Леонтьев 2003: 189].

В примере (1) после осознания потребности адресант фокусирует свое внимание на мотиве говорения, который можно определить как защиту личной идентичности и опыта, при этом формируется направленное отношение говорящего к объекту, наступает ключевой момент для постановки цели. В примере (2) рассказчик пытается самоутвердиться (*I am the novelist*), что объясняет его потребность вступления в контакт для реализации цели самовыражения. При этом в качестве мотива можно отметить демонстрацию автором власти над формой и содержанием своего романа (*I am in control*).

Пример (2). *I am the novelist. I am in control* [Fowles... [http](#)]. На данной фазе механизм когнитивно-интенционального планирования связывает мотивационную сферу с ситуативными условиями, образуя установку.

Д.Н. Узнадзе подходит к изучению установки как к элементу осознанной активности говорящего, направленной на осуществление определенной деятельности [Узнадзе 2001: 25]. Трудно определить место установки в когнитивно-интенциональной модели, так как ее функционал может быть инициирован в любом из начальных моментов от осознания потребности до постановки цели. Установка как готовность субъекта к осуществлению определенной активности устанавливает «взаимосвязь между условиями и мотивами деятельности; она позволяет оценивать степень информативности того или иного компонента речевой деятельности, способствует быстрой и точной категоризации и объясняет эффект избирательной актуализации

потенциальных признаков деятельности в сознании» [Шмелев 1977]. Выделяют установку на адресанта, адресата, систему языка, сообщение, событие, контакт. Для возникновения установки достаточно двух элементарных условий – актуальной потребности у субъекта и ситуации ее удовлетворения. Таким образом, в отношениях между потребностью говорящего и его установками первичное место отводится потребности. Что касается отношений между установкой и целью, то «установка замещается целью, когда действие установочных механизмов оказывается недостаточным; установка определяет избирательность по отношению к возможным целям; установка может быть продуктом трансформации целей» [Тихомиров 2002: 118]. Это свидетельствует о том, что избирательность установки обусловлена осведомленностью говорящего о ситуации общения (место, время, адресат), ее оценке: не все цели могут достичь эффективной реализации в свете упомянутых характеристик речевого взаимодействия, и именно говорящий определяет степень возможности их реализации в заданных условиях коммуникации, выказывая тем самым высокую степень осознанности в организации речи. Замещение установки целью допустимо в случае отсутствия у говорящего достаточной информации, связанной с ситуацией общения. Так, например, если говорящий не знает о том, на каком языке вступить в контакт (не получает установки о языке общения), то сначала он реализует контактную цель, а затем, получив соответствующую установку, реализует конечную цель речевой деятельности.

При определении связи между установкой и мотивом можно считать, что мотив способствует «формулировке средств и цели действия, находящейся в соответствии или в минимальном противоречии со всеми установками, связанными с ситуацией, к которой относится мотив» [Обуховский 2003: 54]. Выбор установки возникает при столкновении личности, имеющей определенные знания, навыки, потребности, с новой информацией, с новыми социальными требованиями и ситуациями, с учетом которых необходимо действовать [там же: 58]. Возвращаясь к примеру (1), можно отметить, что субъект речи быстро ориентируется в ситуации общения, определяет, кто адресат, время, место и правила ведения коммуникации (официальный контекст, атмосфера недоверия, следователи), формируя установку, ведущую к настрою на цель говорения и способы ее достижения. В примере (2) говорящий высказывается с установкой на читателя, интерпретируя видение собственного творческого пути для своего почитателя.

Пример (3). *Don't want the dog! – said the man in an unpleasant voice. – You calmly let me come here all the way from Hampstead with this cursed dog, and then tell me that you don't want him... – At last I bought the dog for thirty shillings* [Barber 2002: 7]. Говорящий высказывает недовольное отношение (*man in an unpleasant voice*), понимая выигрышное положение относительно собеседника, который сначала хотел приобрести собаку, а потом пошел на попятную. В итоге, цель достигнута (*At last I bought the dog for thirty shillings*). При определении установки в момент целеполагания когнитивно-интенциональное планирование актуализирует проведение внимательного, при этом молниеносного анализа и, как результат, ведет к эффективной коммуникации в свете достижения ее цели.

Переход к цели как центральному понятию интенционального состояния говорящего свидетельствует о том, что для достижения желаемого результата говорящий предварительно ориентируется во всех составляющих речевой фазы, способствующих

логике выстраивания речевой деятельности. Цель речевой деятельности, подобно любой форме человеческого существования, может быть представлена с точки зрения своей внутренней и внешней структуры. Под ее внешней структурой понимается взаимодействие цели с компонентами довербального этапа и долевое участие каждого из компонентов в рамках целеполагания. Исследование внутренней структуры способствует формулировке типологии целей по их функциональной значимости, определяющей зависимость цели от ряда характеристик речевого процесса. Выделяют «коммуникативные цели: информативные; прагматические (побудительные, эмоционально-оценочные, эмоционально-регулятивные, эстетически-регулятивные, контактные) и некоммуникативные цели: цель интеллектуального самовыражения; цель эмоционального самовыражения; цель эмоционально-оценочного самовыражения» [Киселева 1978: 149]. Выбор говорящим цели представляет собой осознанный процесс формирования образа развития коммуникативного акта с учетом представлений о будущем результате. Здесь цель принимает черты речевого замысла, но в его внутреннем представлении, не сформулированном вербально. Когнитивно-интенциональное планирование как внутренний механизм целеполагания направлен на формирование связи между мотивационной и когнитивной сферой речевой деятельности. Именно в этот момент происходит переход к интенции говорения.

Интенцию (речевое намерение) рассматривают как «намерение говорящего сообщить нечто, передать в высказывании определенное субъективное значение, «то, что конкретный говорящий имеет в виду под своим высказыванием» [Грайс 1957], то есть это конкретизация цели через намерение совершить определенный речевой акт: попросить, сообщить, выразить и т.д. Понимание интенции как второго шага в порождении высказывания сразу после мотива, который определяется как «чувствование задачи» и сопровождается внутренним проговариванием и реализацией [Леонтьев 1974: 137], представлено в психологических исследованиях. В основе речевой интенции лежат потребности, мотив и цель, т.е. побуждающие факторы речевого действия, а также денотат значения речевого высказывания. Дж. Серль инициирует понятие «интенционального состояния, которое выражает определенную ментальную направленность субъекта к действительности» [Searle 1983: 153]. Соответственно, проявление психологической сущности интенции на довербальном этапе речевой деятельности наблюдается на этапе перехода от мотива к планируемому действию. Так, в примере (1) побудительная цель сопровождается интенцией провокационного высказывания, при помощи которой говорящий стремится подчеркнуть ограниченность восприятия слушающих (*You want a story that won't surprise you*). В примере (2) цель самовыражения говорящего определяется интенцией порождения когнитивного и этического диссонанса у собеседников (*I am in control*). В примере (3) намерением говорящего было вызвать чувство вины у адресата для получения желаемого результата (*I have bought the dog*). На данном этапе становится очевидным, что интенция становится ядром речевого замысла и запускает программирование стратегии речи для передачи коммуникативно-значимого смысла при помощи речевых средств. В системе когнитивно-интенционального планирования на этапе участия интенция объясняется ее роль в качестве связующего звена между внутренней структурой мотивации и внешней речевой реализацией, ставя вопрос о способах достижения цели.

Говоря об эффективности целеполагания можно предположить, что немаловажная роль в данном процессе отведена речевому планированию, которое

в системе последовательной реализации составляющих доречевого этапа можно описать в терминах стратегий и тактик, определенных субъектом речи в текущих коммуникативных условиях. Понятие стратегии включает «специфические формы речевого поведения, организованные в зависимости от цели взаимодействия» [Иссерс 2002: 101]. Задача описания речевых стратегий состоит в том, чтобы представить номенклатуру реализующих их тактик. Как известно, коммуникативной тактикой называют линию «текущего поведения, совокупность выбранных путей, средств и приемов для достижения намеченной в недалеком будущем цели» [Новейший словарь 2001: 780]. Пример (1) демонстрирует реализацию речевой стратегии упрека при обращении говорящим к тактике прямого выражения, что ведет к постановке побудительной цели. В примере (2) цель самовыражения представлена стратегией убеждения в сочетании с тактикой прямого выражения. В примере (3) обращение к стратегии возмущения (*Don't want the dog! This cursed dog*) достигла своей цели – адресат покупает собаку (*I bought the dog*), реализация побудительной цели достигла своего результата. При этом речевая тактика обусловлена косвенным (непрямым) выражением побудительной цели высказывания (*then tell me that you don't want him*).

Пример (4). *Words are, in my not-so-humble opinion, our most inexhaustible source of magic* [Rowling... http]. Для вдохновения собеседника говорящий использует тактику прямого выражения своего отношения к ситуации (использует эмоционально окрашенную метафору – *our most inexhaustible source of magic*), чтобы быть максимально понятным для собеседника, не прибегая к намекам или иносказательности.

Пример (5). *After all, tomorrow is another day* [Mitchell... http]. В данном примере речевой стратегией выступает убеждение, скорее самоубеждение, при этом главная героиня стремится завершить разговор оптимистической репликой, чтобы снять эмоциональное напряжение (речевая тактика косвенного выражения [Schmid 2012: 10]).

Для наглядной демонстрации анализ взаимодействия компонентов превербального этапа представлен в Таблице 1.

Таблица №1

Взаимодействие компонентов довербального этапа в системе целеполагания

№ п/п	Компонент превербального этапа	Функция в системе целеполагания	Связь с другими компонентами
1	Потребность	Источник активности; инициирует речевое действие; формирует «зону целей».	→ порождает мотив; зависит от коммуникативной ситуации и адресата
2	Мотив	Осознанное побуждение к действию; указывает на «зону целей» и объясняет, <i>почему</i> говорящий стремится к достижению конкретной цели; направляет активность на объект речи.	← из потребности → конкретизируется в цели

3	Установка	Готовность субъекта к определенной активности; обеспечивает избирательность по отношению к возможным целям и средствам, позволяя быстро оценить ситуацию общения (адресат, время, место).	← зависит от мотива и ситуации → влияет на выбор цели
4	Цель (ядро)	Осознанный образ будущего результата, организует процесс.	← из мотива и установки → реализуется через интенцию
5	Интенция	Конкретизация цели через намерение совершить определенный речевой акт (попросить, сообщить, упрекнуть). Является «ядром речевого замысла».	← из цели → определяет стратегию. Соответствует типу цели (сообщить, убедить, побудить и т.д.)
6	Стратегия	Общий план достижения цели	← определяется интенцией → реализуется через тактику
7	Тактика	Конкретные речевые приемы	← из стратегии → ведет к результату целеполагания

Таким образом, предпринятый анализ подтверждает, что речевая деятельность – это не линейная последовательность операций, а динамическая система, в которой механизм когнитивно-интенционального планирования играет роль управляющего центра, обеспечивая внутреннюю согласованность и внешнюю эффективность речи, а довербальный этап речевой деятельности – это зона стратегической ответственности говорящего, где закладываются основы успешного или неудачного исхода коммуникации. Вступление говорящего в речевой контакт обусловлено проявлением его потребности к общению, а именно, коммуникативно-познавательной потребности. После осознания потребности у говорящего начинают действовать механизмы установки, в результате чего говорящий соотносит ситуативные условия общения с предметом речевого взаимодействия и определяет для себя пути дальнейшего развития беседы с учетом присутствующих ситуативных признаков. После этого в действие вступает опредмеченная потребность общения, т.е. его мотив. В ходе определения ситуативных условий общения говорящий имеет намерение (интенцию) выражения цели речевого действия требуемым в данном контексте стратегическим выбором ходов. Прагматический эффект действия когнитивно-интенционального планирования на довербальном этапе целеполагания определяется по результату речевого действия. Функционируя как внутренний регулятор, когнитивно-интенциональное планирование обеспечивает координацию мотивационных, когнитивных и стратегических элементов,

формируя речевое действие как целенаправленный, внутренне согласованный и прагматически оправданный акт, одновременно не только обеспечивая инициацию действия, но и управляя согласованием всех элементов довербального этапа, вплоть до тактических решений в речевом действии.

Выводы и заключение

Изучение феномена когнитивно-интенционального планирования на довербальном этапе речевой деятельности позволило соотнести выдвинутую гипотезу с результатами проведенного анализа и подтвердить, что целеполагание в речевом действии представляет собой сложный многоуровневый процесс, формирующийся до этапа вербализации. В этой связи, введенное в исследование понятие когнитивно-интенционального планирования конкретизирует и дополняет теоретические представления о довербальном этапе, позволяя описать его как целостную систему координации взаимосвязанных компонентов: потребности, мотива, установки, целеполагания, интенции, стратегии и тактики. При этом интенциональность отвечает за логическую и прагматическую целостность речевого действия: она обеспечивает переход от мотивационно-потребностной сферы к формированию речевой цели и задает вектор всей последующей организации речевого действия. В свою очередь, когнитивное планирование, интерпретируемое как механизм структурирования ментальных операций, отвечает за внутреннюю организацию будущего высказывания. Исследование подтвердило, что их интеграция в рамках единого механизма когнитивно-интенционального планирования обеспечивает логическую и прагматическую целостность речевого акта.

Выведенная в работе поэтапная модель (потребность → мотив → установка → цель → интенция → стратегия → тактика) получила теоретическое обоснование через анализ функций каждого компонента и их взаимосвязей:

1. Потребность выступает в качестве исходной точки целеполагания, источника внутренней активности субъекта. На данном этапе формируется импульс к вступлению в коммуникацию, который может носить как осознанный, так и неосознанный характер.

2. Мотив является опредмеченной и осознанной потребностью, придающей коммуникации целенаправленность. На этом этапе происходит соотнесение внутреннего побуждения с внешними обстоятельствами, что формирует устойчивое основание для выбора конкретной цели.

3. Установка демонстрирует готовность субъекта к реализации речевого действия в конкретной ситуации общения. Установка помогает быстро ориентироваться в параметрах ситуации и выполняет роль фильтра, который отсеивает цели, не соответствующие условиям коммуникации, и выделяет те, что имеют наибольший шанс на успешную реализацию.

4. Цель представляет собой центральное звено когнитивно-интенционального планирования и главный ориентир речевого планирования. На данном этапе формируется внутренний образ будущего речевого действия, определяются его функции и задаются рамки для выбора стратегии и тактики.

5. Интенция конкретизирует цель в виде внутреннего плана того, какое действие нужно совершить. Интенция переводит цель в операциональный план и задает форму будущего речевого акта, готовя переход к его вербализации.

6. Речевая стратегия определяет общую логику и направление коммуникации, учитывает реакцию адресата, темп подачи информации, выбор коммуникативных средств. Она обеспечивает связность речевого поведения и его соответствие прагматическим условиям.

7. Речевая тактика отвечает за локальное воздействие на адресата и адаптацию к изменяющимся условиям общения. Она может включать прямое или косвенное выражение смысла в реализации речевого действия.

В целом, когнитивно-интенциональное планирование рассматривается как системообразующий механизм целеполагания в речи, обеспечивающий направленность речевого действия в соответствии с коммуникативной ситуацией; связывающий мотивационно-потребностную сферу с когнитивным и стратегическим уровнем планирования; гарантирующий логическую, смысловую и прагматическую целостность высказывания; снижающий вероятность коммуникативных сбоев за счет предварительной организации речевого действия. Следовательно, когнитивно-интенциональное планирование может быть обоснованно интерпретировано как системообразующий механизм целеполагания, восполняющий выявленные ограничения существующих моделей речепорождения, прежде всего в части описания доречевых стадий и роли субъекта речи.

Полученные результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем для уточнения моделей порождения речи в психолингвистике, для формирования навыков осознанного целеполагания и стратегического планирования речи в методике преподавания языков, для оптимизации речевого поведения в деловой, межкультурной и конфликтной коммуникации, а также для разработки алгоритмов моделирования человеческой речи, учитывающих мотивационно-когнитивные этапы подготовки высказывания в системе искусственного интеллекта.

© Иванова С.В., Мухина Н.Б., 2026

Литература

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. М.: Изд-во МГУ, 1975. 144 с.

Барышников П.Н. Когнитивная лингвистика и философия сознания: объяснительный разрыв в онтологии языкового знака // Эпистемология и философия науки 2016. Т. 50. № 4. С. 119–134. DOI: 10.5840/eps201650474

Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. М.: Московский клуб, 1992. 325 с.

Бережнов Д.А. Техника «потока сознания»: бергсоновское истолкование психологии в прозе В. Набокова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 99–104. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-99-104>

Болдырев Н.Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 5–25. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-5-25

Воронина Л.В. Категория интенциональности в лингвистической перспективе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 175–181. DOI 10.52452/19931778_2023_4_175

- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 томах /Л.С. Выготский; сост. М.Г. Ярошевский. М.: Педагогика, 1982-1984.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: «Прогресс», 1985. С. 217–237.
- Зимняя И.А.* Педагогическая психология. Учебник для вузов. М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. 380 с.
- Искусственный интеллект.* Кн. 1. Системы общения и экспертные системы: справочник / Под ред. Э.В. Попова. М.: Радио и связь, 1990. 464 с.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС. 2002. 284 с.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
- Кибрик А.Е.* Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29–59.
- Киселева Л.Я.* Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978. 236 с.
- Колшанский Г.В.* Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения // Иностранные языки в школе. 1985. № 1. С. 10–14.
- Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М.: «Наука», 1985. 158 с.
- Кубрякова Е.С.* Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 96–112.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: «Просвещение», 1969. 214 с.
- Леонтьев А.А.* Психология общения. Тарту, 1974. 365 с.
- Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.
- Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1975. 252 с.
- Мощева С.В.* Речевая интенция: теоретические подходы к исследованию // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2011. 2 (3). С 223–226.
- Мухина Н.Б.* Прагматика цели речевой деятельности. Монография. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2011. 143 с.
- Новейший словарь иностранных слов и выражений.* Мн.: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 976 с.
- Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. Под редакцией Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 607 с.
- Обуховский К.* Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб.: Издательство «Речь», 2003. 296 с.
- Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: Монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
- Петрова Е. А.* К вопросу об интенциональности коммуникации с точки зрения общей когнитивности // Верхневолжский филологический вестник. 2021. №2 (25). С.71–77. DOI10.20323/2499-9679-2021-2-25-71-77
- Романова Т.В.* Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками // Когнитивные исследования языка. Выпуск IX. Тамбов. 2014. С. 493–496.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. Т.1. М.: Педагогика, 1989. 488 с.

Столяренко Л.Д. Основы психологии. Ростов-на-дону: Издательство «Феникс», 1997. 736 с.

Сулейманова О.А., Водяницкая А.А., Фомина М.А. Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020, 17 (2). С. 309–322. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.209>

Тарасов Е.Ф. Статус теории речевой коммуникации в структуре теории речевой деятельности // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979. С. 15–57.

Тихомиров О.К. Психология мышления: Учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 288 с.

Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.

Фарисенкова Л.В. Уровни коммуникативной компетенции в теории и на практике. М. Издательство «Гуманитарий» Академии Гуманитарных исследований, 2000. 268 с.

Чернявская В.Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020, 17 (1). С. 135–147. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.109>

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977. 168 с.

Barber D.H. Getting Known // Шевцова С.В. Учебное пособие по английскому языку. М.: ГИС, 2002. С. 6-8.

Chartrand T.L., Cheng C.M., Dalton A.N., Tesser A. Nonconscious Goal Pursuit: Isolated Incidents or Adaptive Self-Regulatory Tool? // Social Cognition. Vol. 28. No. 5. 2010. P. 569–588.

Ciecierski T. Linguistic Criteria of Intentionality // Studies in Logic, Gramma and Rhetoric. 2016. 46 (59). P. 35–58. DOI: 10.1515/slgr-2016-0032

Fowles J.R. The French Lieutenant's Woman. URL: <https://liteka.ru/english/library/3704-the-french-lieutenant-s-woman>. Дата обращения: 25.08.2025.

Gollwitzer P.M. Mindset Theory of Action Phases. Theories of social psychology. Handbook of theories of social psychology. Lange, Paul P.A. van (Ed.). Los Angeles, 2012. P. 526–545.

Lyons J. Linguistic Semantics: an Introduction. New York: Cambridge University Press, 1995. 376 p.

MacKinnon D.W. Motivation // Boring E.G. Foundations of Psychology. New York, 1948.

Maslow A.H. A Theory of Human Motivation. 1943. P. 370–396. URL: <https://scottbarrykaufman.com/wp-content/uploads/2015/01/Maslow-1943.pdf>

Martel Y. Life of Pi. URL: <https://avalonlibrary.net/ebooks/Yann%20Martel%20-%20Life%20of%20Pi.pdf>. Дата обращения: 28.08.2025.

Mitchell M. Gone with the Wind. URL: <https://rickbulow.com/Library/Books/Fiction/Gone%20with%20the%20Wind%20by%20Margaret%20Mitchell.pdf>. Дата обращения: 30.08.2025.

Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows. URL: <http://fcerosario.pbworks.com/w/file/attach/103717697/J.K.%20Rowling.pdf>. Дата обращения: 30.08.2025 г.

Searle J.R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 278 p.

Schmid H.-J. Cognitive Pragmatics. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/316846158_Cognitive_Pragmatics (accessed: 30.08.2025).

Sheeran P, Webb T.L., Gollwitzer P.M. The Interplay Between Goal Intentions and Implementation Intentions // Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. P. 87–98.

Сведения об авторах:

Иванова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере философии и социальных наук Санкт-Петербургского государственного университета

Контактная информация:

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7-9

ORCID: 0000-0002-0127-9934

e-mail: svet_victoria@mail.ru

Мухина Наталия Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и образовательных технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Уральского государственного университета путей сообщения

Контактная информация:

-Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина: 620000 г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51

-Уральский государственный университет путей сообщения: 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66

ORCID: 0000-0003-1911-9813

e-mail: mukhnat@yandex.ru

Для цитирования:

Иванова С.В., Мухина Н.Б. Когнитивно-интенциональное планирование как механизм целеполагания на довербальном этапе речевой деятельности // Вопросы психолингвистики. 2026. №1(67). С. 64–81, doi: DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-64-81

UDC 81'23

LBC 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-64-81

Research article

**COGNITIVE-INTENTIONAL PLANNING AS A GOAL-SETTING
MECHANISM AT THE PREVERBAL STAGE OF
SPEECH ACTIVITY**

Svetlana V. Ivanova

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia,

Nataliya B. Mukhina

Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N. Yeltsyn,
Ural State University of Railway Transport,
Yekaterinburg, Russia

Abstract

The aim of the paper is to identify the features of the cognitive-intentional planning mechanism at the preverbal stage of speech activity in the context of realizing in the speaker's communicative goal. The article reveals and theoretically substantiates the concepts of the goal of speech activity and cognitive-intentional planning; it also reveals the nature of their interrelation with the components of the preverbal stage. A stage-based model of cognitive-intentional planning is proposed reflecting the sequential implementation of psychological and cognitive components of goal-setting and ensuring the transition from the motivational-need sphere to speech realization. The functions of cognitive-intentional planning in the formation of communicative meaningfulness and pragmatic effectiveness of speech action are identified. The mechanism of cognitive-intentional planning is considered as an internal regulatory system ensuring the logical and pragmatic integrity of speech action, coordination of the motivational sphere and strategic decisions of the speech subject. The methodological basis of the study comprises cognitive and pragmalinguistic approaches implemented through the methods of discourse and cognitive analyses. The material is drawn from 143 English-language literary texts of the XX-XXI centuries. The results of the work confirm that the mechanism of cognitive-intentional planning performs the functions of an integrator and coordinator of all components of the preverbal stage, minimizing the risk of communication failures and ensuring the effectiveness of speech interaction. Goal setting appears as a complex multi-level process that determines successful communication even before its verbalization. The findings are significant for psycholinguistics, speech activity theory, language teaching methods and research in the field of artificial intelligence.

Keywords: speech activity, goal-setting, mechanism of cognitive-intentional planning, preverbal stage of speech activity

© Ivanova S.V., Mukhina N.B., 2026

Bionotes:

Svetlana V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages in the Sphere of Philosophy and Social Sciences of Saint-Petersburg State University

Contact information:

199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

ORCID: 0000-0002-0127-9934

e-mail: svet_victoria@mail.ru

Nataliya B. Mukhina – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Educational Technologies of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsyn; Associate Professor of the Department of Foreign Languages and International Communications of the Ural State University of Railway Transport

Contact information:

- Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsyn: 620000 Yekaterinburg, Lenina str., 51

- Ural State University of Railway Transport: 620034 Yekaterinburg, Kolmogorova str., 66

ORCID: 0000-0003-1911-9813

e-mail: mukhnat@yandex.ru

For citation:

Ivanova S.V., Mukhina N.B. Cognitive-intentional planning as a goal-setting mechanism at the preverbal stage of speech activity // Journal of Psycholinguistics. 1(67), 2026. P. 64–81. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-64-81 (In Russian)

**ФОРМАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА:
РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ**

Курушин Даниил Сергеевич

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия

Нестерова Наталья Михайловна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме методики формализации семантики текста, представленной в монографии А.И. Новикова, а именно алгоритму выделения денотатной структуры текста, являющейся его предметным содержанием. Как известно, для экспликации денотатной структуры автор использовал форму графа, позволяющую отобразить иерархию денотатов и их отношения. Сегодня такой граф известен как «денотатный граф», и он активно используется в современных семантических исследованиях для решения различных теоретических и прикладных задач, связанных с осмыслением и пониманием текста. Свидетельством эффективности использования денотатного графа является большое количество ссылок в интернете. Теоретической основой для эксперимента послужил алгоритм, разработанный А.И. Новиковым, выделенные им этапы денотативного анализа текста и, соответственно, методика построения самого графа. В данном исследовании представлен эксперимент полностью автоматического построения денотатного графа.

Цель проведенного эксперимента заключалась в попытке реализовать алгоритм денотативного анализа А.И. Новикова с использованием современных программных инструментов (нейросетевые вычисления, NLP, графовые БД), сравнить полученный автоматизированным способом денотатный граф с графом, построенным автором вручную, и обосновать применимость гибридного графово-нейросетевого подхода для извлечения содержания текста.

Предмет исследования – формализация семантики текста на основе метода денотативного анализа А.И. Новикова. Методы исследования: векторизация текста и тематическое моделирование для выделения подтем, использование больших языковых моделей для выделения денотатов и определения отношений между ними, построение и визуализация ориентированного графа (денотатной структуры), сравнительный анализ результатов, полученных нейросетью, с классическим алгоритмом, описанным А.И. Новиковым.

Авторами разработана многослойная архитектура программной реализации, интегрирующая нейросетевые вычисления, лингвистический анализ и управление данными, создан алгоритм для автоматического извлечения денотатов и отношений из текста с последующим построением денотатного графа, выявлены различия между результатами работы нейросети и классическим подходом Новикова.

Ключевые слова: денотатная структура, нейросетевые вычисления, обработка естественного языка, графовая база данных, тематическое моделирование

Введение

В 1983 году в издательстве «Наука» вышла монография А.И. Новикова «Семантика текста и ее формализация», ставшая практически сразу научным бестселлером. Причина успеха заключалась в том, что автор разработал алгоритм формализованного представления содержания текста. Тогда (43 года назад) отсутствовали программные инструменты, которые имеются сейчас – нейросетевые вычисления, лингвистический анализ и управление данными, но ученый как бы предвидел появление таких инструментов и разработывал «вручную» процедуру возможного автоматического анализа семантики текста. Говоря о возможности применения электронно-вычислительной техники для моделирования мыслительной деятельности человека, существовавшей в 80-е годы прошлого столетия, исследователь отмечал, что ЭВМ успешно справляется со многими задачами и делает это «более быстро, надежно, стандартно, чем человек», однако машина «является практически беспомощной в решении тех вопросов, в основе которых лежит семантика» [Новиков 1983: 170].

Понимая такую машинную «беспомощность», А.И. Новиков говорит об условиях, при которых семантические задачи могли бы быть решены. И первое условие – это применение определенных ограничений при постановке задачи формализации. Главное ограничение, на которое указывает ученый, связано с предметно-тематической областью текстов и их видами. Наиболее формализуемыми текстами, по мнению ученого, могут быть тексты, в которых предметная ситуация выражена явно, а сами тексты достаточно стандартизированы. Благодаря такому ограничению, по мнению исследователя, элементы содержания «могут задаваться заранее в виде некоторой системы исходных данных, а также могут формулироваться правила оперирования с этими элементами» [Новиков 1983: 196]. Именно это и было реализовано ученым при разработке методики денотативного анализа текста и построения его денотатной структуры. Как известно, формой представления денотатной структуры в исследованиях А.И. Новикова стал так называемый «денотатный граф». В названной монографии и докторской диссертации ученого «Структура содержания текста и возможности ее формализации» (1983) было дано определение понятию «содержание текста», которое ученый понимал как некую динамическую модель определенного фрагмента действительности, представленную в конкретном тексте [Новиков 1983]. На основании такого определения были сформулированы следующие теоретические постулаты:

- 1) структура содержания текста не сводится к его логико-композиционному плану, а определяется логикой предметных отношений;
- 2) единицы содержания не тождественны единицам языка. Единицами содержания являются денотаты, а в тексте представлены их имена.

Таким образом, именно денотатный граф, отражающий содержание текста, является экспликацией результата понимания текста. Ученый детально описывает алгоритм построения такого графа и приводит построенные им графы. Для эксперимента был выбран текст «Осевой компрессор», приведенный в работе А.И. Новикова. Выбор именно этого текста позволяет сравнить граф, построенный «вручную» самим автором, и граф, построенный машиной.

В уже названной монографии А.И. Новикова «Семантика текста и ее формализация» подчеркивается, что «создание методики отображения денотатной структуры текста связано со значительными трудностями, природа которых детерминирована сложным характером отношения мыслительного содержания и средств его выражения» [Новиков 1983: 127]. Тем не менее автор предлагает формальный алгоритм:

1) выделение «ключевых» элементов текста. При чтении текста из общего фона выделяются некоторые элементы, которые осознаются как наиболее важные и существенные для понимания.

2) Определение иерархии подтем и субподтем. Выделенные «ключевые» элементы анализируются на предмет их принадлежности к различным уровням структуры содержания.

3) Определение соотношения денотатов. На этом этапе определяются предметные отношения между денотатами, что приводит к уточнению соотношения элементов полученной структуры, детализации её уровней и общему преобразованию.

4) Определение имен денотатов. Имя денотата может быть сформулировано в словах, отличных от слов некоторого отрезка текста.

5) Определение наименований отношений. Наименование отношения берется из текста, если оно имеет в нем лексическое выражение.

6) Построение графа денотатной структуры. На основе полученных имен денотатов и наименований отношений строится граф денотатной структуры, который отображает иерархические отношения между элементами текста.

Нами предпринята попытка реализации данного алгоритма на современном уровне и сравнения как процесса построения графа, так и результата, полученного А.И. Новиковым, с результатами алгоритмического решения. Стоит отметить, что в настоящее время задача явного выделения денотатов из текста часто считается избыточной, т.к. аналогичные результаты могут быть получены при применении больших лингвистических нейросетевых моделей.

Однако мы считаем важным сохранить явность и наглядность денотатной структуры как минимум в аналитических задачах. Также на базе этого подхода авторами построена гибридная графово-нейросетевая модель извлечения основного содержания, которая в настоящее время находится в стадии внедрения в систему поддержки принятия решений, что показывает возможность практического использования в коммерческих целях [Greenwood, Hill 2009; Катчан 2024].

Итак, рассмотрим необходимые модели и инструменты, которые используются в решении вышеописанной задачи.

1. Инструментарий программной реализации: нейросетевые вычисления, лингвистический анализ и управление данными

В основе программной реализации лежит многослойная архитектура, интегрирующая передовые библиотеки для машинного обучения, обработки естественного языка (NLP) и персистентности данных. Выбор технологического стека обусловлен необходимостью решения задач семантического анализа, извлечения сущностей и построения связей в неоднородных массивах текстовой информации.

Для выполнения задач генерации текста и семантического анализа задействованы решения, построенные на архитектуре Transformer. Ключевую роль играют LLM YandexGPT-5-Lite-8B-instruct-GGUF и qwq, работающие в среде ollama [YandexGPT-5-Lite-8B-instruct 2025; Zeng и др. 2025; Миннеахметов 2025]. Для специализированных

задач, таких как снятие неоднозначности, применяются кастомные экстракторы, построенные на основе предобученных моделей PyTorch. Дополнительно, библиотека transformers от Hugging Face используется для пайплайнов, требующих тонкой настройки.

Разбиение текста на предложения выполняется стандартным токенизатором из nltk.tokenize. Для выделения ключевых терминов и коллокаций применяется gitermextract, алгоритмы которого адаптированы под особенности словообразования в русском языке. Специальные модули обеспечивают удаление шума и разбиение больших документов на семантически связанные фрагменты, что является необходимым условием для подачи текста в нейросетевые модели с ограниченным контекстным окном.

Ключевой особенностью архитектуры является использование графовой базы данных Neo4j для хранения семантических связей между сущностями. Подключение и взаимодействие с Neo4j осуществляется через официальный драйвер neo4j (класс GraphDatabase). Абстракция Neo4jConnection инкапсулирует логику работы с транзакциями и сессиями. Модуль graph_builder содержит бизнес-логику преобразования извлеченных сущностей и отношений в узлы и ребра графа.

2. Ход эксперимента

Цель предварительного этапа эксперимента – сегментация текстовых данных для упрощения их последующего анализа и обработки. Основой вычислительных операций служит библиотека NumPy, предоставляющая высокопроизводительные структуры данных для работы с многомерными массивами и матрицами. NumPy является фундаментом для большинства научных вычислений в Python, включая линейную алгебру и статистические преобразования, необходимые на этапах векторизации и кластеризации текстов.

Сегментация текста на предложения выполняется функцией sent_tokenize из корпуса NLTK. Данный токенизатор основан на предобученных моделях пунктуации и способен корректно обрабатывать сокращения и аббревиатуры, что критически важно для корректного выделения границ смысловых единиц.

Для выделения ключевых терминов и коллокаций задействована библиотека gitermextract. Данный инструмент адаптирован для русского языка и использует статистические методы (оценка TF-IDF) для извлечения значимых словосочетаний, что позволяет перейти от простого анализа слов к выделению понятий и сущностей предметной области.

Трансформация текстов в машиночитаемый формат осуществляется при помощи TfidfVectorizer. Финальным этапом тематического моделирования является применение алгоритма K-Means к полученному TF-IDF представлению. K-Means как метод неиерархической кластеризации разбивает документы на заранее заданное число кластеров, минимизируя сумму квадратов расстояний внутри кластеров. Это позволяет работать с тематически связными фрагментами.

В эксперименте, проведенном в рамках этой работы, данная методика не была задействована, т.к. анализировался относительно короткий фрагмент из работы А.И. Новикова. Тем не менее, этот этап моделирует подход, предложенный Анатолием Ивановичем, в частности, стадию «выделения подтем текста», результат которой представлен в [Новиков 1983].

На основном этапе происходит инициализация объекта DenotateNetworkBuilder, в котором создаются множества denotations (для хранения денотатов) и relations (для хранения отношений между денотатами).

- Для каждого фрагмента текста из созданных выше выполняются следующие шаги:
- 1) извлечение денотатов с описаниями,
  - 2) объединение денотатов – обработка извлеченных денотатов с целью устранения дубликатов и нормализации данных,
  - 3) извлечение отношений между денотатами – поиск в тексте указаний на связи между денотатами, которые затем преобразуются в кортежи для дальнейшего анализа,
  - 4) преобразование отношений в кортежи – представление отношений между денотатами в виде кортежей (source, target, label), где source и target – это денотаты, а label – метка, описывающая тип отношения между ними.

После анализа всех фрагментов текста метод возвращает два множества: denotations (множество денотатов) и relations (множество кортежей, описывающих отношения между денотатами). Для визуализации отношений между денотатами используется библиотека graphviz. Создается экземпляр класса Digraph, который представляет собой ориентированный граф. Затем для каждого кортежа из множества relations добавляется ребро в графе.

Итак, согласно алгоритму А.И. Новикова, на первом этапе происходит выделение «ключевых» элементов текста. В нашей реализации это делается при помощи нейросети. Результат приведен на рис. 1.

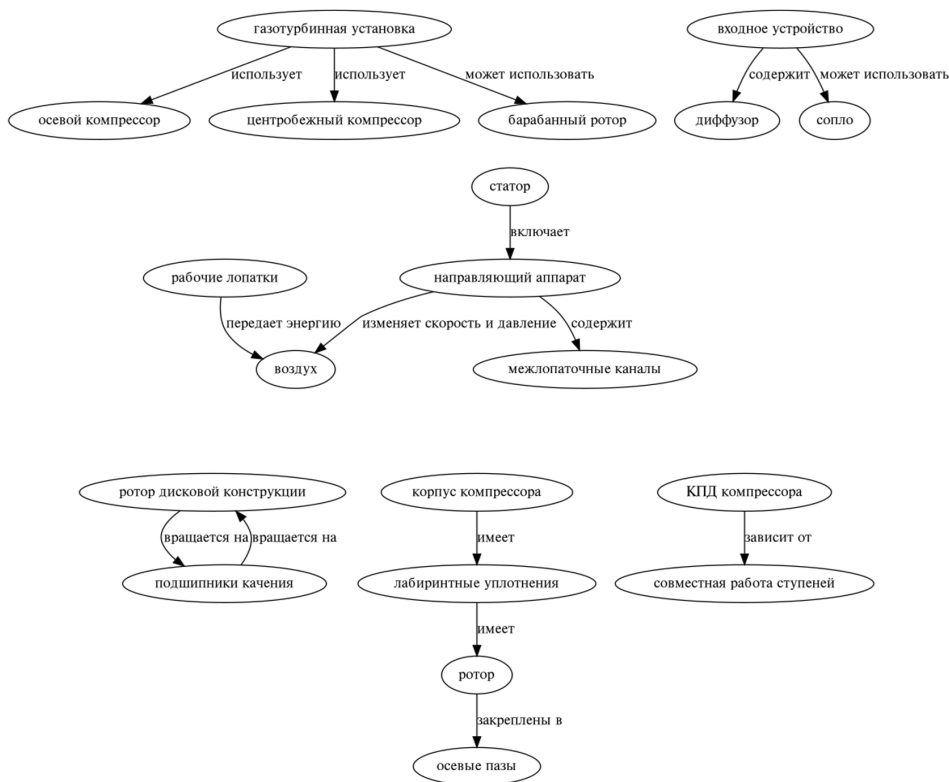

Рис. 1. Результат выделения «ключевых» элементов текста.

Основное различие заключается в степени детализации описания и акцентах. Так, в графе, который мы видим в работе А.И. Новикова, представлены более конкретные конструктивные элементы, отсутствующие в результатах работы нейросети. Нейросеть же добавила термин «лабиринтные уплотнения». В авторской версии графа содержится лексика, описывающая рабочие процессы и термодинамические параметры: «воздух», «воздушный поток», «скорость воздуха», «требуемое давление», а также конструктивный элемент «ступени компрессора», подразумевающий процесс сжатия.

Нейросеть же оказалась ориентирована преимущественно на статическую конструкцию. Отсутствуют упомянутые выше понятия, связанные с движением и состоянием среды, но зато введен термин «подшипники качения», конкретизирующий тип опор ротора.

На следующем этапе была выполнена задача определения соотношения денотатов. Для этого нейросети был предложен и сам текст (фрагмент), и список денотатов, и их словарные описания, извлеченные на промежуточном этапе. Это необходимо, чтобы смоделировать «погруженность» в предметную область.

На данном этапе при анализе текста получились следующие фрагменты:

- `газотурбинная установка`, `осевой компрессор`, `использует`;
- `входное устройство`, `диффузор`, `содержит`;
- `входное устройство`, `сопло`, `может использовать`...

и другие.

Следующие этапы, выделенные А.И. Новиковым (определение имен денотатов и определение наименований отношений), были выполнены в ходе предыдущих шагов. Таким образом, возможно сразу перейти к этапу построения графа денотатной структуры. Для визуализации связей между сущностями используется библиотека `graphviz`.

Вначале происходит «инициализация графа» – создается пустой объект ориентированного графа. Все последующие элементы будут в него добавляться.

Цикл последовательно перебирает коллекцию отношений, выявленных ранее. Ожидается, что каждый ее элемент содержит три значения:

- `source` – идентификатор узла-источника;
- `target` – идентификатор узла-приемника;
- `label` – текстовая метка, которая будет отображаться на ребре графа.

Следующий шаг – это валидация узлов, что является ключевым моментом. Предполагается, что `denotations` – это множество, хранящее список разрешенных (существующих) узлов. Ребро добавляется в граф только в том случае, если оба узла присутствуют в этом множестве. Такой подход гарантирует, что в финальную визуализацию попадут только валидные связи, а ссылки на несуществующие сущности будут проигнорированы. Результат работы показан на рис. 2¹.

Для сравнения графа, построенного автоматически, с версией графа, приведенного в монографии А.И. Новикова [Новиков 1983: 141], последний приведен ниже на рис. 3.

---

¹ Перекомпоновка элементов графа для лучшего «вписывания» в формат статьи была выполнена вручную.

Заключение

Проведенное в рамках данного исследования экспериментальное моделирование алгоритма денотативного анализа А.И. Новикова с использованием современных программных инструментов позволило получить ряд значимых теоретических и прикладных результатов.

Прежде всего, нами была подтверждена принципиальная возможность автоматизации построения денотатного графа, которая ранее рассматривалась А.И. Новиковым лишь как теоретическая перспектива. Разработанная многослойная архитектура, интегрирующая методы обработки естественного языка, большие языковые модели и графовую базу данных Neo4j, доказала свою работоспособность [Devlin и др. 2019; Bollacker и др. 2008].

Сравнение полученного автоматизированным способом графа с классическим графом, построенным А.И. Новиковым, выявило не только технологические возможности, но и содержательные различия в акцентах анализа. Тем не менее, полученный результат не следует рассматривать как недостаток машинного подхода, а скорее как его специфику. Гибридная графово-нейросетевая модель, созданная авторами, доказала свою эффективность для извлечения основного содержания текста с сохранением главного преимущества денотатного анализа – наглядности и явности семантических связей. Возможность хранения и обработки извлеченных структур в Neo4j открывает перспективы для масштабирования данного подхода на большие массивы технической документации.

Таким образом, предпринятая попытка «оцифровки» классического алгоритма А.И. Новикова показала, что его теоретическое наследие не только сохраняет актуальность спустя десятилетия, но и служит надежной методологической базой для создания современных интеллектуальных систем, требующих глубинного понимания и структурирования текстового содержания. Дальнейшие исследования в этом направлении будут связаны с построением узкоспециальных моделей, решающих задачи обработки некоторых специфических форматов данных.

© Курушин Д.С., Нестерова Н.М., 2026

Литература

Катчан И. Системы поддержки принятия решений – на что обратить внимание при выборе [Электронный ресурс] // Национальный банковский журнал. 2024. 6 сентября. URL: https://nbj.ru/publs/ilya_katchan_axenix_sistemy_podderzhki_pri/66705/ (дата обращения: 20.03.2026).

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.

Новиков А.И. Структура содержания текста и возможности ее формализации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983. 380 с.

Миннеахметов Р.Р. Интеллектуальная система отслеживания активностей на основе больших нейросетевых моделей // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2025. № 9. С. 127–137. DOI: 10.17586/3033-5574-2025-9-127-137.

Bollacker K. Freebase: a collaboratively created graph database for structuring human knowledge / K. Bollacker, C. Evans, P. Paritosh, T. Sturge, J. Taylor // Proceedings of the 2008 ACM SIGMOD International Conference on Management of Data. Vancouver, 2008. P. 1247–1250.

Devlin J. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding / J. Devlin, M.-W. Chang, K. Lee, K. Toutanova // Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics. Minneapolis, 2019. P. 4171–4186.

Greenwood A. Introduction to Simulation-Based Decision Support Systems / A. Greenwood, T.W. Hill. Mawson Lakes: NICTA, 2009.

YandexGPT-5-Lite-8B-instruct [Электронный ресурс] / Yandex // Hugging Face. 2025. URL: <https://huggingface.co/yandex/YandexGPT-5-Lite-8B-instruct> (дата обращения: 20.03.2026).

Zeng Z. Revisiting the Test-Time Scaling of o1-like Models: Do they Truly Possess Test-Time Scaling Capabilities? / Z. Zeng, Q. Cheng, Y. Yin, Z. Zhou, X. Qiu // Proceedings of the 63rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers). Vienna, 2025. P. 4651–4665.

Сведения об авторах:

Курушин Даниил Сергеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий и автоматизированных систем Пермского национального исследовательского политехнического университета

Контактная информация:

614990, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29

ORCID: 0000-0003-4798-7423

e-mail: daniel@kurushin-perm.ru

Нестерова Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета

Контактная информация:

614990, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29

ORCID: 0000-0001-9064-6742

e-mail: nest-nat@yandex.ru

Для цитирования:

Курушин Д.С., Нестерова Н.М. Проблема формализации семантики текста: ретроспектива и современная реализация // Вопросы психолингвистики. 2026. №1(67). С. 82–92, doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-82-92

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-82-92

Research article

**TEXT SEMANTICS FORMALIZATION:
RETROSPECTIVE AND MODERN IMPLEMENTATION**

Daniil S. Kurushin

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Natalia M. Nesterova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract

The article addresses the technique of formalizing text semantics as presented in A.I. Novikov's monograph, specifically the algorithm for identifying the denotative structure of a text that constitutes its subject content. To explicate the denotative structure, the author used a graph form that allows representing the hierarchy of denotata and their relations. Today, this graph is known as a "denotative graph", and it is actively used in modern semantic research to solve various theoretical and applied problems related to text comprehension and understanding. The effectiveness of using the denotative graph is evidenced by the large number of citations available online. The theoretical basis for the experiment was the algorithm developed by A.I. Novikov, the stages of denotative text analysis he identified, and consequently, the methodology for constructing the graph itself. This study presents an experiment in a fully automatic denotative graph construction.

The aim of this work is to implement A.I. Novikov's denotative analysis algorithm using modern software tools (neural network computing, NLP, graph databases), compare the denotative graph obtained automatically with the graph manually constructed by the author, and substantiate the applicability of a hybrid graph-neural network approach for extracting text content.

The subject of the study is the formalization of text semantics based on A.I. Novikov's denotative analysis method. Research methods include text vectorization and topic modeling for subtopic extraction, using large language models to identify denotata and determine relationships between them, constructing and visualizing a directed graph (denotative structure), and a comparative analysis of the results obtained by the neural network with the classical algorithm described by A.I. Novikov.

The authors have developed a multi-layered software architecture integrating neural network computing, linguistic analysis, and data management, created an algorithm for automatically extracting denotata and relationships from the text with subsequent denotative graph construction, and identified differences between the results produced by the neural network and Novikov's classical approach.

Keywords: denotative structure, neural network computing, natural language processing, graph database, topic modeling

© Kurushin D.S., Nesterova N.M., 2026

Bionots:

Daniil S. Kurushin – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor at the Department of Information Technologies and Automated Systems, Perm National Research Polytechnic University

Contact information:

29 Komsomolsky Prospekt, Perm, Russia, 614990

ORCID: 0000-0003-4798-7423

e-mail: daniel@kurushin-perm.ru

Natalya M. Nesterova – Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University

Contact information:

29 Komsomolsky Prospekt, Perm, Russia, 614990

ORCID: 0000-0001-9064-6742

e-mail: nest-nat@yandex.ru

For citation:

Kurushin D.S., Nesterova N.M. The problem of text semantics formalization: retrospective and modern implementation // Journal of Psycholinguistics. 1(67), 2026. P. 82–92. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-82-92 (In Russian)

УДК 81'23:81'373

ББК 81.373.42

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-93-104

Научная статья

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЧУВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КЛИШИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Решетняк Марина Владимировна
Югорский государственный университет,
Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию эмоционально-чувственного компонента значения клишированных единиц современного дипломатического дискурса. Материалом исследования выступают пять клише, отобранных из текстов международных договоров, резолюций ООН и дипломатической переписки: *pending, with regard to, to refrain from, to fulfill in good faith, harmonizing*. Предметом статьи выступает структура эмоционально-чувственного компонента значения выбранных устойчивых единиц, включающая когнитивный, перцептивный и аффективно-оценочный слои. Цель работы – выявить и описать указанную структуру, определив характер скрытого аффективно-перцептивного потенциала данных единиц в контексте современных теорий воплощенного познания. Методологическую базу составляет психолингвистический подход Е.Ю. Мягковой, дополненный этимологическим и метафорическим анализом, методом перцептивной реконструкции, а также интерпретативным анализом дискурсивных контекстов. Результаты исследования демонстрируют, что все изученные клише, несмотря на формализованность, сохраняют связь с телесным опытом: *pending* актуализирует тактильно-кинестетический образ зависания, *with regard to* – визуальный образ направленности взгляда, *to refrain from* – кинестетический образ сдерживания, *to fulfill in good faith* – образ наполнения и опоры, *harmonizing* – слуховой образ музыкальной гармонии. Таким образом, исследование показывает, что выявленные перцептивные основания формируют разнообразный аффективный спектр (от тревожности до позитивной оценки) и наделяют клише скрытым прагматическим потенциалом, значимым для перевода и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: психолингвистика, дипломатический дискурс, клишированные единицы, эмоционально-чувственный компонент значения, воплощенное познание, перцептивная метафора, прагматика перевода

Введение

В современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес к исследованию эмоциональной составляющей языка. Ранее эмоциональность рассматривалась как свойство экспрессивной, оценочной или разговорной лексики, в то время как официальные тексты (юридические, дипломатические, научные) оставались за пределами подобных исследований из-за предполагаемой нейтральности и шаблонности используемых в них языковых средств. Особое место в этом ряду

занимают клишированные единицы, которые нередко квалифицируются как «стертые», «мертвые» метафоры, утратившие свою образность и эмоциональную нагрузку в процессе частого употребления [Charteris-Black 2004: 45]. В настоящей работе под клишированными единицами понимаются устойчивые, регулярно воспроизводимые в определенных типах дискурса формулы, характеризующиеся высокой степенью стандартизации формы и предсказуемостью употребления. К ним относятся как отдельные лексемы (*pending*), так и устойчивые словосочетания и обороты (*with regard to, to fulfill in good faith*).

С развитием психолингвистического подхода к изучению значения слова правомерность данной категоризации вызывает сомнение. В работах А.А. Залевской [1999], Е.Ю. Мягковой [1990; 2000] и других исследователей доказывается, что значение слова как единицы индивидуального лексикона не сводится к сумме дискретных семантических компонентов, а представляет собой сложный процесс соотнесения языковой формы с результатом переработки когнитивного, аффективного и перцептивного опыта человека [Залевская 2012]. В рамках этого подхода эмоциональность понимается не как факультативное свойство ограниченного круга лексики, а как имманентная характеристика значения, присущая в той или иной степени каждому слову.

Е.Ю. Мягкова [2000] ввела и теоретически обосновала понятие эмоционально-чувственного компонента значения (ЭЧКЗ) – комплекса связанных со словом переживаний, интегрирующего три неразрывных слоя: когнитивный (понятийная основа), перцептивный (чувственно-образные основания, уходящие корнями в сенсорный и телесный опыт) и аффективно-оценочный (личностное отношение и эмоциональная окраска). Важнейшими характеристиками ЭЧКЗ являются его одновременная связь с социально-нормативным и индивидуальным знанием [Залевская 1999] и способность к актуализации в дискурсе.

В последние годы концепция воплощенного познания и нейронная теория языка [Lakoff 2008; Gallese, Succio 2018] получили дополнительное развитие в исследованиях языка. Результаты наглядно демонстрируют, что речевая деятельность неразрывно связана с сенсорно-моторными системами [Jones, Trott 2024; *Frontiers in Psychology* 2025]. Данные этих исследований подтверждают, что даже абстрактные языковые единицы активируют соответствующие перцептивные и моторные области мозга, что имеет принципиальное значение для понимания природы клишированных единиц дипломатического дискурса.

В настоящем исследовании используются материалы дипломатического дискурса – сферы, где клишированные единицы выполняют ключевую роль, обеспечивая стандартизацию и предсказуемость коммуникации. Дипломатический дискурс представляет собой показательный материал для данного исследования, поскольку, с одной стороны, он максимально формализован и ориентирован на нейтральность формулировок, а с другой – любое слово в нем может иметь критические последствия для международных отношений, что делает анализ его скрытого эмоционального потенциала особенно значимым.

Гипотеза исследования заключается в том, что даже максимально формализованные клише, регулярно воспроизводимые в текстах международных документов, сохраняют глубокий эмоционально-чувственный потенциал, который может актуализироваться в определенных контекстах и влиять на прагматику высказывания. Выявление этого

потенциала представляется значимым как для теории языка (понимания механизмов функционирования значения), так и для практики перевода и межкультурной коммуникации, особенно в свете современных исследований культурной специфики эмоциональных репрезентаций [Tsai, Clobert 2019; Lindquist et al. 2022].

Цель настоящей статьи – выявить и описать структуру эмоционально-чувственного компонента значения ряда клишированных фраз дипломатического дискурса, определив характер и специфику их скрытого аффективно-перцептивного потенциала в контексте современных теорий воплощенного познания.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили пять клишированных единиц, отобранных методом сплошной выборки из текстов международных договоров, резолюций ООН и дипломатической переписки: *pending, with regard to, to refrain from, to fulfill in good faith, harmonizing*. Общий объем проанализированных текстов составил приблизительно 150 000 слов / 45 документов, включая Vienna Convention on Diplomatic Relations (1961), UN Security Council Resolutions (2015–2025 гг.), G20 summit communiqués, официальные заявления МИД РФ, США, КНР, двусторонние меморандумы и дипломатические ноты. Выбор единиц обусловлен их высокой частотностью в дипломатическом дискурсе и принадлежностью к разным лексико-семантическим группам (обстоятельственные обороты, глагольные конструкции, причастия), что позволяет проследить вариативность эмоционально-чувственного наполнения.

Методологическую базу исследования составляет психолингвистический подход к анализу эмоционально-чувственного компонента значения, разработанный Е.Ю. Мягковой [1990; 2000], интегрированный с современными направлениями когнитивной лингвистики. В качестве основных методов анализа использовались:

1. Компонентный анализ с опорой на словарные дефиниции (Oxford English Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, дипломатические глоссарии ООН) для выявления когнитивного слоя значения.

2. Этимологический анализ с использованием Oxford English Dictionary Online и The Online Etymology Dictionary для реконструкции исходных перцептивных оснований лексических единиц.

3. Метафорический анализ в традиции когнитивной лингвистики [Lakoff, Johnson 1980; Kövecses 2020], дополненный психолингвистической трактовкой метафоры как средства изменения отношения к объекту [Мягкова 2000] и современным критическим метафорическим анализом [Charteris-Black 2004; Zibin, Solopova 2024].

4. Метод перцептивной реконструкции, позволяющий на основе выявленных образных оснований моделировать спектр потенциальных аффективных реакций с учетом данных исследований воплощенного познания [Gallese, Sinigaglia 2011; Cuccio, Gallese 2018].

5. Интерпретативный анализ дискурсивных контекстов для верификации актуализации выявленных компонентов в речевых ситуациях.

Процедура анализа опиралась на многолетний опыт изучения клишированных единиц и специфики их восприятия, отраженный в предыдущих работах автора [Толопило 2009, 2017а, 2017б, 2018а, 2018б, 2018с, 2019; Решетняк 2023, 2024, 2025]. Накопленная база наблюдений позволила сформировать теоретическую базу для отбора репрезентативного материала и выделения ключевых единиц, наиболее полно

отражающих исследуемые явления. Непосредственная процедура анализа включала следующие этапы:

Этап 1. Формирование корпуса дипломатических текстов (45 документов, 150 000 слов) и выделение методом сплошной выборки контекстов употребления целевых единиц.

Этап 2. Для каждой единицы проводился компонентный анализ словарных дефиниций с целью выделения когнитивного слоя (понятийного содержания).

Этап 3. Этимологический анализ для установления первичного перцептивного основания (сенсорно-моторного опыта, лежащего в основе семантической деривации).

Этап 4. Формулировка базовой перцептивной метафоры на основе этимологических данных и когнитивного содержания выбранных для анализа единиц.

Этап 5. Перцептивная реконструкция: моделирование потенциальных аффективных реакций, ассоциированных с данным телесным опытом (например, «зависание» → тревожность, неустойчивость).

Этап 6. Верификация через интерпретативный анализ контекстов использования в корпусе дипломатических текстов.

Исследование носит теоретический характер по изучению эмоционально-чувственного потенциала клишированной лексики в дипломатическом дискурсе, перспективной для корпусных исследований [Guo, Shen 2024].

Результаты исследования

Проведенный анализ позволил выявить структуру эмоционально-чувственного компонента значения для каждой из отобранных единиц. Результаты представлены в виде комплексных описаний, интегрирующих когнитивный, перцептивный и аффективно-оценочный слои.

Таблица №1

Структура эмоционально-чувственного компонента значения клишированных единиц дипломатического дискурса

Клишированная единица	когнитивный слой	Перцептивное основание	Доминирующая модальность	Базовая метафора	Ключевые эмоции/оценки	Прагматический эффект
pending	временная незавершенность, процессуальность («ожидающий решения», «на рассмотрении»)	тактильно-кинестетическое: ощущение подвешенности, отсутствия опоры	тактильно-кинестетическая	зависание, отсутствие опоры	тревожность, напряжение, неустойчивость	создание атмосферы нестабильности и ожидания
with regard to	тематический маркер («относительно», «касательно»)	пространственно-визуальное: направленность взгляда	визуальная	направленность взгляда/внимания	аналитическая дистанция, легитимация объекта	установление субъект-объектной иерархии
to refrain from	сознательный акт несовершения действия, самоконтроль	кинестетическо-мышечное: физическое сдерживание, натяжение узды	кинестетическая	сдерживание силы, обуздывание	напряжение, подавление импульса, конфликтность	импликация наличия подавляемой агрессии или конфликта

to fulfill in good faith	принцип добросовестности («выполнять добросовестно»)	многокомпонентное: наполнение емкости + опора/ твердость	тактильно-кинестетическая	наполнение + надежная опора	полнота, завершенность, доверие, амбивалентность (скрытое обвинение)	усиление убедительности или скрытое требование
harmonizing	достижение согласованности, баланса («гармонизация»)	слуховое/ музыкальное: благозвучие, отсутствие диссонанса	слуховая/ музыкальная	музыкальная гармония	красота, порядок, успокоение, позитивность	эстетизация переговоров, легитимация компромисса как «красивого» решения, снижение конфликтности

Таблица №1 демонстрирует системную организацию ЭЧКЗ исследованных единиц, выявляя закономерности соответствия между когнитивным содержанием, перцептивным основанием и аффективно-оценочными характеристиками. Как видно из таблицы, все единицы, несмотря на формальную нейтральность, сохраняют ярко выраженное перцептивное основание, что подтверждает гипотезу о скрытом эмоционально-чувственном потенциале клишированных единиц дипломатического дискурса.

1. Pending

Когнитивный слой: «ожидающий решения», «находящийся на рассмотрении», «до наступления». Значение фиксирует временную незавершенность и процессуальность.

Перцептивное основание: тактильно-кинестетическое. Этимология восходит к лат. *pendere* «висеть, свешиваться». Базовая метафора – зависание, отсутствие опоры. Это телесный опыт нахождения в подвешенном состоянии, чреватого падением и требующего разрешения. *Pending the outcome of the negotiations, both parties agree to maintain the status quo* (UN Document S/2023/456). В данном контексте перцептивный образ «зависания» усиливается семантикой «status quo», создавая ощущение статичной неустойчивости.

Аффективно-оценочный слой: перцептивный образ генерирует отрицательный эмоциональный спектр, включающий тревожность (неопределенность исхода), напряжение (ожидание разрядки) и неустойчивость

В дипломатическом контексте (*pending negotiations, pending approval*) клише имплицитно не просто хронологическую отсрочку, но психологическую атмосферу нестабильности и ожидания, что способно влиять на восприятие всего высказывания. Согласно данным культурной нейронауки [Tsai, Clobert 2019], реакция на неопределенность в разных культурных и языковых сообществах интерпретируется и переживается по-разному: от тревожно-избегающей реакции до более спокойного и рефлексивного состояния принятия. Иными словами, различаются не только интенсивность переживания, но и сам тип регуляции.

2. With regard to

Когнитивный слой: «относительно», «касательно». Выполняет функцию тематического маркера, указывая на предмет обсуждения.

Перцептивное основание: пространственно-визуальное. Корневая метафора – направленность взгляда/внимания (*regard* от ст.-фр. *regarder* ‘смотреть, глядеть’). Мысль или высказывание субъекта уподобляется взору, обращенному на объект.

Аффективно-оценочный слой: при внешней нейтральности клише фиксирует акт выделения объекта из фона, его удостаивания вниманием. Это имплицитно фиксирует субъект-объектную иерархию (тот, кто «взирает», занимает активную, аналитическую позицию).

Перцептивный образ «рассматривания» придает даже рутинному упоминанию оттенок аналитической дистанции и легитимирует объект как достойный обсуждения.

В контексте мультимодального дискурса [Forceville 2009; Dancygier, Vandelanotte 2024] подобные метафоры направленности могут реализовываться не только вербально, но и через визуальные средства коммуникации.

3. *To refrain from*

Когнитивный слой: «воздерживаться от», «не совершать». Обозначает сознательный акт несовершенства действия, самоконтроль.

Перцептивное основание: кинестетическо-мышечное. Этимология (*refrain* от лат. *refrenare* ‘сдерживать уздой, обуздывать’) актуализирует образ физического сдерживания импульса, натяжения узды. Это телесный опыт остановки начавшегося движения, требующий мышечного усилия.

Аффективно-оценочный слой: клише описывает не просто отсутствие действия, а подавление потенциальной активности. Это имплицитно фиксирует наличие конфликтного или соблазнительного импульса, который естественно было бы реализовать, но субъект вынужден его подавлять.

В дипломатическом контексте (*to refrain from the use of force*) единица несет мощный аффективный заряд, превращая юридическую норму в образ сдерживаемой силы, подавляемой агрессии, что создает психологически напряженный подтекст. Исследования в рамках теории преднамеренной метафоры [Steen 2023] показывают, что подобные метафоры могут использоваться стратегически для усиления эмоционального воздействия.

4. *To fulfill in good faith*

Когнитивный слой: «выполнять добросовестно». Фиксирует юридический принцип добросовестности, предполагающий честность и отсутствие намерения уклониться от обязательств.

Перцептивное основание: многокомпонентное. *Fulfill* (от др.-англ. *fyllan* ‘наполнять’) актуализирует образ емкости, которую необходимо заполнить действием до краев. *In good faith* (лат. *fidere* ‘доверять, полагаться’) отсылает к тактильно-кинестетическому опыту опоры, твердости почвы, надежности.

Аффективно-оценочный слой: клише генерирует образ полноты, завершенности и надежности. Однако его идеальность и нормативность в реальной дипломатической практике создают амбивалентный оценочный фон. Употребление единицы скрытно активизирует противоположный образ (недобросовестности, пустоты), выступая либо как гарантия (если речь идет о себе), либо как скрытое обвинение или требование (если речь идет о другом).

Корпусные исследования дипломатического дискурса [Guo, Shen 2024] подтверждают высокую частотность подобных оценочных метафор в китайском дипломатическом дискурсе, что свидетельствует об их универсальной прагматической

функции. Особенно значим тот факт, что формула *in good faith* встречается преимущественно в двух прагматических контекстах:

(1) как декларация собственных намерений (*The Government undertakes to fulfill its obligations in good faith*), где она выполняет функцию самолегитимации;

(2) как призыв или скрытое обвинение в адрес другой стороны (*urges all parties to fulfill their commitments in good faith*), где актуализируется имплицитное сомнение в добросовестности адресата. Эта прагматическая двойственность делает клише инструментом дипломатической игры, где под маской универсальной нормы скрывается оценочное суждение.

5. Harmonizing

Когнитивный слой: «гармонизация», «согласование», «приведение в соответствие». Процесс достижения согласованности и баланса.

Перцептивное основание: слуховое/музыкальное. Прямое обращение к опыту восприятия музыки (греч. *harmonia* 'связь, стройность, соразмерность'). Это переживание благозвучия, сочетания тонов в аккорде, отсутствия диссонанса.

Аффективно-оценочный слой: исключительно позитивная валентность. Образ музыкальной гармонии эмоционально заряжен переживаниями красоты, порядка, успокоения. В политическом дискурсе (*harmonizing interests, harmonizing legislation*) клише вызывает положительную оценку, связанную с культурно закрепленным образом гармонии как порядка, согласованности и отсутствия конфликта. Однако эта оценка не сводится к прямой эмоции, а возникает в результате интерпретации значения слова в индивидуальном и культурном опыте адресата [Мягкова 2000]. В результате неоднозначный процесс согласования «перетекает» в плоскость эстетического переживания. Сложные, потенциально конфликтные переговоры предстают как творческий акт достижения «красивого» решения.

В условиях современного мультимодального политического дискурса [Meleshchenko 2024] подобные метафоры могут усиливаться визуальными и аудиальными средствами.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Наличие скрытого ЭЧКЗ. Все исследованные клишированные единицы, несмотря на свою формализованность и принадлежность к стандартизированному дипломатическому дискурсу, обладают отчетливым эмоционально-чувственным потенциалом (см. Таблицу №1). Они не являются «мертвыми», полностью десемантизированными образованиями, а сохраняют глубинную связь с перцептивным опытом, что подтверждает теоретическое положение о всеобщности ЭЧКЗ и находит поддержку в данных воплощенного познания [Gallese, Succio 2018].

2. Роль перцептивного основания. Ключевым слоем, генерирующим аффективную окраску, выступает перцептивный слой. Образы «зависания» (*pending*), «сдерживания» (*refrain*), «наполнения» (*fulfill*), «взирания» (*regard*) и «звучания» (*harmonizing*) переводят рациональное предписание в плоскость телесно переживаемого состояния, обеспечивая психологическую достоверность и воздействующую силу даже максимально формализованных единиц. Это согласуется с нейронной теорией языка [Lakoff 2008], согласно которой абстрактное мышление базируется на сенсорно-моторных структурах.

3. Эмоционально-чувственный потенциал клише разнообразен и в редких случаях амбивалентен (Таблица №1, колонка «Ключевые эмоции/оценки»). В зависимости от контекста и интенции говорящего, одна и та же единица может актуализировать различные оттенки – от нейтрально-позитивных (*harmonizing*) до тревожных (*pending*) или имплицитно обвинительных (*good faith*). Эта вариативность подтверждает тезис о процессуальном характере значения и его зависимости от дискурсивной реализации, а также находит подтверждение в исследованиях культурной вариативности эмоциональных концептов [Lindquist et al. 2022].

4. Прагматический потенциал. Выявленный эмоционально-чувственный компонент непосредственно влияет на прагматику дипломатического текста (Таблица №1, колонка «Прагматический эффект»). Он либо усиливает его убедительность и «вес» (*fulfill, harmonizing*), либо создает атмосферу напряженного ожидания (*pending*), либо имплицитно указывает на наличие конфликтного потенциала (*refrain*). Игнорирование этого компонента при переводе или анализе ведет к утрате значимых смысловых и воздействующих нюансов, что особенно актуально в свете современных исследований стратегий перевода дипломатических метафор [Zibin, Solopova 2024; Guo, Shen 2024]. Для практики перевода это означает, что адекватность передачи клишированных единиц не может быть достигнута путем механической подстановки формальных эквивалентов. Переводчик должен учитывать перцептивные основания исходной единицы и стремиться к воспроизведению ее аффективного потенциала средствами языка перевода, что особенно критично при переводе с языков с различными культурными конвенциями выражения эмоций.

5. Перцептивно-модальная типология клише. Результаты проведенного анализа над выбранными клише свидетельствуют о тенденции к преобладанию тактильно-кинестетической (*pending, to refrain from, to fulfill*) и визуально-пространственной (*with regard to*) модальности над слуховой (*harmonizing*). Они могут послужить обоснованием для разработки типологии клише международной деловой коммуникации, основанной на доминирующей перцептивной модальности.

Заключение

Данное исследование демонстрирует эвристическую ценность психолингвистического подхода к анализу, казалось бы, «нейтральных» и «стертых» единиц языка в сочетании с современными достижениями когнитивной лингвистики и критического метафорического анализа. Применение концепции эмоционально-чувственного компонента значения Е.Ю. Мягковой позволяет раскрыть глубинные слои значения, уходящие корнями в универсальный телесный и чувственный опыт человека, что находит подтверждение в данных нейронауки о роли сенсорно-моторных систем в языковой деятельности [Gallese, Cuccio 2018; Borghi et al. 2019].

Систематизация результатов в Таблице №1 наглядно демонстрирует, что клишированные единицы дипломатического дискурса не являются формальными, лишенными эмоциональности конструктами, а представляют собой сложные знаки, сохраняющие скрытый прагматический потенциал, способный актуализироваться в коммуникации. В условиях современного политического дискурса, характеризующегося повышенной эмоционализацией и мультимодальностью [Dancygier, Vandelanotte 2024; Meleshchenko 2024], понимание этих механизмов приобретает особую актуальность.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса анализируемых единиц с применением методов корпусной лингвистики [Guo, Shen 2024], привлечении данных ассоциативных экспериментов и нейровизуализации для верификации выявленных эмоционально-чувственных компонентов в сознании носителей языка, а также в сопоставительном анализе клишированной лексики в разных языках и типах дискурса с учетом культурной специфики эмоциональных репрезентаций [Tsai, Clobert 2019; Kitayama, Salvador 2023]. Особый интерес представляет изучение роли ЭЧКЗ в процессе перевода, где игнорирование скрытых аффективно-перцептивных слоев может приводить к коммуникативным сбоям и утрате воздействующего потенциала исходного текста, особенно в контексте дипломатической коммуникации, где точность интерпретации имеет критическое значение [Yuan 2023].

© Решетняк М.В., 2026

Литература

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 175 с.

Залевская А.А. Значение слова в индивидуальном лексиконе // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2012. Т. 3. С. 479–493.

Машко А.В., Мелекесова М.А., Толопило М.В. Региональный компонент как лингвокультурологический и психолингвистический аспект восприятия информации при переводе официальных документов на примере Устава ООН // *Colloquium-Journal*. 2019. № 25-5(49). С. 31–33.

Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 110 с.

Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 215 с.

Решетняк М.В. Клише как гештальт-структуры // *Российский лингвистический бюллетень*. 2023. № 6(42).

Решетняк М.В. Эмоциональная валентность клишированных фраз деловой коммуникации // *Коммуникационный вектор – 2024: материалы третьего Всероссийского симпозиума. Сборник статей*. Москва, 2024. С. 173–181.

Решетняк М.В. Деятельностный подход в переводе нехудожественного текста, содержащего клише международной деловой коммуникации // *Казанская наука*. 2025. № 7. С. 517–520.

Толопило М.В. Проблема корректного перевода научно-технических текстов // *Актуальные проблемы подготовки профессионалов XXI века в условиях гуманизации образования: материалы второй городской научно-практической конференции*. 2009. С. 73–77.

Толопило М.В. Воздействие агрессивно-направленной информации на человеческую способность обрабатывать и анализировать поток данных с точки зрения психолингвистики // *Вестник Академии энциклопедических наук*. 2017а. № 4(29). С. 33–38.

Толопило М.В. Дифференцированное восприятие информации и проблемы перевода // *Гуманитарный трактат*. 2017б. № 6(6). С. 9.

Толопило М.В. Психолингвистический аспект передачи информации клишированными фразами // Русский язык в глобальном и локальном измерениях: сборник статей Международной научной конференции, посвящённой юбилею доктора филологических наук, профессора Н.А. Дворяшиной. 2018а. С. 69–75.

Толопило М.В. Восприятие информации посредством клишированных фраз: историко-философский подход // Филология: научные исследования. 2018b. № 3. С. 237–243.

Толопило М.В. Психолингвистические функции клише: текстоформирующий и чувствообразующий фактор перевода // Вестник Марийского государственного университета. 2018с. Т. 12. № 4(32). С. 151–156.

Borghi A.M., Barca L., Binkofski F., Tummolini L. Words as social tools: language, sociality and inner grounding in abstract concepts // *Physics of Life Reviews*. 2019. Vol. 29. P. 54–105. <https://doi.org/10.1016/j.plrev.2018.12.001> (дата обращения: 02.03.2026).

Charteris-Black J. Corpus approaches to critical metaphor analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 188 p.

Cuccio V., Gallese V. A Peircean account of concepts: grounding abstraction in phylogeny through a comparative neuroscientific perspective // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2018. Vol. 373, № 1752. <https://doi.org/10.1098/rstb.2017.0128> (дата обращения: 02.03.2026).

Dancygier B., Vandelanotte L. Embodiment and simulated interaction in online stance expression // *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1479825> (дата обращения: 02.03.2026).

Forceville C. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: agendas for research // *Multimodal metaphor* / eds. C. Forceville, E. Urios-Aparisi. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 19–42.

Frontiers in Psychology. Research topic: Rethinking the embodiment of language: challenges and future horizons. 2025. URL: <https://www.frontiersin.org/research-topics/69226/> (дата обращения: 02.03.2026).

Gallese V., Cuccio V. The neural exploitation hypothesis and its implications for an embodied approach to language and cognition: insights from the study of action verbs processing and motor disorders in Parkinson's disease // *Cortex*. 2018. Vol. 100. P. 215–225. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2018.01.010> (дата обращения: 02.03.2026).

Gallese V., Sinigaglia C. What is so special about embodied simulation? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2011. Vol. 15, № 11. P. 512–519. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2011.09.003> (дата обращения: 02.03.2026).

Guo Z., Shen S. A corpus-based study on metaphorical modes of China's diplomatic discourse and corresponding French translation strategies // *Advances in Education, Humanities and Social Science Research*. 2024. Vol. 12. <https://doi.org/10.56028/aehssr.12.1.452> (дата обращения: 02.03.2026).

Jones C.R., Trott S. Multimodal language models show evidence of embodied simulation // *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024)*. Torino, 2024. P. 11928–11933.

Kitayama S., Salvador C.E. Culture embrained: going beyond the nature-nurture dichotomy // *Perspectives on Psychological Science*. 2023. Vol. 12, № 5. P. 841–854. <https://doi.org/10.1177/1745691617707318>

Kövecses Z. Extended conceptual metaphor theory // Cambridge handbook of cognitive linguistics / ed. by B. Dancygier. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 523–538.

Lakoff G. The neural theory of metaphor // The Cambridge handbook of metaphor and thought / ed. by R.W. Gibbs Jr. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 17–38.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Lindquist K.A., Jackson J.C., Leshin J., Satpute A.B., Gendron M. The cultural evolution of emotion // Nature Reviews Psychology. 2022. Vol. 1. P. 669–681. <https://doi.org/10.1038/s44159-022-00084-0> (дата обращения: 02.03.2026).

Meleshchenko O. Multimodal metaphonymy in internet memes: a response to Donald Trump's mug shot on X (formerly Twitter) as a case study // Cognition. Communication. Discourse. 2024. Vol. 28. P. 78–90. <https://doi.org/10.26565/2218-2926-2024-28-05> (дата обращения: 02.03.2026).

Steen G. Thinking by metaphor, fast and slow: Deliberate Metaphor Theory offers a new model for metaphor and its comprehension // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1124766> (дата обращения: 02.03.2026).

Tsai J.L., Clobert M. Cultural variations in emotions: a review // Handbook of emotions / eds. L.F. Barrett, M. Lewis, J.M. Haviland-Jones. 4th ed. New York: Guilford Press, 2019. P. 134–148.

Yuan X. Emotion in intercultural communication: a sociocultural model // Studies in Media and Communication. 2023. Vol. 11, № 1. P. 104–115. <https://doi.org/10.11114/smc.v11i1.5765> (дата обращения: 02.03.2026).

Zibin A., Solopova V.A. Metaphor in political discourse: a cross-cultural perspective // Journal of Language and Politics. 2024. Vol. 23, № 2. P. 245–267. <https://doi.org/10.1075/jlp.22014.zib> (дата обращения: 02.03.2026).

Сведения об авторе:

Решетняк Марина Владимировна – старший преподаватель Высшей школы гуманитарных наук Югорского государственного университета

Контактная информация:

628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16

ORCID: 0000-0003-4525-3370

e-mail: mtolopilo@gmail.com

Для цитирования:

Решетняк М.В. Эмоционально-чувственный потенциал клишированных единиц дипломатического дискурса: психолингвистический анализ. // Вопросы психолингвистики. 2026. №1(67). С. 93–104, doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-93-104

UDC 81'23:81'373

LBC 81.373.42

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-93-104

Research article

EMOTIONAL-SENSORY POTENTIAL OF CLICHÉ IN DIPLOMATIC DISCOURSE: A PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS

Marina V. Reshetnyak

Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract

The article analyzes the emotional-sensory component of the cliché meaning in modern diplomatic discourse. The material comprises five high-frequency clichés selected through continuous sampling from the international treaties, UN Resolutions and diplomatic correspondence: *pending*, *with regard to*, *to refrain from*, *to fulfill in good faith*, *harmonizing*. The subject of the study is the emotional-sensory component of the selected units' meaning structure including cognitive, perceptual, and affective-evaluative layers. The aim of the work is to identify and describe this structure in order to determine the nature of the implicit affective-perceptual potential of these units within the framework of contemporary theories of embodied mind. The methodological framework consists of the psycholinguistic approach developed by E. Y. Myagkova, combined with etymological and metaphor analysis, perceptual reconstruction, and interpretative analysis of discursive contexts. The findings demonstrate that all the clichés examined, despite their formulaic nature, retain a connection with bodily and sensory experience: *pending* evokes a tactile-kinesthetic image of suspension, *with regard to* creates a visual image of gaze direction, *to refrain from* activates a kinesthetic image of curbing, *to fulfill in good faith* generates an image of filling and support, and *harmonizing* produces an auditory image of musical harmony. Thus, the study shows that the identified perceptual grounding generates an ambivalent affective spectrum (from anxiety to positive evaluation) and endows the clichés with implicit pragmatic potential relevant for translation and intercultural communication.

Keywords: psycholinguistics, diplomatic discourse, language clichéd units, emotional-sensory component of meaning, embodied mind, perceptual metaphor, pragmatics of translation

© Reshetnyak M.V., 2026

Bionotes:

Marina V. Reshetnyak – Senior Lecturer at the Higher School of Humanities of Yugra State University

Contact information:

16, Chekhova str., Khanty-Mansiysk, Russia, 628012

ORCID: 0000-0003-4525-3370

e-mail: mtolopilo@gmail.com

For citation:

Reshetnyak M.V. Emotional-sensory potential of cliché in diplomatic discourse: A psycholinguistic analysis // Journal of Psycholinguistics. 1(67), 2026. P. 93–104. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-93-104 (In Russian)

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 159.9

ББК 88.2

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-105-127

Научная статья

БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ И НОВАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА: РАСШИРЕНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ¹

Воронин Анатолий Николаевич

Московский государственный лингвистический университет, Москва, РФ

Палёнова Виолетта Викторовна

Московский государственный лингвистический университет, Москва, РФ

Аннотация

В статье анализируется расширение проблемного поля психолингвистики при исследовании коммуникативной среды, опосредованной большими языковыми моделями (LLM). Показано, что распространение LLM не требует пересмотра базовых теоретических оснований дисциплины, однако изменяет эмпирический контекст исследования речевой деятельности. Рассматриваются особенности взаимодействия пользователя с генеративной языковой системой и их значение для анализа интерактивного порождения текста. Обосновывается смещение исследовательского фокуса от изолированного текстового продукта к динамике его поэтапного формирования в условиях технологического опосредования. Определяются направления исследований, значимые в условиях взаимодействия человека с генеративными языковыми системами: восприятие LLM-сгенерированных текстов; калибровка доверия и стратегии проверки информации; перераспределение когнитивных усилий; метакогнитивный контроль; диалогическая динамика; формирование новых коммуникативных норм взаимодействия, опосредованных искусственным интеллектом. Делается вывод о том, что исследование данной коммуникативной конфигурации расширяет эмпирические и методологические возможности психолингвистики без утраты ее теоретической преемственности.

Ключевые слова: психолингвистика, большие языковые модели, коммуникативная среда, опосредованная речевая деятельность, метакогнитивный контроль, доверие к генеративным системам

Введение

В последние годы большие языковые модели (Large Language Models, LLM) стали одним из наиболее заметных технологических факторов, трансформирующих современную коммуникативную среду. Архитектура трансформеров [Vaswanietal 2017] и последующее масштабирование языковых моделей [Brown et al. 2020; Kaplan et al. 2020; Hoffmann et al. 2022] привели к созданию систем, способных генерировать связные развернутые тексты, поддерживать диалог и демонстрировать устойчивость к широкому спектру языковых задач. Концепция базовых моделей искусственного интеллекта (foundation models of artificial intelligence) [Bommasani et al. 2021]

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России "Интегральная оценка когнитивных и эмоциональных ресурсов участников интернет-коммуникаций на родном и иностранном языке", регистрационный номер НИОКТР 125090210031-6.

зафиксировала переход от узкоспециализированных алгоритмов к универсальным языковым платформам, применимым в различных институциональных и повседневных контекстах – от образования до профессиональной аналитики.

Распространение LLM происходит стремительно и затрагивает разнообразные сферы социальной практики. Генеративные системы используются при подготовке учебных материалов, написании академических текстов, автоматизации деловой переписки, переводе, программировании и поиске информации. В отличие от ранних этапов автоматизированной обработки языка, ориентированных преимущественно на классификацию или извлечение данных, современные модели выступают как активные участники текстопорождения: они не только анализируют входной текст, но и формируют новые связные высказывания, воспринимаемые пользователем как логически организованные и завершенные [Brown et al. 2020; Open AI 2023]. Технологической основой таких систем является вероятностное предсказание последовательностей, реализуемое в условиях масштабного обучения [Kaplan et al. 2020; Hoffmann et al. 2022].

В научной литературе активно анализируются когнитивные и социальные последствия использования генеративных моделей [Floridi & Chiriatti 2020; Bender et al. 2021; Weidinger et al. 2021]. Подчеркивается, что взаимодействие с LLM формирует новые формы опосредованной речевой деятельности, в которых человек и алгоритмическая система совместно участвуют в создании текста. Особое значение имеет то обстоятельство, что впервые массовый пользователь получает доступ к системе, способной в диалоговом режиме генерировать связные тексты практически в реальном времени. В отличие от цифровых инструментов, обеспечивавших преимущественно хранение, передачу и поиск информации, современные языковые модели включаются в сам процесс текстопорождения. Пользователь формулирует запрос, уточняет его, корректирует ответ и интегрирует сгенерированный материал в собственное высказывание, в результате чего производство текста приобретает характер взаимодействия, а не исключительно индивидуального когнитивного акта. С психолингвистической точки зрения это меняет эмпирический контекст исследования. Традиционно дисциплина фокусировалась на механизмах понимания и порождения речи, анализе синтаксической сложности, ресурсных ограничениях и стратегиях интерпретации [Fodor et al. 1974; Just & Carpenter 1992; Gibson 1998]. Даже в вычислительном моделировании язык рассматривался преимущественно как объект формализации или имитации когнитивных процессов, а не как среда взаимодействия человека и автономной генеративной системы [Woods 1970; Rumelhart & McClelland 1986].

В настоящее время речевая деятельность все чаще разворачивается в диалоге с LLM, способной самостоятельно формировать содержательные текстовые ответы. В более широком когнитивном контексте данная трансформация соотносится с исследованиями распределенного и расширенного познания [Hutchins 1995; Clark & Chalmers 1998; Heersmink 2021], а также с работами о когнитивной разгрузке и перераспределении усилий при использовании внешних информационных ресурсов [Sparrow et al. 2011; Risko & Gilbert 2016]. Хотя LLM существенно отличаются от традиционных поисковых инструментов, их применение также связано с перераспределением когнитивных операций и изменением стратегий работы с информацией. Это требует анализа того, каким образом присутствие

генеративной системы влияет на процессы понимания, оценки и последующей переработки текста. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть, какие аспекты психолингвистической проблематики получают дополнительное значение в условиях распространения больших языковых моделей. Соответственно целью статьи является анализ изменений исследовательской оптики психолингвистики в новой коммуникативной среде и выявление тех направлений и методологических возможностей, которые актуализируются в ситуации взаимодействия человека с интеллектуальными генеративными языковыми системами.

1. Большие языковые модели как ключевой фактор новой языковой среды

1.1. Принципы функционирования больших языковых моделей

Чтобы рассматривать большие языковые модели как фактор современной коммуникативной среды, необходимо кратко обозначить принципы их функционирования в той мере, в какой они определяют характер генерируемого текста и условия взаимодействия с пользователем. Современные LLM основаны на архитектуре трансформеров, в которой центральным механизмом выступает внутреннее внимание (self-attention), обеспечивающее моделирование зависимостей между элементами последовательности на разных дистанциях и формирование контекстно согласованного продолжения текста [Vaswani et al. 2017; Rogers et al. 2020]. В прикладном отношении это означает, что модель порождает ответ как вероятностное продолжение входной последовательности, опираясь на статистические закономерности, усвоенные в процессе обучения. Базовая функция LLM формулируется как предсказание следующего токена при заданном контексте. Несмотря на сложную внутреннюю организацию и многоуровневые представления, работа модели направлена на оптимизацию вероятностного соответствия между контекстом и продолжением [Brown et al. 2020; Bommasani et al. 2021]. При этом в архитектуре отсутствуют специализированные компоненты, соответствующие психологическим категориям «понимания», «намерения» или «проверки истинности»; система генерирует лингвистически правдоподобные высказывания без апелляции к внутренним убеждениям или целям в человеческом смысле, что подчеркивается в современных философско-аналитических обсуждениях природы LLM [Bender et al. 2021; Shanahan 2023].

Для психолингвистического анализа принципиально важно, что вероятностная природа генерации и эффекты масштабирования формируют новый тип языкового объекта. Тексты, создаваемые системой, могут быть связными и жанрово адекватными, однако их организация отражает статистическую оптимизацию относительно обучающих данных и текущего контекста. Это создает условия для специфических эффектов взаимодействия, включая устойчивое впечатление осмысленности при отсутствии коммуникативной интенции, а также высокую чувствительность результата к формулировке запроса и локальной структуре контекста [Weidinger et al. 2021; Bender et al. 2021]. Тем самым уже на уровне принципов функционирования LLM задаются предпосылки для тех психолингвистических эффектов, которые проявляются в интерактивной коммуникации.

1.2. Большие языковые модели как интерактивные генераторы текста

Принципы функционирования больших языковых моделей определяют не только характер генерируемого текста, но и форму взаимодействия пользователя

с системой. В отличие от традиционных инструментов автоматической обработки языка, ориентированных на выполнение отдельных задач, современные LLM функционируют как интерактивные генераторы текста, встроенные в диалоговый процесс [Radford et al. 2019; Open AI 2023]. Ответ формируется с учетом текущего запроса и предшествующего контекста взаимодействия, что придает коммуникации последовательный и кумулятивный характер.

Диалоговый формат означает, что текст не существует как завершенный продукт до начала коммуникации: он возникает поэтапно в ходе чередования реплик пользователя и ответов системы. Каждый новый ответ становится частью контекста, влияющего на последующую генерацию, а итоговый результат определяется всей траекторией взаимодействия, а не только исходным запросом. Такая процессуальность отличает работу с LLM от обращения к статическим текстовым ресурсам. С технической точки зрения учет предыдущих ходов обеспечивается представлением диалога как единой последовательности токенов, внутри которой модель прогнозирует вероятностное продолжение [Vaswani et al. 2017; Rogers et al. 2020]. Однако для психолингвистического анализа существеннее коммуникативные последствия этого механизма: пользователь воспринимает ответы как элементы разворачивающегося диалога, ожидая тематической согласованности и релевантности предыдущим шагам. В результате LLM начинают функционировать как особый тип языкового партнера – не обладающего собственными коммуникативными намерениями, но способного реагировать на уточнения, изменения формулировки и жанровые требования. Текст в таких условиях перестает быть исключительно продуктом индивидуальной когнитивной деятельности и становится результатом взаимодействия человека с вероятностной генеративной системой [Bender et al. 2021; Open AI 2023]. Тем самым LLM выступают элементом новой языковой среды, в которой текст формируется интерактивно и кумулятивно, что задает специфические условия для анализа процессов понимания и переработки речевой информации.

1.3. Многошаговая генерация и интерпретация «рассуждений»

Одной из характерных особенностей взаимодействия с LLM является способность модели порождать развернутые ответы, организованные в виде последовательности промежуточных шагов. При решении логических или объяснительных задач такие ответы оформляются как поэтапное изложение с явными переходами между условиями и выводами. Хотя подобная структура часто интерпретируется пользователями как проявление «рассуждения», технически она может быть результатом вероятностной генерации текста, стимулированной соответствующей формулировкой запроса [Wei et al. 2022].

Для психолингвистического анализа существенна не внутренняя процедура генерации, а эффекты восприятия многошаговых ответов. Поэтапная организация повышает когнитивную прозрачность текста: промежуточные связи становятся эксплицитными, что облегчает отслеживание аргументативной структуры и создает ощущение логической последовательности. Такая форма может повышать беглость переработки (processing fluency) и тем самым способствовать восприятию ответа как более обоснованного и надежного [Bubeck et al. 2023]. Интерпретация текста как «рассуждения» возникает в рамках коммуникативной ситуации: пользователь соотносит его структуру с привычными схемами объяснения и аргументации [Pickering & Garrod 2013].

Тем самым многошаговая генерация выступает не как свидетельство наличия у системы собственных когнитивных операций, а как особый тип текстового продукта, вызывающий специфические эффекты понимания и оценки. Анализ этих эффектов позволяет рассматривать «рассуждение» в ответах LLM как результат взаимодействия вероятностной генерации и интерпретационных стратегий пользователя, а не как внутреннее свойство модели. В более широком контексте это подготавливает переход к рассмотрению гибридных архитектур, сочетающих генерацию текста с внешними источниками информации [Lewis et al. 2020].

1.4. Интеграция генерации и поиска информации

Современные большие языковые модели функционируют не как изолированные системы генерации текста, а как элементы более сложных архитектур, в которых генерация сочетается с обращением к внешним источникам информации [Bommasani et al. 2021; Lewis et al. 2020]. В таких конфигурациях модель опирается не только на статистические закономерности, усвоенные в процессе обучения, но и на актуальные данные, извлекаемые из документов или баз знаний, что расширяет ее функциональные возможности [Open AI 2023]. В результате текст ответа формируется на стыке двух процессов – извлечения релевантной информации и ее последующей языковой переработки. Для пользователя граница между «найденным» и «сгенерированным» часто оказывается неочевидной: ответ воспринимается как единое связное высказывание, независимо от источника его компонентов [Weidinger et al. 2021]. Это усиливает впечатление целостности и авторитетности текста, одновременно усложняя оценку его происхождения и степени достоверности.

С психологической точки зрения пользователь взаимодействует не с набором источников, а с уже интерпретированным и структурированным текстом, где операции отбора и обобщения выполнены системой. Это смещает когнитивные усилия от поиска и сопоставления данных к оценке готового продукта и принятию решения о его использовании. При этом интеграция поиска не устраняет вероятностную природу генерации: даже при опоре на внешние данные итоговый текст формируется в рамках контекстно-зависимой процедуры предсказания [Bender et al. 2021]. Тем самым пользователь сталкивается с гибридным языковым объектом, сочетающим признаки справочной информации и сгенерированного высказывания. Анализ такой конфигурации позволяет рассматривать LLM как элементы языковой среды, опосредующие доступ к знаниям и трансформирующие способы организации речевой деятельности.

1.5. Большие языковые модели как элемент опосредованной речевой деятельности

Рассмотренные особенности функционирования LLM позволяют перейти от описания их «технических» характеристик к анализу их роли в речевой деятельности человека. Взаимодействие с моделью приобретает характер опосредованной деятельности, в которой формирование текста осуществляется в результате последовательных итераций между пользователем и интеллектуальной системой. Пользователь задает коммуникативную задачу, определяет ограничения и оценивает результат, тогда как модель генерирует текстовые варианты, соответствующие текущему контексту [Bommasani et al. 2021; Open AI 2023]. Такой формат взаимодействия приводит к перераспределению функций между внутренними когнитивными процессами и внешней языковой поддержкой. Часть операций

по формулировке и структурированию текста может быть делегирована системе, тогда как целеполагание, смысловая оценка и контроль остаются за пользователем. Эмпирические исследования взаимодействия человека и LLM показывают, что итоговое высказывание формируется в ходе серии уточнений, генераций и редактирования, а не как результат однократного акта порождения [Hwang et al. 2025; Dhillon et al. 2024]. Коммуникация при этом носит динамический характер: каждый ответ модели становится элементом контекста, влияющим на дальнейшую траекторию взаимодействия. В результате объект психолингвистического анализа смещается от изолированного текста к последовательности взаимодействий, в рамках которых высказывание постепенно конструируется. Модель не выступает самостоятельным субъектом коммуникации, однако становится активным элементом языковой среды, влияющим на структуру и организацию речевой деятельности [Bender et al. 2021].

Таким образом, LLM можно рассматривать как новые средства опосредования речи, изменяющие способы порождения и переработки текста. Их включение в коммуникацию не отменяет классических представлений о механизмах языковой обработки, но создает дополнительные уровни регуляции и распределения функций, становящиеся значимым объектом психолингвистического анализа. В этих условиях исследовательский фокус смещается к тем аспектам взаимодействия, которые приобретают особую значимость в языковой среде, опосредованной искусственным интеллектом (AI): особенностям восприятия сгенерированных текстов, динамике доверия и проверки информации, перераспределению когнитивных усилий, метакогнитивному контролю и диалогической организации взаимодействия. Рассмотрение этих направлений позволяет очертить области, в которых использование больших языковых моделей расширяет проблемное поле психолингвистики.

2. Расширение исследовательского поля психолингвистики

2.1. Восприятие текста, созданного генеративной системой

Распространение больших языковых моделей приводит к появлению особого типа текстов, восприятие которых не полностью укладывается в традиционные психолингвистические представления о понимании письменной речи [Bender et al. 2021]. В отличие от текстов, создаваемых человеком, такие высказывания не имеют очевидного человеческого автора, что изменяет исходные интерпретационные установки читателя. Пользователь сталкивается с текстом, обладающим формальными признаками связности, жанровой оформленности и стилистической адекватности, однако его происхождение связано не коммуникативным намерением другого субъекта, а с процедурой алгоритмической генерации. Эксперименты с маркировкой авторства показывают, что указание на AI-генерацию снижает восприятие достоверности, авторитетности и антропоморфности сообщения, а сами тексты воспринимаются иначе читателями по сравнению с теми же текстами, представленными как созданные человеком [Lermann, Henestrosa 2024; Proksch et al. 2024]. Недавние эмпирические исследования подтверждают, что тексты, сгенерированные большими языковыми моделями, демонстрируют устойчивые различия с точки зрения лексико-структурных характеристик по сравнению с текстами, написанными людьми, даже если они обладают внешней связностью и жанровой адекватностью [O'Sullivan 2025; Sardinha 2024; Georgiou et al. 2025].

Отсутствие персонифицированного автора влияет на способы интерпретации текста. В классической психолингвистике понимание письменной речи предполагает соотнесение высказывания с предполагаемым замыслом автора, его целями и позицией, что играет важную роль в построении дискурсивной модели текста [Kintsch 1998; Graesser et al. 1997; Clark 1996]. В случае генеративных систем эта опора оказывается ослабленной или трансформированной. Пользователь может осознавать, что текст не выражает чьей-либо позиции в человеческом смысле, однако при этом продолжает интерпретировать его с использованием привычных стратегий, сформированных в межличностной и письменной коммуникации.

Важным фактором восприятия становится ожидание пользователя относительно статуса ответа в конкретной ситуации взаимодействия. Один и тот же текст, сгенерированный моделью, может интерпретироваться как справочная информация, практическая рекомендация, черновой вариант формулировки или как выражение определенной позиции – в зависимости от цели запроса и жанровой рамки диалога [Reis et al. 2024]. Анализ взаимодействия пользователей с LLM указывает также, что в ходе диалога ответы модели могут приобретать для пользователя статус эпистемически привилегированной информации и использоваться как основание для дальнейшего рассуждения и принятия решений [Dai et al. 2025]. При этом экспериментальные данные демонстрируют склонность пользователей к избыточному доверию AI-ответам в отдельных контекстах, даже при объективно невысокой точности содержания [Shekar et al. 2024]. Таким образом, интерпретация генерируемого текста определяется не только его лингвистическими характеристиками, но и условиями поставленной задачи, ожиданиями пользователя и приписываемым источнику статусом. Эти ожидания влияют на глубину обработки, степень критической оценки и готовность пользователя принимать содержание текста без дополнительной проверки [Floridi & Chiriatti 2020; Weidinger et al. 2021; Lee & See 2004]. Подобная вариативность интерпретации отражает активную роль пользователя в конструировании смысла и указывает на необходимость учитывать прагматические установки при анализе восприятия текстов, создаваемых генеративными системами [Floridi & Chiriatti 2020; Weidinger et al. 2021].

Существенное различие наблюдается между чтением «готового» текста и восприятием текста, формирующегося в ходе диалога с LLM. В диалоговом взаимодействии пользователь воспринимает ответ не как завершённый продукт, а как промежуточный результат совместного процесса, который может быть продолжен, уточнен или переработан. Исследования совместного письма с использованием LLM показывают, что характер взаимодействия определяется именно итеративной логикой: степень «развернутости» подсказки (например, на уровне предложения или абзаца) влияет на восприятие контроля, распределение авторства и стратегию дальнейшего редактирования [Dhillonet al. 2024]. Качественные данные о реальных практиках co-writing демонстрируют, что пользователи стремятся сохранять управление траекторией текста, оценивая каждый фрагмент как шаг в процессе, а не как окончательное высказывание [Hwang et al. 2025]. Работа с вариативными генерациями показывает, что чтение в таких условиях включено в цикл «сравнение – оценка пригодности – уточнение запроса – новая генерация», где интерпретация текущего фрагмента неотделима от планирования следующего шага [Rezaetal 2023]. Таким образом, понимание текста в диалоге с LLM приобретает поэтапный, процессуальный характер и тесно связано с регуляцией дальнейшего развития ответа.

С психолингвистической точки зрения восприятие текста, созданного генеративной системой, представляет собой особую форму текстовой обработки, в которой классические механизмы понимания сочетаются с новыми интерпретационными стратегиями. Пользователь одновременно воспринимает текст как источник информации и как элемент интерактивного процесса, что влияет на распределение внимания, глубину семантической проработки и характер контроля. Анализ этих особенностей позволяет рассматривать тексты, создаваемые LLM, не как аномалию по отношению к традиционным объектам психолингвистики, а как новый эмпирический материал, расширяющий возможности исследования процессов понимания письменной речи. В частности, современные исследования демонстрируют, что LLM-генерированные данные могут быть использованы для создания психолингвистических норм и метрик, сопоставимых с человеческими [Trott 2024], а также что искусственно обученные языковые модели, включая конструкции, приближенные к человеческим по объему тренировочных данных, предоставляют новые гипотезы и инструменты для изучения языковых механизмов [Wilcox et al. 2025].

2.2. Доверие к сгенерированной LLM информации

Одним из ключевых факторов, определяющих характер взаимодействия пользователя с большими языковыми моделями, является доверие к сгенерированной информации. В психолингвистическом контексте доверие можно рассматривать как установку, влияющую на глубину обработки текста, готовность принимать его содержание и необходимость последующей проверки. Современные исследования показывают, что исследователи систематически измеряют когнитивные и аффективные компоненты доверия к искусственному интеллекту, подчеркивая сложность и многомерность этого явления [Aquilino et al. 2025]. Экспериментальные данные также демонстрируют, что маркировка текста как «сгенерированного AI» снижает восприятие достоверности и источник доверия, что влияет на оценку содержания со стороны пользователя [Lermann, Henestrosa 2024]. Кроме того, исследования в области взаимодействия человека и больших языковых моделей подчеркивают, что способность модели калибровать уверенность в своих выводах и явно сообщать об этом может существенно влиять на уровень доверия пользователей к ее ответам [Steyvers et al. 2025]. В условиях использования LLM вопрос доверия приобретает особую значимость, поскольку пользователь сталкивается с развернутыми, связными и стилистически оформленными текстами, которые внешне мало отличаются от человеческих высказываний.

На формирование доверия существенное влияние оказывают формальные и стилистические характеристики ответа. Структурированность текста, логическая последовательность изложения, уверенный тон и отсутствие явных противоречий могут усиливать впечатление надежности и компетентности источника. Даже при отсутствии явных маркеров происхождения информации такие признаки способствуют восприятию ответа как «качественного» и заслуживающего доверия. В этом смысле доверие к алгоритмически сгенерированному тексту формируется не только на основе содержания, но и на основе его языкового оформления: в частности, лингвистическая экспликация (не)уверенности в ответе влияет на доверие и степень опоры пользователя на выводы LLM [Kim et al. 2024], а вариации языкового стиля связаны с восприятием «человечности» агента и принятием рекомендаций [Baek et al. 2025]. Аналогично, когерентность текста выступает самостоятельным фактором воспринимаемой

аутентичности и доверия к AI-сгенерированным сообщениям [Olmedilla et al. 2024], что делает данный феномен особенно релевантным для психолингвистического анализа.

Доверие к LLM не является однозначно «хорошим» или «плохим» фактором: чрезмерное доверие повышает риск некритичного принятия ошибочных или упрощающих ответов, тогда как недостаточное доверие снижает эффективность взаимодействия, вынуждая пользователя постоянно перепроверять даже корректные результаты и тем самым увеличивая когнитивные затраты. В литературе по взаимодействию человека и искусственного интеллекта (human–AI interaction) этот дисбаланс описывается как проблема калиброванного (адекватного) доверия и опоры на систему (appropriate trust/reliance), определяющая качество совместной деятельности [Mehrotra et al. 2024; Klingbeil et al. 2024; Vo et al. 2025].

С психолингвистической точки зрения риски чрезмерного и недостаточного доверия представляют собой важную исследовательскую задачу. Они связаны с тем, каким образом пользователи интерпретируют эпистемический статус текста, соотносят его с собственными знаниями и опытом и какие стратегии оценки и проверки считают необходимыми при взаимодействии с LLM. Анализ этих процессов позволяет рассматривать доверие не как стабильное личностное свойство, а как динамическую установку, формирующуюся в конкретной коммуникативной ситуации и зависящую от характеристик текста, задачи и контекста взаимодействия. В частности, исследования профессиональных переводчиков показывают, что специалисты по-разному регулируют уровень доверия к AI-сгенерированной информации, сочетая автоматизированные результаты со своими профессиональными навыками оценки качества и корректности [Ginel 2025]. Анализ эпистемических отношений между пользователями и AI показывает, что динамические стратегии оценки и совместного построения знания зависят от условий задачи и воспринимаемой роли систем как источника информации [Yang & Ma 2025]. Экспериментальные данные о когнитивных предубеждениях при оценке AI-текстов подтверждают, что человеческие суждения и стратегии критического анализа влияют на доверие и интерпретацию даже идентичных текстов [Zhu et al. 2024]. В этом смысле доверие к алгоритмически сгенерированной информации становится значимым параметром расширенного психолингвистического поля, открывающим новые возможности для эмпирических исследований.

Наряду с установками доверия важным направлением анализа становится изучение того, как пользователи оценивают достоверность информации, сгенерированной LLM, и какие стратегии проверки они выбирают. Взаимодействие с языковой моделью предполагает принятие решения о необходимости и глубине верификации ответа, а также о способах ее осуществления. Эмпирические исследования показывают, что практики проверки варьируют в зависимости от контекста задачи, компетентности пользователя и предполагаемых последствий использования информации: от поверхностной оценки правдоподобия и согласованности ответа до обращения к внешним источникам или уточняющим запросам к самой системе [Klingbeil et al. 2024; Yang & Ma 2025]. Глубина проверки отражает баланс между когнитивной экономией и стремлением к точности, что делает этот процесс чувствительным к восприятию модели как источника и к особенностям языкового оформления ответа [Kim et al. 2024].

2.3. Оценка достоверности информации и практики проверки

Наряду с установками доверия важным направлением анализа становится изучение того, как пользователи оценивают достоверность информации, сгенерированной LLM, и какие стратегии проверки они выбирают. Взаимодействие с языковой моделью предполагает принятие решения о необходимости и глубине верификации ответа, а также о способах ее осуществления. Эмпирические исследования показывают, что практики проверки варьируют в зависимости от контекста задачи, компетентности пользователя и предполагаемых последствий использования информации: от поверхностной оценки правдоподобия и согласованности ответа до обращения к внешним источникам или уточняющим запросам к самой системе [Klingbeil et al. 2024; Yang & Ma 2025]. Глубина проверки отражает баланс между когнитивной экономией и стремлением к точности, что делает этот процесс чувствительным к восприятию модели как источника и к особенностям языкового оформления ответа [Kim et al. 2024].

В контексте использования LLM принципиальное значение приобретает различие между стратегиями «поиск → проверка» и «генерация → проверка». Если в традиционной работе с информацией пользователь сначала отбирает источники, а затем оценивает их достоверность, то при взаимодействии с языковой моделью отправной точкой становится уже интерпретированный связный текст, после чего принимается решение о необходимости и глубине его верификации. Такая инверсия порядка операций влияет на распределение внимания и критерии оценки информации, поскольку объектом проверки выступает не набор источников, а готовый текстовый продукт [Tibau et al. 2024; Vo et al. 2025]. Одновременно происходит перераспределение ролей: операции поиска, обобщения и формулирования частично делегируются системе, тогда как за пользователем остаются функции оценки, принятия решений и контроля. При этом границы этой делегации динамичны и варьируют в зависимости от задачи и воспринимаемой надежности модели, что делает распределение ответственности между человеком и системой предметом отдельного анализа [Hwang et al. 2025].

С психолингвистической точки зрения такие практики можно рассматривать как формы метакогнитивной регуляции, в которых мониторинг достоверности интегрируется с процессами понимания и контролем дальнейших действий [Nelson & Narens 1990]. В условиях взаимодействия с LLM решения о необходимости проверки, степени опоры на ответ и распределении ответственности между пользователем и системой становятся элементами динамической калибровки доверия и контроля [Klingbeil et al. 2024]. Оценка достоверности информации и практики проверки становятся центральным механизмом перераспределения когнитивных функций между пользователем и системой, отражая изменение способов организации речевой и познавательной деятельности в среде взаимодействия с генеративными языковыми моделями.

2.4. Перераспределение когнитивных усилий при работе с текстом

Использование больших языковых моделей в работе с текстом сопровождается перераспределением когнитивных усилий между компонентами речевой деятельности. Если в традиционном письме значительная часть ресурсов направляется на формулировку высказывания, подбор лексических средств и структурирование текста, то при взаимодействии с LLM часть этих операций оказывается внешне

поддержанной системой. Эмпирические исследования показывают, что генеративный AI снижает субъективные и объективные затраты на языковое производство, одновременно смещая усилия пользователя в сторону оценки, редактирования и принятия решений [Lee et al. 2025; Hwang et al. 2025]. Предлагая готовые текстовые варианты, соответствующие определенному стилю и жанру, модель обеспечивает базовую связность и композиционную организацию, что позволяет пользователю сосредоточиться на целевых и содержательных аспектах высказывания, а также на контроле качества результата [Dhillon et al. 2024].

Одновременно с делегированием части языкового производства системе наблюдается перенос когнитивных усилий на этапы постановки задачи, уточнения запроса и последующего контроля результата. Формулировка запроса к LLM требует явного осмысления коммуникативной цели, определения желаемого формата и задания ограничений, что делает предварительное планирование более эксплицитным, чем в традиционном письме. Эмпирические исследования показывают, что пользователи активно регулируют траекторию генерации через итеративные уточнения и переработку запросов, а значительная часть усилий смещается к оценке соответствия ответа задаче, выявлению несоответствий и повторным обращениям к системе [Dhillon et al. 2024; Hwang et al. 2025]. Таким образом, редактирование и контроль становятся центральными элементами работы с текстом, тогда как непосредственное формирование языковой формы частично передается модели [Lee et al. 2025].

В совокупности эти изменения приводят к трансформации баланса между «производством» и «контролем» текста. Если в традиционной письменной деятельности основная когнитивная нагрузка приходилась на порождение языковой формы, то при использовании LLM возрастает роль оценочных, метакогнитивных и регулятивных процессов, связанных с мониторингом, калибровкой доверия и принятием решений [Lieder & Griffiths 2020; Lieder et al. 2025]. С психолингвистической точки зрения данное перераспределение усилий позволяет по-новому описать структуру речевой деятельности: производство текста частично внешне поддерживается системой, тогда как функции планирования, оценки и контроля приобретают повышенную значимость. Тем самым взаимодействие с генеративными языковыми моделями выявляет и делает более явными те регулятивные компоненты письменной деятельности, которые ранее оставались встроенными в процесс формулирования.

2.5. Внешняя языковая поддержка как часть речевой деятельности

Распространение больших языковых моделей позволяет рассматривать внешнюю языковую поддержку как интегральный компонент современной речевой деятельности. Взаимодействие с LLM включает использование системы для выполнения операций переформулирования, объяснения, стилизации и переработки текста, что расширяет доступные пользователю средства языкового выражения и облегчает достижение коммуникативных целей. Эмпирические исследования совместного письма показывают, что работа с LLM носит итеративный характер: пользователь формулирует запрос, оценивает сгенерированный вариант как предварительный, уточняет требования и вносит коррективы, направляя дальнейшую генерацию [Dhillon et al. 2024; Hwang et al. 2025]. В результате итоговое высказывание формируется не как продукт однократного акта порождения, а как результат последовательного взаимодействия человека и системы, в котором языковая поддержка становится частью процесса речевой организации.

Практика совместной доработки текста с LLM свидетельствует о том, что пользователь часто рассматривает сгенерированный ответ как черновой вариант, подлежащий последующим уточнениям и редактированию. В процессе взаимодействия формулировка запроса, оценка полученного результата и внесение корректив становятся итеративными операциями, в которых модель выступает как средство языковой поддержки, а не как замена авторского контроля. Анализ поведения пользователей в реальных сессиях показывает, что после первичного поколения текста они активно формируют последующие уточняющие запросы, перерабатывают предложенные фрагменты и комбинируют различные варианты для достижения желаемого результата [Reza et al. 2025; Mysore et al. 2025]. Это отражает тенденцию к ко-конструкции текста, где функции смыслового контроля, оценки адекватности и соответствия коммуникативным целям остаются за человеком, тогда как часть операций по языковой реализации делегирована системе [Arnold & Kim 2025].

Включение внешней языковой поддержки в процессы письма и редактирования актуализирует вопрос о том, как такие практики влияют на стратегии письменной речи и развитие навыков самостоятельной формулировки. С одной стороны, доступ к разнообразным вариантам формулировок и структур может расширять языковой репертуар и облегчать решение сложных коммуникативных задач. С другой – регулярное использование генеративной поддержки способно изменять характер когнитивного вовлечения и перераспределять усилия между производством текста и его оценкой. Эмпирические исследования показывают, что работа с LLM может повышать продуктивность и качество текстов, одновременно влияя на распределение когнитивных ресурсов и стратегии редактирования [Noy & Zhang 2023; Lee et al. 2025]. В этом контексте LLM целесообразно рассматривать не как замену письменной деятельности, а как форму внешней языковой поддержки, изменяющую условия речевой организации и создающую новые конфигурации взаимодействия между языком, мышлением и инструментами письма.

2.6. Метакогнитивный контроль при взаимодействии с генеративной системой

Взаимодействие с большими языковыми моделями предполагает активное включение пользователя в процессы метакогнитивного мониторинга и контроля. Пользователь соотносит ожидания с возможностями модели, оценивает адекватность получаемых ответов и регулирует дальнейший ход взаимодействия в зависимости от их соответствия поставленной задаче. Эмпирические исследования показывают, что использование генеративного AI связано с необходимостью калибровки доверия и управления степенью опоры на ответы системы, а также с изменениями в распределении когнитивных усилий и самооценке уверенности [Klingbeil et al. 2024; Lee et al. 2025]. Осознание вероятностного характера генерации, возможных неточностей и ограниченности контекстного понимания модели становится важным элементом метакогнитивного контроля, влияющим на интерпретацию текста и выбор стратегий его дальнейшего использования. Таким образом, управление ожиданиями и проверка адекватности ответа выступают центральными механизмами осознанного взаимодействия с генеративной системой.

Практическим выражением метакогнитивного контроля при взаимодействии с LLM становятся стратегии уточнения и переспрашивания, а также итеративная корректировка запроса. Пользователи формулируют дополнительные требования

к структуре, формату или источникам информации, ограничивают область генерации и адаптируют инструкции в зависимости от полученного результата. Эмпирические исследования показывают, что формулировка запроса рассматривается как динамический объект регулирования: после получения частично релевантного ответа пользователи пересматривают исходную постановку задачи, уточняют параметры или изменяют стратегию взаимодействия, стремясь повысить точность и управляемость генерации [Dhillon et al. 2024; Mysore et al. 2025]. Такой процесс включает анализ причин несоответствия результата ожиданиям и последующую адаптацию когнитивной стратегии, что позволяет рассматривать самокоррекцию не только на уровне языковой формы, но и на уровне постановки задачи и управления взаимодействием с системой [Vo et al. 2025].

С психолингвистической точки зрения метакогнитивный контроль при взаимодействии с генеративной системой является важным объектом исследования, поскольку он отражает интеграцию процессов понимания, оценки и регуляции речевой деятельности. Взаимодействие с LLM накладывает на пользователя дополнительные метакогнитивные требования: он должен планировать цель формирования текста, мониторить и оценивать адекватность сгенерированных ответов, а также регулировать собственные стратегии постановки запросов и контроля результата [Tankelevitch et al. 2024]. Эмпирические данные также демонстрируют, что такие процессы – включая итеративную корректировку запросов и оценку качества – выступают в роли метакогнитивного контроля, направленного на повышение релевантности и управляемости ответа [Singh 2025; Mysore et al. 2025]. Анализ того, каким образом пользователи осознают ограничения модели, формируют ожидания и адаптируют стратегии взаимодействия, позволяет расширить представления о современных формах языкового поведения и о роли метакогнитивных механизмов в условиях использования внешних языковых средств.

2.7. Динамика диалога и «направляющее» влияние ответа системы

Взаимодействие с большой языковой моделью разворачивается как последовательный диалог, в котором каждый сгенерированный ответ становится частью кумулятивного контекста и влияет на дальнейшие реплики пользователя. В отличие от работы с фиксированным текстом, понимание и порождение высказываний здесь носят поэтапный характер: интерпретация текущего ответа задает рамку для последующих уточнений, переформулировок и новых направлений запроса. Эмпирические исследования показывают, что ответы LLM структурируют пространство возможных продолжений, влияя на выбор тем, формулировок и стратегий взаимодействия [Mysore et al. 2025; Tankelevitch et al. 2024]. При этом, хотя модель не обладает собственными коммуникативными целями, ее языковые решения – через структуру изложения, степень конкретности и предложенные интерпретации – могут направлять траекторию диалога, сужая или расширяя спектр дальнейших действий пользователя [Vo et al. 2025]. Таким образом, ответ системы выступает не только как носитель информации, но и как фактор динамической организации диалогового пространства.

Динамика диалога с генеративной системой зависит не столько от содержания одного «фиксированного» текста, сколько от структуры и формулировки запроса: даже незначительные изменения в степени конкретности, указании контекста или стиле могут приводить к различным вариантам ответа и, следовательно, к различным

траекториям последующего взаимодействия. Современные исследования показывают, что формулировка запроса сама по себе становится инструментом управления диалогом, который задает рамки возможных ответов и направляет дальнейшее развитие взаимодействия [Chen et al. 2025; Sarkar et al. 2025]. В свою очередь, структура сгенерированного ответа – его развернутость, детализованность и предложенные смысловые акценты – влияет на выбор дальнейших реплик: детализированные ответы способствуют уточняющим вопросам или углублению обсуждения, тогда как обобщенные формулировки могут либо завершать диалог, либо мотивировать пользователя к переформулированию запроса [Chen et al. 2025; Sarkar et al. 2025]. Таким образом, LLM-генерированный текст выступает не просто как ответ на запрос, но и как направляющий элемент диалога, оказывающий существенное влияние на дальнейшие действия пользователя.

Психолингвистический анализ динамики диалога с генеративной системой позволяет рассматривать коммуникацию как совместно формируемый процесс, в котором функции инициирования, уточнения и развития темы распределяются между пользователем и моделью. Современные исследования взаимодействия человека с LLM показывают, что диалог строится как кумулятивная последовательность шагов, где структура ответа влияет на выбор дальнейших действий пользователя, а траектория общения формируется в результате итеративного соотношения ожиданий и полученных результатов [Mysore et al. 2025; Tankelevitch et al. 2024]. Направляющее влияние ответов модели не отменяет активной роли пользователя, но задает дополнительные параметры организации диалога – через выбор формулировок, степень конкретности и структурирование информации. Изучение этих параметров открывает возможности для анализа того, каким образом языковая форма, контекст взаимодействия и вероятностные характеристики генерации участвуют в организации современного диалогического поведения [Chen et al. 2025].

2.8. Индивидуальные различия в стратегиях использования LLM

Расширение практик использования больших языковых моделей выявляет выраженные индивидуальные различия в способах взаимодействия с генеративной системой. Эти различия касаются не только частоты обращения к модели или типа задач, но и того, как пользователь концептуализирует ее роль – как справочного инструмента, редакторского помощника, когнитивного усилителя или диалогического партнера. Эмпирические исследования взаимодействия человека и ИИ (human-AI collaboration) показывают, что пользователи различаются по степени агентности, уровню контроля и способу распределения ответственности между собой и системой при совместном создании текста [Hwang et al. 2025; Reza et al. 2025].

Индивидуальные различия проявляются также в стратегиях формулировки запросов и работе с ответами. Одни пользователи активно уточняют требования, задают ограничения, экспериментируют с форматом и стилем, демонстрируя высокую степень метакогнитивной вовлеченности, тогда как другие ограничиваются минимальным взаимодействием и принимают первичный ответ как достаточный [Dhillon et al. 2024; Mysore et al. 2025]. Эти стратегии влияют на глубину диалога и управляемость траектории генерации.

Существенные различия наблюдаются и в подходах к проверке информации и калибровке доверия. Пользователи варьируют по склонности перепроверять ответы, критически оценивать содержание и соотносить его с внешними источниками;

различается и степень доверия системе в условиях неопределенности [Klingbeil et al. 2024; Mehrotra et al. 2024]. Эти различия связаны не только с предметной компетентностью, но и с установками доверия, предыдущим опытом взаимодействия с AI и уровнем AI-грамотности.

Наконец, пользователи различаются по устойчивости к ошибкам модели и готовности корректировать стратегию взаимодействия: при столкновении с неточностями одни пересматривают постановку задачи и продолжают диалог, тогда как другие прекращают взаимодействие или снижают доверие к системе [Lee et al. 2025]. С психолингвистической точки зрения такие индивидуальные различия позволяют рассматривать использование LLM как вариативную форму речевой деятельности, в которой параметры когнитивного контроля, доверия и регуляции взаимодействия становятся ключевыми факторами, определяющими динамику и результат совместного текстоорождения.

2.9. Коммуникативные нормы и жанры взаимодействия с LLM

По мере распространения больших языковых моделей во взаимодействии с ними формируются устойчивые коммуникативные практики, приобретающие характер воспроизводимых норм. Исследования повседневного использования LLM показывают, что взаимодействие часто разворачивается по схеме «запрос → ответ → уточнение → редактирование», где первоначальный текст воспринимается как промежуточный этап совместной работы, а не как завершенный продукт [Bubeck et al. 2023; Zamfirescu-Pereira et al. 2023]. Подобная последовательность закрепляется как типовой формат коммуникации и начинает восприниматься пользователями как естественный способ организации текстовой деятельности. В этом контексте запрос к модели выступает как специфическая форма речевого действия: он включает указание на цель, формат, стиль и ограничения ответа, выполняя не только иницилирующую, но и регулятивную функцию. Исследования взаимодействия, основанного на формулировке запроса (prompt-based), показывают, что конструирование запроса становится самостоятельным инструментом управления генерацией и отражает навыки планирования, прогнозирования результата и адаптации стратегии взаимодействия [Reynolds & McDonnell 2021; Liu et al. 2024]. Таким образом, коммуникация с LLM приобретает жанрово организованный характер, в котором уточнение, переформулирование и редактирование выступают нормативными элементами диалогического процесса.

Значимым аспектом взаимодействия с LLM является перенос профессиональных и институциональных норм коммуникации в диалог с системой. Исследования использования генеративного AI в академической, образовательной и профессиональной среде показывают, что пользователи формулируют запросы и оценивают ответы, ориентируясь на требования соответствующих дискурсивных сообществ – ожидая нейтрального стиля, структурированности, аргументированности и терминологической точности [Kasneci et al. 2023; Stokel-Walker & Van Noorden 2023]. Тем самым генеративная система включается в существующие жанровые рамки и начинает функционировать как участник институционализированных практик письма и экспертной коммуникации. Анализ подобных процессов позволяет рассматривать взаимодействие с LLM как формирующуюся языковую практику, в которой закрепляются новые жанровые ожидания и стандарты оформления высказываний. Эмпирические исследования практик использования генеративного

AI в профессиональной и образовательной среде показывают, что устойчивые нормы взаимодействия формируются через повторяющиеся сценарии обращения к модели и закрепление типовых стратегий запроса и редактирования [Zamfirescu-Pereira et al. 2023; Woodruff et al. 2024]. В ходе такого повторяющегося использования ожидания к структуре, стилю и функции ответа постепенно приобретают характер воспроизводимых форм взаимодействия. С психолингвистической точки зрения это позволяет рассматривать диалог с LLM как формирующуюся жанровую практику, отражающую трансформацию способов организации речи и коммуникативных действий в условиях использования генеративных технологий.

Рассмотренные направления исследований позволяют интерпретировать взаимодействие с большими языковыми моделями не как частное расширение инструментального репертуара пользователя, а как включение речевой деятельности в новую конфигурацию распределенной когнитивной среды. Генеративная интеллектуальная система выступает не только источником текста, но и структурным компонентом процесса понимания, планирования и регуляции, влияя на динамику смысловой обработки, стратегий контроля и организации диалога. В этих условиях производство и интерпретация высказываний осуществляются в пространстве, где когнитивные операции частично перераспределены между человеком и LLM, а языковая форма становится результатом совместно организованной деятельности. Тем самым исследование LLM-опосредованной коммуникации приводит психолингвистику к необходимости описания речевых процессов как происходящих в гибридной, технологически насыщенной среде, где границы между внутренними и внешними компонентами когнитивной регуляции оказываются функционально подвижными. Такой подход позволяет рассматривать генеративные системы не как внешнее дополнение к языковому поведению, а как фактор, трансформирующий его структурные параметры. Исследование LLM-опосредованной среды открывает для психолингвистики новые эмпирические объекты и теоретические задачи, связанные с описанием трансформации речевой деятельности в цифровом когнитивном контексте.

Заключение

Рассмотрение коммуникативной среды, опосредованной большими языковыми моделями, позволяет уточнить характер ее включения в проблемное поле психолингвистики. Распространение LLM не требует пересмотра базовых теоретических оснований дисциплины: представления о механизмах понимания и порождения речи, ресурсных ограничениях и центральной роли субъекта сохраняют свою объяснительную значимость. Вместе с тем включение генеративных систем в повседневную языковую практику формирует иную конфигурацию речевой деятельности, в которой текст возникает в процессе интерактивного взаимодействия человека и вероятностной языковой системы. Объект анализа смещается от изолированного текстового продукта к динамике его поэтапного формирования, что актуализирует изучение гибридной речевой деятельности, перераспределения когнитивных функций, доверия и метакогнитивного контроля. Таким образом, большие языковые модели выступают элементом новой языковой среды, расширяющей проблемное поле психолингвистики. Это расширение осуществляется в нескольких направлениях: восприятие текстов, создаваемых генеративной системой; динамика

доверия и стратегии проверки информации; перераспределение когнитивных усилий при работе с текстом; формы внешней языковой поддержки в письменной деятельности; метакогнитивный контроль при взаимодействии с LLM; диалогическая динамика и направляющее влияние ответов генеративной системы; индивидуальные различия в стратегиях использования LLM и формирование новых коммуникативных норм и жанров AI-опосредованного взаимодействия. Перечисленные направления задают перспективы дальнейшего развития психолингвистических исследований в условиях современной цифровой среды.

© **Воронин А.Н., Палёнова В.В., 2026**

Литература

- Anderson J.R.* The adaptive character of thought. Lawrence Erlbaum Associates, 1990.
- Arnold K., Kim J.* Interaction-required suggestions for control, ownership, and awareness in human–AI co-writing. arXiv, 2025. doi:10.48550/arXiv.2504.08726
- Baddeley A.D., Hitch G.J.* Working memory // Recent advances in learning and motivation. Vol. 8. Academic Press, 1974. P. 47–89. doi:10.1016/S0079-7421(08)60452-1
- Baek T.H., Kim H., Kim J.* AI-generated recommendations: Roles of language style, perceived AI human-likeness, and recommendation agent // International Journal of Hospitality Management. Vol. 126. 2025. doi:10.1016/j.ijhm.2025.104106
- Bender E.M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S.* On the dangers of stochastic parrots: Can language models be too big? // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. 2021. P. 610–623. doi:10.1145/3442188.3445922
- Berber Sardinha T.* AI-generated vs human-authored texts: A multidimensional comparison // Applied Corpus Linguistics. Vol. 4. 2023. doi:10.1016/j.acorp.2023.100083
- Bo J., Wan S., Anderson A.* To rely or not to rely? Evaluating interventions for appropriate reliance on large language models // Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2025. P. 1–23. doi:10.1145/3706598.3714097
- Bommasani R., Hudson D.A., Adeli E., Altman R., Arora S., von Arx S., et al.* On the opportunities and risks of foundation models. 2021. doi:10.48550/arXiv.2108.07258
- Brown T.B., Mann B., Ryder N., Subbiah M., Kaplan J., Dhariwal P., et al.* Language models are few-shot learners // Advances in Neural Information Processing Systems. Vol. 33. 2020. P. 1877–1901. doi:10.48550/arXiv.2005.14165
- Bubeck S., Chandrasekaran V., Eldan R., Gehrke J., Horvitz E., Kamar E., et al.* Sparks of artificial general intelligence: Early experiments with GPT-4. arXiv, 2023. doi:10.48550/arXiv.2303.12712
- Chen Y.-P., Chu K.-C., Nakayama H.* LLM as a scorer: The impact of output order on dialogue evaluation. arXiv, 2024. doi:10.48550/arXiv.2406.02863
- Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. MIT Press, 1965.
- Clark A., Chalmers D.* The extended mind // Analysis. Vol. 58. N 1. 1998. P. 7–19. doi:10.1093/analys/58.1.7
- Dai D. W., Zhu H., Chen G.* How does interaction with LLM-powered chatbots shape human understanding of culture? The need for critical interactional competence (CritIC) // Annual Review of Applied Linguistics. Vol. 45. 2025. P. 28–49. doi:10.1017/S0267190525000054
- Dhillon P., Molaie S., Li J., Golub M., Zheng S., Robert L.* Shaping human–AI collaboration: Varied scaffolding levels in co-writing with language models // Proceedings of the 2024 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2024. doi:10.1145/3613904.3642134

Elman J.L. Finding structure in time // *Cognitive Science*. Vol. 14. N 2. 1990. P. 179–211. doi:10.1207/s15516709cog1402_1

Ferreira F., Patson N.D. The “good enough” approach to language comprehension // *Language and Linguistics Compass*. Vol. 1. N 1–2. 2007. P. 71–83. doi:10.1111/j.1749-818X.2007.00007.x

Floridi L., Chiriatti M. GPT-3: Its nature, scope, limits, and consequences // *Minds and Machines*. Vol. 30. N 4. 2020. P. 681–694. doi:10.1007/s11023-020-09548-1

Frazier L., Rayner K. Making and correcting errors during sentence comprehension: Eye movements in the analysis of structurally ambiguous sentences // *Cognitive Psychology*. Vol. 14. N 2. 1982. P. 178–210. doi:10.1016/0010-0285(82)90008-1

Georgiou G. Differentiating between human-written and AI-generated texts using linguistic features automatically extracted from an online computational tool. arXiv, 2024. doi:10.48550/arXiv.2407.03646

Gibson E. Linguistic complexity: Locality of syntactic dependencies // *Cognition*. Vol. 68. N 1. 1998. P. 1–76. doi:10.1016/S0010-0277(98)00034-1

Graesser A.C., Millis K.K., Zwaan R.A. Discourse comprehension // *Annual Review of Psychology*. Vol. 48. 1997. P. 163–189. doi:10.1146/annurev.psych.48.1.163

Hao L., Sarkar A., Tankelevitch L., Drosos I., Rintel S., Banks R., et al. The impact of generative AI on critical thinking: Self-reported reductions in cognitive effort and confidence effects from a survey of knowledge workers // *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2025. P. 1–22. doi:10.1145/3706598.3713778

Heersmink R., Sutton J. Cognition and the web: Extended, transactive, or scaffolded? // *Erkenntnis*. Vol. 85. N 1. 2020. P. 139–164. doi:10.1007/s10670-018-0022-8

Henestrosa A., Kimmerle J. The effects of assumed AI vs. human authorship on the perception of a GPT-generated text. OSF Preprints, 2024. doi:10.31234/osf.io/wrusc

Hoff K.A., Bashir M. Trust in automation: Integrating empirical evidence on factors that influence trust // *Human Factors*. Vol. 57. N 3. 2015. P. 407–434. doi:10.1177/0018720814547570

Hoffmann J., Borgeaud S., Mensch A., Buchatskaya E., Cai T., Rutherford E., et al. Training compute-optimal large language models // *Proceedings of the 36th International Conference on Neural Information Processing Systems (NeurIPS 2022)*. 2022. P. 30016–30030.

Hutchins E. *Cognition in the wild*. MIT Press, 1995.

Hwang A., Liao V., Blodgett S., Olteanu A., Trischler A. “It was 80% me, 20% AI”: Seeking authenticity in co-writing with large language models. arXiv, 2024. doi:10.48550/arXiv.2411.13032

Jarrold C., Towse J.N. Individual differences in working memory // *Neuroscience*. Vol. 139. N 1. 2006. P. 39–50. doi:10.1016/j.neuroscience.2005.07.002

Just M.A., Carpenter P.A. A capacity theory of comprehension: Individual differences in working memory // *Psychological Review*. Vol. 99. N 1. 1992. P. 122–149. doi:10.1037/0033-295X.99.1.122

Kaplan J., McCandlish S., Henighan T., Brown T., Chess B., Child R., и др. Scaling laws for neural language models. 2020. doi:10.48550/arXiv.2001.08361

Kaplan R.M. *Lexical-functional grammar: A formal system for grammatical representation*. Unpublished manuscript, 2004.

Kasneci E., Seifler K., Küchemann S., Bannert M., Dementieva D., Fischer F., et al. ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education // Learning and Individual Differences. Vol. 103. 2023. doi:10.1016/j.lindif.2023.102274

Kess J.F. Review of The psychology of language: An introduction to psycholinguistics and generative grammar, by J.A. Fodor, T.G. Bever, & M.F. Garrett // Canadian Journal of Linguistics. Vol. 21. N 1. 1976. P. 126–131. doi:10.1017/S0008413100008124

Kim S.S., Liao Q.V., Vorvoreanu M., Ballard S., Vaughan J. W. “I’m not sure, but...”: Examining the impact of large language models’ uncertainty expression on user reliance and trust // Proceedings of the 2024 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. 2024. P. 822–835.

Kintsch W. Comprehension: A paradigm for cognition. Cambridge University Press, 1998.

Klingbeil A., Grützner C., Schreck P. Trust and reliance on AI: An experimental study on the extent and costs of overreliance on AI // Computers in Human Behavior. Vol. 160. 2024. doi:10.1016/j.chb.2024.108352

Lee J.D., See K.A. Trust in automation: Designing for appropriate reliance // Human Factors. Vol. 46. N 1. 2004. P. 50–80. doi:10.1518/hfes.46.1.50_30392

Lieder F., Callaway F., Griffiths T.L. The rational use of cognitive resources. 2025. doi:10.13140/RG.2.2.22863.39841

Lieder F., Griffiths T.L. Resource-rational analysis: Understanding human cognition as the optimal use of limited computational resources // Behavioral and Brain Sciences. Vol. 43. 2020. doi:10.1017/S0140525X1900061X

Liu P., Yuan W., Fu J., Jiang Z., Hayashi H., Neubig G. Pre-train, prompt, and predict: A systematic survey of prompting methods in natural language processing // ACM Computing Surveys. Vol. 55. N 9. 2023. P. 1–35. doi:10.1145/3560815

MacDonald M.C., Pearlmutter N.J., Seidenberg M.S. The lexical nature of syntactic ambiguity resolution // Psychological Review. Vol. 101. N 4. 1994. P. 676–703. doi:10.1037/0033-295X.101.4.676

Marr D. Vision: A computational investigation into the human representation and processing of visual information. W. H. Freeman, 1982.

Mayer L., Karny S., Ayoub J., Song M., Tian D., Moradi-Pari E., и др. Human–AI collaboration: Trade-offs between performance and preferences. 2025. doi:10.48550/arXiv.2503.00248

Mehrotra S., Degachi C., Vereschak O., Jonker C.M., Tielman M.L. A systematic review on fostering appropriate trust in human–AI interaction: Trends, opportunities and challenges // ACM Journal on Responsible Computing. Vol. 1. N 4. 2024. P. 1–45. doi:10.1145/3696449

Mysore S., Das D., Cao H., Sarrafzadeh B. Prototypical human–AI collaboration behaviors from LLM-assisted writing in the wild. arXiv, 2025. doi:10.48550/arXiv.2505.16023

Naumoska A., Kalajdzisalihović N. Introduction to psycholinguistics: Selected readings. 2023.

Nelson T.O. Metamemory: A theoretical framework and new findings // Psychology of Learning and Motivation. Vol. 26. 1990. P. 125–173. doi:10.1016/S0079-7421(08)60053-5

Newell A., Simon H.A. Human problem solving. Prentice Hall, 1972.

Norman D.A. The psychology of everyday things. Basic Books, 1988.

Noy S., Zhang W. Experimental evidence on the productivity effects of generative artificial intelligence // Science. Vol. 381. N 6654. 2023. P. 1–6. doi:10.1126/science.adh2586

O'Sullivan J. Stylometric comparisons of human versus AI-generated creative writing // Humanities & Social Sciences Communications. Vol. 12. 2025. doi:10.1057/s41599-025-05986-3

Olmedilla Fernández M., Romero Moreno J., Martínez-Torres R., Galván N., Toral S. Evaluating coherence in AI-generated text // Proceedings of CARMA 2024. 2024. P. 149–156. doi:10.4995/CARMA2024.2024.17820

Parasuraman R., Riley V. Humans and automation: Use, misuse, disuse, abuse // Human Factors. Vol. 39. N 2. 1997. P. 230–253. doi:10.1518/001872097778543886

Petty R.E., Briñol P. The elaboration likelihood model // Handbook of theories of social psychology. SAGE Publications, 2012. P. 224–245. doi:10.4135/9781446249215.n12

Pickering M.J., Garrod S. An integrated theory of language production and comprehension // Behavioral and Brain Sciences. Vol. 36. N 4. 2013. P. 329–347. doi:10.1017/S0140525X12001495

Proksch S., Schühle J., Streeb E., Weymann F., Kimmerle J. The impact of text topic and assumed human vs. AI authorship on competence and quality assessment // Frontiers in Artificial Intelligence. Vol. 7. 2024. doi:10.3389/frai.2024.1412710

Radford A., Wu J., Child R., Luan D., Amodei D., Sutskever I. Language models are unsupervised multitask learners. OpenAI, 2019.

Reis M., Reis F., Kunde W. Influence of believed AI involvement on the perception of digital medical advice // Nature Medicine. Vol. 30. 2024. P. 3098–3100. doi:10.1038/s41591-024-03180-7

Reynolds L., McDonell K. Prompt programming for large language models: Beyond the few-shot paradigm // Extended Abstracts of the 2021 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2021. P. 1–7. doi:10.1145/3411763.3451760

Reza M., Laundry N., Musabirov I., Dushniku P., Yu Z., Mittal K., et al. ABScribe: Rapid exploration & organization of multiple writing variations in human–AI co-writing tasks using large language models // Proceedings of the 2024 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2024. P. 1–18. doi:10.1145/3613904.3641899

Reza M., Thomas-Mitchell J., Dushniku P., Laundry N., Williams J., Kuzminykh A. Co-writing with AI, on human terms: Aligning research with user demands across the writing process. arXiv, 2025. doi:10.48550/arXiv.2504.12488

Risko E.F., Gilbert S.J. Cognitive offloading // Trends in Cognitive Sciences. Vol. 20. N 9. 2016. P. 676–688. doi:10.1016/j.tics.2016.07.002

Rivas Ginel M., Moorkens J. Translators' trust and distrust in the times of GenAI // Translation Studies. Vol. 18. 2025. P. 1–17. doi:10.1080/14781700.2025.2507594

Rumelhart D.E., McClelland J.L., editors. Parallel distributed processing: Explorations in the microstructure of cognition. Vols. 1–2. MIT Press, 1986. doi:10.7551/mitpress/5236.001.0001

Rumelhart D.E., Hinton G.E., Williams R.J. Learning representations by back-propagating errors // Nature. Vol. 323. N 6088. 1986. P. 533–536. doi:10.1038/323533a0

Sarkar R., Sarrafzadeh B., Chandrasekaran N., Rangan N., Resnik P., Yang L., и др. Conversational user–AI intervention: A study on prompt rewriting for improved LLM response generation. arXiv, 2025. doi:10.48550/arXiv.2503.16789

Shekar S., Pataranutaporn P., Sarabu C., Cecchi G., Maes P. People overtrust AI-generated medical responses and view them to be as valid as doctors, despite low accuracy. arXiv, 2024. doi:10.48550/arXiv.2408.15266

Singh M., Maior H.A., Wilson M.L., Clos J. Exploring the role of metacognitive abilities and trust in interaction with generative AI // Proceedings of the 7th ACM Conference on Conversational User Interfaces. 2025. P. 1–6. doi:10.1145/3719160.3737629

Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. Vol. 333. N 6043. 2011. P. 476–478. doi:10.1126/science.1207745

Stokel-Walker C., Van Noorden R. What ChatGPT and generative AI mean for science // Nature. Vol. 614. N 7947. 2023. P. 214–216. doi:10.1038/d41586-023-00340-6

Tanenhaus M.K., Spivey-Knowlton M.J., Eberhard K.M., Sedivy J.C. Integration of visual and linguistic information in spoken language comprehension // Science. Vol. 268. N 5217. 1995. P. 1632–1634. doi:10.1126/science.7777863

Tankelevitch L., Kewenig V., Simkute A., Scott A.E., Sarkar A., Sellen A., et al. The metacognitive demands and opportunities of generative AI // Proceedings of the 2024 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2024. P. 1–24.

Trott S. Can large language models help augment English psycholinguistic datasets? // Behavior Research Methods. Vol. 56. 2024. P. 6082–6100. doi:10.3758/s13428-024-02337-z

Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A.N., et al. Attention is all you need // Proceedings of the 31st International Conference on Neural Information Processing Systems. 2017. P. 6000–6010.

Wei J., Wang X., Schuurmans D., Bosma M., Ichter B., Xia F., и др. Chain-of-thought prompting elicits reasoning in large language models // Proceedings of the 36th International Conference on Neural Information Processing Systems. 2022. P. 24824–24837.

Weidinger L., Mellor J., Rauh M., Griffin C., Uesato J., Huang Po-Sen, и др. Ethical and social risks of harm from language models. 2021. doi:10.48550/arXiv.2112.04359

Wilcox E., Hu M., Mueller A., Linzen T., Warstadt A., Choshen L., et al. Bigger is not always better: The importance of human-scale language modeling for psycholinguistics. OSF Preprints, 2024. doi:10.31234/osf.io/rfwgd

Winne P.H., Hadwin A.F. Studying as self-regulated learning // Metacognition in educational theory and practice. Lawrence Erlbaum Associates, 1998. P. 277–304.

Woodruff A., Shelby R., Kelley P.G., Rousso-Schindler S., Smith-Loud J., Wilcox L. How knowledge workers think generative AI will (not) transform their industries // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. Vol. 8. CSCW1. 2024. doi:10.1145/3613904.3642700

Woods W.A. Transition network grammars for natural language analysis // Communications of the ACM. Vol. 13. N 10. 1970. P. 591–606. doi:10.1145/355598.362773

Yang S., Ma R. Classifying epistemic relationships in human–AI interaction: An exploratory approach. Research Gate, 2025. doi:10.13140/RG.2.2.20642.13765

Zamfirescu-Pereira J.D., Wong R., Hartmann B., Yang Q. Why Johnny can't prompt: How non-AI experts try (and fail) to design LLM prompts // Proceedings of the 2023 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2023. doi:10.1145/3544548.3581388

Zhu T., Weissburg I., Zhang K., Wang W.Y. Human bias in the face of AI: Examining human judgment against text labeled as AI generated // Proceedings of the Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2024. doi:10.48550/arXiv.2410.03723

Сведения об авторах:

Воронин Анатолий Николаевич – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований основ коммуникации, Московский государственный лингвистический университет

Контактная информация:

119034, г. Москва, ул. Остоженка дом 38

ORCID: 0000-0002-6612-9726

e-mail: voroninan@bk.ru

Палёнова Виолетта Викторовна – кандидат психологических наук, младший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований основ коммуникации, Московский государственный лингвистический университет

Контактная информация:

119034, г. Москва, ул. Остоженка дом 38

ORCID: 0000-0001-8552-5639

e-mail: violetta.palenova@yandex.ru

Для цитирования:

Воронин А.Н., Палёнова В.В. Большие языковые модели и новая коммуникативная среда: расширение проблемного поля психолингвистики // Вопросы психолингвистики. 2026. №1(67). С. 105–127, doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-105-127

UDC 159.9

LBC 88.2

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-105-127

Research article

LARGE LANGUAGE MODELS AND A NEW COMMUNICATIVE ENVIRONMENT: EXPANDING THE RESEARCH AGENDA OF PSYCHOLINGUISTICS²

Anatoly N. Voronin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Violetta V. Palenova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the expansion of the research agenda of psycholinguistics in the study of a communicative environment mediated by large language models (LLMs). It is argued that the widespread adoption of LLMs does not require a revision of the fundamental theoretical foundations of the discipline, but it does transform the empirical context in

---

² The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia “Integrated assessment of the cognitive and emotional resources of participants in online communications in their native and foreign languages”, registration number NIOKTR 125090210031-6.

which speech activity is studied. The paper analyzes the specific features of user interaction with generative language systems and their implications for the analysis of interactive text production. It substantiates a shift in research focus from the isolated textual product to the dynamic process of its step-by-step formation under conditions of technological mediation.

The study identifies several research directions that become particularly relevant in the context of human interaction with generative language systems, including: the perception of LLM-generated texts; calibration of trust and strategies for information verification; redistribution of cognitive effort; metacognitive control; dialogical dynamics; and the emergence of new communicative norms mediated by artificial intelligence. The article concludes that investigating this communicative configuration expands the empirical and methodological possibilities of psycholinguistics while preserving its theoretical continuity.

Keywords: psycholinguistics, large language models, AI-mediated communicative environment, technologically mediated speech activity, metacognitive control, trust in generative systems

© Voronin A.N., Palenova V.V., 2026

Binotes:

Anatoly N. Voronin – Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher, Laboratory of Cognitive Studies of the Fundamentals of Communication, Moscow State Linguistic University

Contact information:

38, Ostozhenka st., Moscow, 119034

ORCID: 0000-0002-6612-9726

e-mail: voroninan@bk.ru

Violetta V. Palenova – Candidate of Psychological Sciences, Junior Researcher at the Laboratory of Cognitive Studies of the Fundamentals of Communication, Moscow State Linguistic University

Contact information:

38, Ostozhenka st., Moscow, 119034

ORCID: 0000-0001-8552-5639

e-mail: violetta.palenova@yandex.ru

For citation:

Voronin A.N., Palenova V.V. Large language models and a new communicative environment: Expanding the research agenda of psycholinguistics // Journal of Psycholinguistics. 1(67), 2026. P. 105–127. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-105-127 (In Russian)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА VS НЕЙРОСЕТЕВЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бубнова Ирина Александровна

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России (Одинцовский филиал)
Одинцово, Московская область, Россия

Аннотация

Проблема рассматривается в русле отечественной психолингвистики и посвящена сравнительному анализу процессов мышления и порождения речи человеком и генерации речи «Большими языковыми моделями». Основная цель работы – описание ключевых отличий между интеллектуальной деятельностью личности и ее имитацией при помощи LLM, а также выявление направлений радикальной реконфигурации когнитивной деятельности человека и тех аспектов, которые оказываются особо уязвимыми при бесконтрольной цифровизации и использовании LLM в образовательной среде.

Ключевые слова: мозг, мышление, LLM, трансформация образовательной парадигмы, семантическая девальвация, когнитивная стагнация, редукция метаязыка

Введение

Еще в начале 70-х годов XX века, указывая на различие генетических корней и нетождественность развития речи, значений, с одной стороны, и мысли, самого мыслительного процесса, с другой, А.Н. Леонтьев подчеркивал, что это не просто проблема взаимосвязи мышления и речи, но крайне жгучая проблема современности, поясняя: **«Ее острота возросла вследствие “имитации” человеческого мышления.** Я имею в виду логические решающие устройства. Здесь **“имитация” не в смысле имитации, а как бы воспроизведения,** что ли. Это удивительно острая проблема, которая прошла две фазы. Первая фаза – десять лет тому назад, это начало 60-х годов, – это была фаза веры, фаза оптимизма. Потом наступила новая фаза – фаза безверия, фаза пессимизма. Мне подсказывают, что, **вероятно, наступит третья фаза,** время снимет первые две, произойдет отрицание отрицания **и будет победа машинного интеллекта на всех важных направлениях.** На эту реплику я могу сказать только одно, что я все время говорил: я готов усечь любую часть курса, **но я не хочу усекать проблемы творческого мышления.** Вот об этом мы и будем вести разговор, чтобы посмотреть внимательно и спокойно, как обстоит дело в действительности [Леонтьев А.Н. 2024: 362] [*выделено нами – И.Б.*].

Спустя почти шесть десятилетий данная проблематика не только не потеряла, но, напротив, приобрела еще большую актуальность в связи с тем, что интеграция нейросетей в бытовую и профессиональную среду в настоящий момент уже привела к делегированию алгоритмам функций, ранее принадлежавших исключительно человеку: от администрирования сетей до создания аналитического и идеологически

выверенного контента. В то же время, в отличие от предшествующих этапов технического прогресса, современный этап развития искусственного интеллекта (далее ИИ) влечет за собой не просто смену социальной парадигмы, но фундаментальную трансформацию когнитивных процессов и межличностной коммуникации. Несмотря на то, что как представляется, говорить о полном доминировании технологий пока преждевременно, текущая тенденция повсеместного внедрения ИИ, и, прежде всего, экспансия больших языковых моделей (далее LLM), заставляет ученых всерьез задуматься о последствиях биологической и когнитивной адаптации мозга к новой реальности.

Динамика показателей интеллекта человека и цифровые технологии как предмет научных обсуждений

Одним из результатов применения тестов интеллекта, которые проводились на Западе с начала XX века не только в академической, но и в других сферах, прежде всего – в профессиональной и военной, стало открытие Дж. Флинна, обнаружившего в ходе анализа и систематизации многолетнего массива данных, что каждое десятилетие средний показатель IQ как в США, так и в других европейских странах, возрастает на 3 балла [Flynn 1984, 1987]. Вывод об определенной динамике интеллектуальных способностей, обозначенной его автором позже как «когнитивный прогресс» [Flynn 2015], оказался настолько значимым для исследовательской среды, что еще в 1994 году он приобрел статус научного термина [Herrnstein, Murray 1994] и в настоящее время известен как «эффект Флинна».

Однако к концу второго десятилетия XXI века стало появляться все больше данных, доказывающих, что выявленная Дж. Флинном тенденция приобретает противоположный характер: на рубеже двухтысячных в странах западной Европы рост интеллекта практически остановился и затем начал неуклонно снижаться [Bratsberg, Rogeberg <http://Shayer, Ginsburg, Coe 2007, Dutton, Lynn 2013, 2015, Dutton, Lindon, Lynn 2016, Flynn, Shayer 2018, Hovarth 2025> и др.]. Данные PISA и TIMSS, полученные в 2022 году, свидетельствуют, что представители поколения Z, родившиеся в период с 1997 по начало 2010-х годов, отличаются общей когнитивной отсталостью, связанной со снижением объема внимания, памяти, неразвитыми математическими навыками и навыками чтения, а также отсутствием способностей к аналитическому мышлению [Hovarth 2025]. Не менее примечательной и, как представляется, вполне логичной и полностью подтверждающей известный эффект Даннинга-Крюгера [Kruger, Dunning 1999], стала и еще одна яркая специфическая черта этого поколения, страдающего, как замечает Дж. Ховарт, от чрезмерной зависимости от цифровых технологий: “While centuries of data have shown that Gen Z has fallen off the path of constant human development <...> many teens and young adults were unaware of their struggles and were actually proud of their alleged intelligence” [Melore¹ 2025 <http://>].

Одной из ключевых причин фиксируемого спада IQ специалисты – нейробиологи, нейрофизиологи и нейропсихологи, т.е. именно те исследователи, которые профессионально занимаются мозгом и психикой [Rowan 2010, Spitzer 2012, Greenfield 2014, Kalbitzer 2016, Гринфилд 2018, Деан 2018, 2021, 2022, Дойдж 2021, Kosmyna, Hauptmann et al. 2025, Hovarth 2025 и др.], считают повсеместное использование

---

¹ Melore Ch. Cognitive decline. Neuroscientist reveals first generation in history to be less intelligent than their parents. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-15520263/Gen-Z-intelligent-neuroscientist.html>

EdTech, подчеркивая, что снижение когнитивных показателей во всех западных странах и в США коррелирует с введением цифровых технологий в образовательных учреждениях: использование экрана вместо традиционной книги и доски, а также внедрение программ индивидуального обучения, когда каждый учащийся получает собственное устройство, неизменно вело к ухудшению результатов.

Следует отметить, что в целом в ряде западных стран признание негативных последствий цифровизации образования, которые подкрепляются объективной диагностической базой, уже привело к отказу от «электронного обучения»: во Франции, Бельгии, Голландии, Венгрии, Италии, Греции, Британии, Португалии, Израиле введены запреты на использование мобильных устройств на занятиях; в Дании, помимо данного запрета, в школы возвращены бумажные учебники. Рекомендацию отказаться от смартфонов и принять общенациональные меры по ограничению использования электронных технологий в образовании поддержали в январе 2026 г. в и в Комитете Сената США по торговле, науке и транспорту.

Что касается России, то точных статистических данных о современном состоянии образования, подобных тем, которыми оперируют западные ученые, на сегодняшний момент не существует. Вместе с тем из открытых источников известно, что в 2015 году российские школьники опустились на нижние строки мировых рейтингов по естественно-научной и математической грамотности², хотя согласно экспертной оценке советского образования специалистами НАТО, относящейся к середине XX в., именно обучение математике, физике, химии, велось в СССР в соответствии с первоклассными традициями и обеспечивало высочайшие результаты и устойчивое развитие страны³. По данным PISA 2018 (последним доступным международным исследованием с участием России), показатели школьников нашей страны по чтению (31 место) и естественным наукам (33 место) оказались ниже средних по ОЭСР, по математике российские учащиеся занимали 31 место⁴, и оснований утверждать, что за последнее десятилетие положение кардинально изменилось, в настоящее время нет.

Такая ситуация в образовании стимулирует постоянные дискуссии в российском обществе, прежде всего, в академической среде, и эта полемика становится все более острой по мере продвижения различных цифровых устройств и программ в учебный процесс. В данный момент в центре обсуждений находится вопрос последствий внедрения систем с ИИ, в частности LLM, получивших широкое распространение в учебном процессе на всех его ступенях.

Поводом для начала довольно оживленной дискуссии стал резонансный случай, произошедший в РГГУ в 2023 году: после успешной защиты ВКР, оригинальность которой составляла 82%, и последующего получения диплома студент публично заявил, что его работа была сгенерирована чат-ботом ChatGPT за 38 часов^{5,6}. В статьях, появившихся вслед за этим инцидентом, предметом обсуждения стали не только

² Основные результаты международного исследования PISA-2015. URL: https://web.archive.org/web/20180826213239/http://www.osoko.edu.ru/common/upload/osoko/pisa/PISA_2015_results_short_report.pdf

³ NATO Archives Online. URL: <https://archives.nato.int/>

⁴ Черепанова Л. Лучшие школы мира, беспрецедентный провал и цена высоких показателей // Forbes Russia Education. URL: <https://education.forbes.ru/authors/issledovanie-shkol-pisa>

⁵ Студент РГГУ защитил диплом, написанный ChatGPT. URL: <https://habr.com/ru/news/714216/> (дата обращения: 03.12.2025).

⁶ Выпускник РГГУ, написавший диплом с помощью ChatGPT, получил документ о высшем образовании. URL: <https://habr.com/ru/news/714216/> (дата обращения: 03.12.2025).

философские проблемы, связанные с эпистемологическим сдвигом «в представлениях о “знании как таковом”».<...> о том, что меняется в смыслах, прежде привычно вкладываемых в такие понятия, как “знание”, “познание”, “обучение”, “творчество” и т.п., применительно к ситуации с ChatGPT, как и к перспективе вмешательства систем с ИИ в образовательную деятельность в целом» [Ивахненко, Никольский 2023], но и более частные вопросы о необходимости определения границ использования ИИ [Резаев, Трегубова 2023], безопасности его применения, связанной с возможностью фальсификации данных и распространения ложной информации [Сосновский⁷ [http](http://)], допустимости использования ИИ для создания научных работ [Иванова 2024], экономических и этических аспектах внедрения ИИ в образовательный процесс и рисках применения ChatGPT в университетском образовании [Лукичев, Чекмарев 2023, 2024]. Значительное внимание уделяется и положительным аспектам внедрения ИИ, связанным с возможностью обеспечить персонализацию процесса обучения, повысить вовлеченность студентов, поддерживая разные учебные стили посредством предоставления адаптивного контента, организовать немедленную обратную связь, гарантировать равный доступ к учебным ресурсам, передать часть языковых функций LLM, что, как предполагается, может сыграть позитивную роль в образовательной и исследовательской практике и т.д. [Гаркуша, Городова 2023, Лукинский, Горшенева, Сумина 2023, Лавриненко 2023, Константинова, Ворожихин, Петров, Титова, Штыхо 2023, Сысоев, Филатов 2023, Кричевский 2025 и др.].

Очевидно, что более широкая проблема системного сопряжения человеческого разума с ИИ, подразумевающего не только технологическую «искусственность», «суррогатность», но и своего рода «протезирование» интеллекта, в целом пока остается на периферии академического внимания в нашей стране. Тем не менее именно характер взаимодействия человека с ИИ-системами, последствия такого «сотрудничества» для речемыслительной деятельности человека представляются критически важной, но недостаточно изученной областью и требуют сегодня первоочередного междисциплинарного анализа.

Именно такая задача решается в отечественной науке в рамках психолингвистики (см., например [Функциональная неграмотность 2022, Речевая деятельность 2026 и др.]), имеющей прочную методологическую базу для реализации подобной цели, куда, помимо классических трудов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, сформулировавших положения о:

1) высших психических функциях как продукте культурно-исторического развития, формирующихся в ходе овладения человеком знаками [Выготский 1935, 2004];

2) социальной детерминированности таких целостных психических образований, как личность или сознание, личности как высшей надбиологической целостности, дивергентности развития речи и мысли, «двойной жизни» значений [Леонтьев А.Н. 1994, 2024];

3) единстве деятельности и сознания личности [Рубинштейн 2018], выходят фундаментальные работы

– А.А. Леонтьева о *языковой способности*, специфике организации *речевой деятельности*, характеризующейся процессуальностью, целенаправленностью

---

⁷ Сосновский А. Искусственный интеллект создавался в ЦИПСО? [Электронный ресурс] // EUROVIEW. URL: <https://euroview.media/iskusstvennyj-intellekt-sozdavalsya-v-czipso/> (дата обращения 07.01.2026).

и структурированностью, а также психологической структуре значения [Леонтьев А.А. 1965, 1971, 1997];

– А.А. Потебни, в частности, выдвинутое им положение о слове, благодаря владению которым «человек превосходит всех животных, потому что оно делает возможным общение мысли, связывает людей в общество» [Потебня 2010: 7];

– А.А. Залевской о значении слова как достояния индивида, ментальном лексиконе и слове как «живом знании» [Залевская, 2005, 2014] и многие другие ключевые для данной научной парадигмы исследования.

Поскольку значительное число представителей бизнеса и науки утверждает, что использование ИИ и, в частности, LLM, является фактором, скорее способствующим, чем негативно влияющим на обучение, представляется необходимым еще раз тщательно рассмотреть с позиций психолингвистики специфику человеческого мышления и речи в сравнении с процессом генерации речи LLM, а также выявить траектории влияния искусственного интеллекта в условиях его постоянного использования на мозг в процессе обучения.

Мышление и речевая деятельность человека vs генерация речи LLM

LLM, широко используемые сегодня в разных сферах жизнедеятельности человека, представляют собой высокотехнологичные алгоритмы ИИ, предназначенные для семантического анализа и синтеза текстов и имитирующие когнитивные механизмы для обработки и генерации естественной речи. Благодаря обучению на колоссальных массивах текстов, обозначаемых как Big Data, и сложной архитектуре, LLM сегодня считаются наиболее прогрессивным и востребованным направлением в сфере нейронных сетей.

Информационную базу LLM составляют не только литературные и научные тексты, но и глобальный архив веб-страниц Common Crawl. В ходе обработки эти данные дробятся на токены – цифровые репрезентации фрагментов текста, которые переводятся в векторную форму. Внутри архитектуры трансформера, опирающейся на механизм self-attention (обозначаемый также как *внимание* и *свертка* [Vaswani A., Shazeer N.M., Parmar N. et al. 2017]), модель вычисляет вероятность появления последующих элементов, что в результате позволяет формировать статистически достоверное высказывание, причем формально данный процесс выглядит как переход внутренней мысли в связную внешнюю речь.

Однако на практике «интеллектуальная деятельность» LLM сводится к линейному прогнозированию последовательности токенов. Из этого процесса полностью элиминированы как особенности организации речевой деятельности человека [Леонтьев 1965, 1997], так и само значение – тот уникальный психолингвистический феномен, который Л.С. Выготский определял как единство мышления и речи [Выготский 2004: 555–556]. Функционирование нейросетей базируется на чисто ассоциативных связях, где отношение между словами приравнивается к обычным структурным связям между вещами, лишенным языковой специфики, что в корне отличается от реальных связей значения как достояния индивидуального сознания [Леонтьев А.Н. 2024, Леонтьев А.А. 1971, Залевская 2005 и др.]. Подобный подход возвращает нас к критикуемым Л.С. Выготским психологическим концепциям прошлого, которые сводили речевое мышление к акту припоминания, к установлению любой структурной связи между вещами, не содержащей «в себе ничего специфического для слова как

такового» [Выготский 2004: 959]. В реальности же мысль человека представляет собой принципиально динамический процесс, стремящийся к определению именно смысловых отношений и совершающий сложный переход через ряд внутренних планов от идеи к живому слову. Таким образом, процесс генерации речи LLM подменяет живое течение мысли с его переходами между когнитивными планами, где слово и смысл неразрывно связаны в творческом акте, а «всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, установить отношение между чем-то и чем-то $\diamond$ ... имеет движение, течение, развертывание...» [там же: 963], обычными статичными алгоритмами.

Таким образом, ключевое отличие человеческого мышления от «алгоритмического» заключается в наличии субъективного плана содержания. В процессе генерации текста LLM слово остается лишь «звуком» или внешней формой, представляя собой лишь акустическую или графическую оболочку, лишенную внутреннего психологического смысла, тогда как в сознании языковой личности слово – это синтез обобщения и чувственного опыта [Потебня 2010]. Согласно А.А. Потебне, коммуникация – это не передача готового знания, и именно субъективность, пристрастность, которая и делает человеческую речь живой: понимание собеседника – это не просто расшифровка кода, а возбуждение собственной мыслительной активности на основе личных впечатлений, стимул для слушателя мыслить «своею собственной мыслию» (по Потебне). Иначе говоря, человеческая речь мотивирована изнутри, она передает не только объективные факты, но и аффективный подтекст, и если ИИ строит фразы на базе статистической вероятности контекста, то человек, транслируя уникальный смысл, отдает предпочтение наиболее значимым для него связям (как указывает А.А. Леонтьев, «с психологической (или психолингвистической) стороны значение вообще есть система операций, система действий...» [Леонтьев А.А. 1971: 8]), даже если они противоречат частотным ожиданиям системы.

Различия между LLM и человеком дополняются спецификой организации мыслительных процессов: языковая личность не просто выстраивает линейные цепочки (синтагмы), но и включает каждое слово в систему парадигматических отношений. Еще А.Р. Лурия отмечал, что именно этот «симультанный синтез» информации является базовым условием трансформации мысли в развернутое высказывание [Лурия 2002]. В рамках модели Леонтьева-Ахутиной полный цикл порождения речи рассматривается как многоуровневый процесс, включающий смысловое, семантическое и поверхностное синтаксирование [Ахутина 2008 2022]. Важно, что финальная структура предложения в мозге не является продуктом жесткого алгоритма; она формируется через сетевую активацию смыслов [Залевская 2014; Dell 1986; Morsella et al. 2002; Thompson et al. 2014; Walenski et al. 2019] и определяется динамическим взаимодействием всех уровней синтаксирования [Bates 1976; Bates et al. 1982].

Фундаментальный разрыв между личностью и машиной обусловлен и тем, что человек является живым субъектом, чье восприятие мира неотделимо от телесного опыта и взаимодействия с реальностью [Varela et al. 2017]. Именно этот биологический контекст, обладающий уникальной клеточной архитектурой, обеспечивающей работу «языка мысли» (LoT), позволяет формировать эпизодическую память и пространственные репрезентации, недоступные искусственным системам [Kazanina et al. 2023, Marozzi et al. 2012]. В отличие от аналоговой природы мозга, функционирование LLM базируется на дискретности и статистической имитации языковых связей, а отсутствие сенсорных

систем и субъектности ограничивает нейросеть рамками искусственной модели, которая лишь приближенно копирует речевую деятельность.

Все эти различия в сложности организации обеспечивают явное превосходство человеческого мозга и определяют качественную разницу в процессах порождения мысли и речи между человеком и ИИ. Однако данные о деградации мозга, происходящей в последние десятилетия и статистически связанной с использованием EdTech, невозможно игнорировать, и они должны найти свое объяснение.

Ключевые направления влияния LLM на мышление, речь и мозг человека

Проблема «цифрового слабоумия», впервые зафиксированная медиками в Южной Корее, сегодня переросла в масштабный вызов для когнитивистики. Речь идет о системном снижении умственной работоспособности и утрате навыков обработки информации [Spitzer 2012, Шпитцер 2014]. Физиологическая основа этого процесса, по мнению нейробиологов и нейропсихологов, кроется в нейропластичности мозга: нейрональный аппарат сокращается без должной нагрузки, которую традиционно обеспечивал глубокий интеллектуальный труд. В контексте речевого развития критически важен тезис о том, что обучение должно опираться на материальный мир и физическое действие [Greenfield 2014, Деан 2018]. Подмена реальности цифровыми интерфейсами в детстве блокирует создание тех отделов мозга, где фиксируются детали событий и личный чувственный опыт, тем самым лишая слово его полноценного внутреннего содержания.

Систематическая эксплуатация нейросетей приводит к когнитивной пассивности: в мозге не формируются зоны долговременной памяти, базирующиеся на эмпирическом освоении мира. Это подрывает становление зрелой личности, для которой слово служит инструментом волевого управления психическими процессами и поведением [Выготский 2004 и др.]. В отличие от алгоритмической генерации текста в LLM человеческое мышление – это восходящее движение по «герменевтической спирали», где познание неразрывно связано с чувственным опытом. С позиций современной нейробиологии разум – это уникальная персонализация мозга, возникающая через адаптивную пластичность синапсов [Гринфилд 2018], причем активация этих «жестких связей», хранящих личный опыт, порождает масштабный нейронный ансамбль – единое сознательное пространство, глубина которого прямо зависит от качества усвоенных когнитивных и сенсорных стимулов [Деан 2018].

Регулярное взаимодействие с цифровыми инструментами, включая большие языковые модели, влечет за собой трансформацию механизмов опосредования. Место «живого слова» как фундаментального инструмента мышления и речепорождения [Выготский 2004, Потенба 2010; Залевская 2014 и др.] занимает цифровой код. Это приводит к радикальной реконфигурации интеллектуальной деятельности по следующим направлениям:

1. Трансформация образовательной парадигмы: LLM замещает фигуру педагога, фактически аннулируя концепцию «зоны ближайшего развития» Л.С. Выготского [Novarth 2025]. В отличие от полноценного обучения как процесса развития через взаимодействие [Выготский 1935; Цукерман 2006], нейросеть не создает условий для формирования высших психических функций, выступая лишь когнитивным «протезом».

2. Семантическая девальвация: слово превращается в формальный знак, лишенный субъективного чувственного опыта. Глубинная когнитивная переработка информации подменяется компиляцией готовых текстовых фрагментов.

3. Когнитивная стагнация: делегирование функций памяти и контроля нейросетям ослабляет логическое мышление и препятствует его развитию.

4. Редукция метаязыка: стандартизированный язык LLM препятствует формированию сложного внутреннего метаязыка человека [Функциональная 2022: 151], что негативно сказывается на навыках чтения, письма, качестве интерпретации и создания текстов.

Данные, полученные в ходе междисциплинарных исследований, подтверждают деструктивное влияние бесконтрольной цифровизации и использования LLM в образовательной среде. Отрицательное воздействие этих факторов выражается в следующих аспектах:

– нейробиологический: работа с ИИ формирует иные нейронные паттерны, нежели самостоятельный труд. Студенты демонстрируют «когнитивную отчужденность» от результатов собственного учебного процесса, они не способны даже вспомнить содержание текстов, сгенерированных сетью [Kosmyna, Hauptmann et al. 2025];

– психолого-педагогический: эксперты отмечают корреляцию между цифровизацией и ростом речевых нарушений. Наблюдается ослабление всех высших психических функций, в частности способности к абстрагированию и пониманию текста [Гридина, Коновалова 2025, Золотова, Мягкова 2024, Мягкова 2024 и др.].

– лингвистический: массовое использование нейросетей ведет к примитивизации речи и падению уровня владения языком, что подтверждается многочисленными работами последних лет [Бутова 2025а,б; Бутова, Гуц 2025; Гридина, Коновалова 2022, 2024, 2025; Ивоина 2025; Бубнова 2020; Дорофеева, Никифорова, Мягкова 2024; Золотова, Мягкова 2024; Мягкова 2024; Пищальникова, Степыкин 2025; Старцев, Хлебников, Джабраилов 2021 и др.].

Заключение

Подводя итог, следует выделить несколько факторов, которые, как представляется, необходимо учитывать, принимая во внимание перспективы дальнейшей цифровизации всех сфер общественной жизни.

1. Когнитивное превосходство естественного интеллекта: несмотря на технологический прогресс, человеческий мозг сохраняет уникальную пластичность и способность к адаптивному обучению, которые недоступны ИИ. В отличие от биологических систем, LLM лишены механизмов формирования чувственных образов и абстрактного мышления, что делает их лишь вспомогательным инструментом, эффективность и безопасность которого целиком зависят от деятельности человека.

2. Деформация социально-деятельностного генеза личности: бессистемное внедрение ИИ в образовательный процесс трансформирует коммуникативную парадигму. Традиционное взаимодействие и совместная деятельность, выступающие, согласно культурно-исторической теории [Выготский 1935, Леонтьев 1981, 1994], фундаментом формирования личности, подменяются механическим интерфейсным взаимодействием.

3. Риски когнитивной регрессии и утраты субъектности: регулярная эксплуатация LLM формирует установку на «интеллектуальную пассивность». Ограничение когнитивной активности «горизонтальным» поиском готовых решений ведет к деградации высших психических функций и нивелированию субъектности как базовой характеристики человека.

4. Необходимость методологической коррекции: учитывая глубокую интеграцию цифровых технологий в современную жизнь, образовательная среда нуждается в выверенных стратегиях использования ИИ. Целью такого подхода должен стать баланс между технологическими преимуществами и сохранением когнитивного и личностного здоровья обучающихся.

© Бубнова И.А., 2026

Литература

Ахутина Т.В. Модель порождения речи Леонтьева – Рябовой: 1967–2005 // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / Под ред. Т.В. Ахутиной и Д.А. Леонтьева. Москва: Смысл, 2008. С. 79–104.

Ахутина Т.В. Модель порождения речи школы Л. С. Выготского: основы и верификация // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. Т. 164. Книга 1–2. С. 7–27. DOI: 10.26907/2541-7738.2022.1-2.7-27

Бубнова И.А. Роль цифровой среды в организации индивидуального ментального опыта // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2020. № 18. С. 5–10. DOI: 10.26170/pla20-01-01

Бутакова Л.О. Диагностика современных тенденций речевой деятельности в интерьере региональных портретов русской языковой личности // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 247–259. DOI: 10.17223/18137083/91/19

Бутакова Л.О. Трендовое исследование семантических и грамматических связей глаголов в ассоциативно-вербальной сети подростков (на примере глаголов думать, вспоминать) // СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 4. С. 644–655 DOI:10.21603/sibscript-2025-27-4-644-65

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Особенности идентификации слов невзрослыми носителями русского языка: трендовое исследование // Вопросы психолингвистики. № 1(63). 2025. С. 44–61. DOI: 10.30982/2077-5911-2025-63-1-44-61

Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. Москва, Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1935. 137 с.

Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2004. 1136 с.

Гаркуша Н.С., Городова Ю.С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11. № 1. С. 6–23. DOI:10.52944/PORT.2023.52.1.001

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Метод вероятностного прогнозирования как инструмент психолингвистического анализа креолизованного текста: восприятие кодов социальной рекламы // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 1. С. 253–265. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.1.017

Гридина Т. А., Коновалова Н.И. Слышать – это больше, чем понимать слова: Рецензия на книгу Норман Б.Ю. Грамматика слушающего. Москва: ФЛИНТА, 2024. 320 с. // Вопросы психолингвистики. 2024. № 3(61). С. 123–133. DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-123-133

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Рецептные и ономазиологические практики в коммуникативной деятельности младших школьников с общим недоразвитием речи // Вопросы психолингвистики. 2025. № 3(65). С. 60–73. DOI: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-60-73

Гринфилд С. Один день из жизни мозга. Нейробиология сознания от рассвета до заката. Питер; Санкт-Петербург, 2018. 569 с.

Деан С. Сознание и мозг: как мозг кодирует мысли. М.: Карьера Пресс, 2018. 415 с.

Деан С. Как мы учимся. Почему мозг учится лучше, чем любая машина... пока. М.: Бомбора, 2021. 348 с.

Деан С. Прямо сейчас ваш мозг совершает подвиг: как человек научился читать и превращать слова на бумаге в миры и смыслы. Москва: Эксмо, 2022. 400 с.

Дойдж Н. Пластичность мозга. М.: Бомбора, 2021. 544 с.

Дорофеева И.В., Никифорова Л.В., Мяжкова Е.Ю. К вопросу об использовании средств искусственного интеллекта в лингвистике // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 1(80). С. 217–224. DOI:10.26456/vtfilol/2024.1.217

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. London: Международная академия наук и высшего образования, 2014. 180 с.

Золотова Н.О., Мяжкова Е.Ю. Чтение и понимание в условиях цифровизации современного образования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 2(81). С. 23–36. DOI: 10.26456/vtfilol/2024.2.023

Иванова Л.А. Искусственный интеллект при написании научных статей – положительный или вредоносный фактор? // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». № 4(43). Декабрь 2024. (<http://ce.if-mstuca.ru>) DOI: 10.51955/2312-1327_2024_4_6

Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22

Ивонина А.С. Синтаксическая сложность иноязычного текста как фактор его понимания в ситуации учебного билингвизма // Вопросы психолингвистики. 2025. №2(64). С. 80–97. DOI 10.30982/2077-5911-2025-64-2-80-96

Кричевский М.Л. Большие языковые модели при решении педагогических задач // Образовательные ресурсы и технологии. 2025. №2 (51). С. 102–111. DOI: 10.21777/2500-2112-2025-2-102-111

Константинова Л.В., Ворожихин В.В., Петров А.М., Титова Е.С., Штыхно Д.А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. Т. 27. №2. 2023. С. 36–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/1818-4243-2023-2-36-48>

Лавриненко И.Ю. Использование чат-ботов GPT в процессе обучения английскому языку в неязыковом вузе: теоретический аспект // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. Том 12. № 2. 2023. С. 18–25. DOI: 10.24412/2225-8264-2023-2-18-25

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Наука, 1965. 246 с.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 7–19.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 287 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. 6-е изд., стер. Обработанные стенограммы курса лекций по общей психологии, читавшегося А.Н. Леонтьевым в 1973–75 гг. на факультете психологии МГУ. М.: Смысл, 2024. 511 с.

Лукинский И.С., Горшенева И.А., Сумина А.В. Использование искусственного интеллекта в качестве инструмента оптимизации научной деятельности: pro et contra // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 1. С. 99–102. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-99-102>

Лукичев П.М., Чекмарев О.П. Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Том 13. № 1. С. 485–502. doi: 10.18334/vines. 13.1.117223

Лукичев П.М., Чекмарев О.П. Риски применения искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2024. Том 14. № 2. С. 463–482. DOI: 10.18334/vines. 14.2.120731

Лурия А.Р. Письмо и речь: Нейролингвистические исследования. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 352 с.

Мягкова Е.Ю. «Внутренняя грамматика» и грамматическая ошибка // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 4. С. 230–235.

Пищальникова В.А., Степыкин Н.И. Изменение характера предсказания в речевом действии: экспериментальное исследование // Научный диалог. 2025. № 14(3). С. 43–61. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61

Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Издательство «Лабиринт», 2010. 240 с.

Резаев А.В., Трегубова Н.Д. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 6. С. 19–37. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37

Речевая деятельность как объект междисциплинарных исследований: монография к юбилею В.А. Пищальниковой / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой; техн. ред.: К.С. Карданова-Бирюкова. М.: Р.Валент, 2026. 280 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Питер: Издательство Санкт-Петербурга, 2018. 713 с.

Старцев М.В., Хлебников В.В., Джабраилов М.А. «Цифровое слабоумие» молодежи как проблема современного образования // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2021. Т. 20. № 2(48). С. 69–75. DOI: 10.20310/1810-231X-2021-20-2(48)-69-75

Сысоев П.В., Филатов Е.М. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 2. С. 276–301. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-276-301

Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. Монография / Под ред. В.А. Пищальниковой / Пищальникова В.А., Степыкин Н.И., Бубнова И.А., Адамова З.Г., Мягкова Е.Ю., Кружилина Т.В., Бутакова Л.О. М.: «Р.Валент», 2022. 216 с.

Цукерман Г.А. Взаимодействие ребенка и взрослого, творящее зону ближайшего развития // Культурно-историческая психология. 2006. № 4. С. 61–73.

Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М.: Издательство: АСТ, 2014. 288 с.

Bates E., MacWhinney B. Functionalist approaches to grammar // Language Acquisition: The State of the Art / Ed. by E. Wanner, L.R. Gleitman. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. P. 173–218.

Bates E. Language and Context: The Acquisition of Pragmatics. New York: Acad. Press, 1976. 375 p.

Bratsberg B., Rogeberg O. Flynn effect and its reversal are both environmentally caused // Psychological and Cognitive Sciences Research in PNAS. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1718793115>

Dell G.S. A spreading activation theory of retrieval in language production // Psychological Review. 1986. Vol. 93. P. 283–321.

Dutton E., Linden D., Lynn R. The negative Flynn Effect: A systematic literature review // Intelligence. Vol. 59. November–December 2016. P. 163–169. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2016.10.002>

Dutton E., Lynn R. A negative Flynn Effect in Finland, 1997–2009 // Intelligence. Vol. 41(6). 2013. P. 817–820. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2013.05.008>

Dutton E., Lynn R. A negative Flynn Effect in France, 1999 to 2008–9 // Intelligence. Vol. 51. July–August 2015. P. 67–70. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2015.05.005>

Flynn J.R. The mean IQ of Americans: Massive gains 1932 to 1978 // Psychological Bulletin. 1984. № 95(1). P. 29–51. doi:10.1037/0033-2909.95.1.29

Flynn J.R. Massive IQ gains in 14 nations: What IQ tests really measure // Psychological Bulletin. 1987. № 101(2). P. 171–191. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.101.2.171>

Flynn J.R. The march of reason: What was hidden in our genes // S. Goldstein, D. Princiotta, J.A. Naglieri (Eds.). Handbook of intelligence: Evolutionary theory, historical perspective, and current concepts. New York: Springer, 2015. P. 471–485.

Flynn J., Shayer M. IQ decline and Piaget: Does the rot start at the top? // Intelligence. Vol. 66. January–February 2018. P. 112–121. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2017.11.010>

Greenfield S. Mind Change. How digital technologies are leaving their marks on our brain. Random House, 2014. 368 p.

Herrnstein R.J., Murray C. Bell curve: Intelligence and class structure in American life. New York: Free Press, 1994. 854 p.

Hovarth J.C. The Digital Delusion: How Class Technology Harms Our Kids' Learning – And How to Help Them Thrive Again. LME Global, 2025. 358 p.

Kalbitzer J. Digitale Paranoia: Online bleiben, ohne den Verstand zu verlieren. Beck Paperback, 2016. 208 s.

Kazanina N., Poeppel D. The neural ingredients for a language of thought are available // Trends in cognitive sciences. Vol. 27. Issue 11. November 2023. P. 996–1007. DOI: 10.1016/j.tics.2023.07.012

Kosmyna N., Hauptmann E., Yuan Y.T., Situ J., Liao X-H., Beresnitzky A.V., Braunstein I., Maes P. Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task. URL: <https://arxiv.org/abs/2506.08872> DOI:10.48550/arXiv.2506.08872

Kruger J., Dunning D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Led to Inflated Self-Assessments // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77 (6). P. 1121–1134. doi:10.1037/0022-3514.77.6.1121

Marozzi E., Jeffery K.J. Place, space and memory cells // Current Biology. 2012. Vol. 22. № 22. P. R939–R942.

Morsella E., Miozzo M. Evidence for a Cascade Model of Lexical Access in Speech Production // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 2002. Vol. 28. No. 3. P. 555–563. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037//0278-7393.28.3.555>

Rowan Cris A. Virtual Child: The terrifying truth about what technology is doing to children. Publisher: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2010. 248 p.

Shayer M., Ginsburg D., Coe R. Thirty years on – a large anti-Flynn effect? The Piagetian test Volume & Heaviness norms 1975–2003 // *British Journal of Educational Psychology*. 2007, 77, 25–41. DOI:10.1348/000709906X96987

Spitzer M. Digitale Demenz: wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen. München: Droemer, 2012. 367 S.

Thompson C.K., Kiehl A. Neural basis of sentence processing: Evidence from neurolinguistic and neuroimaging studies. *The Oxford Handbook of Language Production*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. P. 47–69.

Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind, revised edition: Cognitive science and human experience. Cambridge, Mass: MIT Press, 2017. 328 p.

Vaswani A. et al. Attention is All you Need. *Neural Information Processing Systems*. 2017. URL: <https://doi.org/10.48550/>

Walenski M., Europa E., Caplan D., Thompson C.K. Neural networks for sentence comprehension and production: An ALE-based meta-analysis of neuroimaging studies. *Human Brain Mapping*, 2019. 40(8), 2275–2304. DOI: 10.1002/hbm.24523

Сведения об авторе:

Бубнова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и переводоведения, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Одинцовский филиал)

Контактная информация:

143005, Московская область, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3

ORCID: 0000-0002-1024-600X

e-mail: aribubnova@gmail.com

Для цитирования:

Бубнова И.А. Интеллектуальная деятельность человека vs нейросетевые языковые модели: психолингвистический аспект // *Вопросы психолингвистики*. 2026. № 1(67). С. 128–141, doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-128-141

UDC 81'23

LBC 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-128-141

Review article

**HUMAN INTELLECTUAL ACTIVITY VS NEURAL NETWORK LANGUAGE
MODELS: THE PSYCHOLINGUISTIC ASPECT**

Irina A. Bubnova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation (Branch in Odintsovo)
Odintsovo, Russia

Abstract

The article is written in line with Russian psycholinguistics and is devoted to a comparative analysis of the processes of thinking and speech generation by humans and speech generation by “Large language models”. The main purpose of the work is to describe the key differences between the intellectual activity of a person and its imitation using LLM, as well as to identify areas of radical reconfiguration of human cognitive activity and those aspects that are particularly vulnerable to uncontrolled digitalization and the use of LLM in an educational environment.

Keywords: brain, thinking, LLM, educational paradigm transformation, semantic devaluation, cognitive stagnation, metalanguage reduction

© Bubnova I.A., 2026

Binotes:

Irina A. Bubnova – Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, The School of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Branch in Odintsovo)

Contact information:

3, Novo-Sportivnaya Ul., Odintsovo, Moscow Oblast, Russia, 143007

ORCID: 0000-0002-1024-600X

e-mail: i.bubnova@odin.mgimo.ru

For citation:

Bubnova I.A. The specifics of modern linguistic personality in the historical and ethnic perspective: The psycholinguistic view // Journal of Psycholinguistics. 1(67), 2026. P. 128–141 . Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-128-141 (In Russian)

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 81'32+81'33+81.23+159.9.07

ББК 81.11+88.7

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-142-161

Научная статья

ЭХО РАССТРОЕННОГО МЫШЛЕНИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМАЛЬНЫХ РАССТРОЙСТВ МЫШЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ В.М. ГАРШИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Соколова Диана Алексеевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия

Аннотация

Настоящая статья предлагает лингвистический и лингвостатистический анализ произведений и личной переписки В.М. Гаршина с целью выявления паттернов, которые могут быть интерпретированы как проявления формальных расстройств мышления (ФРМ). Известные биографические данные о психическом здоровье Гаршина (рецидивирующие депрессии, психотические эпизоды) создают уникальный контекст для исследования того, как его внутреннее состояние могло отражаться в его собственном языке и нарративном стиле. Цель работы заключается в том, чтобы идентифицировать и классифицировать специфические лингвистические маркеры (такие, как ослабление ассоциаций, тангенциальность, персеверации, паралогизмы, фрагментация дискурса, особенности метафоризации), которые в текстах писателя могут выходить за рамки обычных художественных приемов и резонировать с клиническими описаниями ФРМ. Методология включает детальный лингвистический анализ (лексического, синтаксического, семантического и дискурсивного уровней) избранных фрагментов художественных произведений. Результаты исследования не претендуют на посмертную диагностику, но позволяют глубже понять сложное взаимодействие между психическим состоянием автора и его языковым выражением, а также демонстрируют потенциал лингвистического анализа для междисциплинарного изучения феномена расстроенного мышления в художественной и личной коммуникации.

Ключевые слова: психиатрическое литературоведение, психиатрическая лингвистика, психолингвистика, психопэтика, Красный цветок, биполярное аффективное расстройство

Введение

Взаимосвязь между психическим состоянием человека и его языковым выражением является одной из наиболее фундаментальных и интригующих проблем на стыке лингвистики, психологии и психиатрии [Jelliffe 2010]. Особое место в этом междисциплинарном поле занимают формальные расстройства мышления (ФРМ) – нарушения процесса, а не содержания мысли, которые проявляются в специфических аномалиях речи. Изучение ФРМ имеет не только клиническое, но и глубокое филологическое значение, поскольку язык служит прямым мостом к внутреннему миру индивида, отражая тончайшие сдвиги в его когнитивных процессах [Roche et al. 2015].

С развитием клинической лингвистики и психопатологии языка стало возможным перейти от общих рассуждений к систематическому анализу того, как психические состояния и особенности расстройства мышления могут проявляться в творчестве [Rochester, Martin 1979]. Особый интерес представляют фигуры писателей, чья биография тесно переплетена с историей психического заболевания. В этом контексте Всеволод Михайлович Гаршин (1855–1888) представляет собой уникальный и, к сожалению, трагический случай. Его творчество пронизано острым психологизмом и глубоким сочувствием к страданию, что многими исследователями связывается с его собственным хрупким психическим здоровьем, состояние которого еще больше усугублялось из-за тягот социального строя царской России того времени [Успенский 1957: 139].

Проблема настоящего исследования заключается в методологической сложности различения намеренных художественных приемов, индивидуального авторского стиля и непровольных, патологически обусловленных проявлений ФРМ в собственном языке писателя. Можно ли, используя инструментарий лингвистического анализа, «увидеть» эхо расстроенного мышления в текстах автора, даже если эти тексты были созданы с художественной целью? Насколько глубоко психическое неблагополучие проникает в саму ткань языкового выражения, меняя его на лексическом, синтаксическом, семантическом, дискурсивном и прагматическом уровнях?

С юных лет В.М. Гаршин страдал от различных соматических заболеваний (проблем со щитовидной железой, чесотки, различных воспалительных процессов). Учился в гимназии на «3» и «4», но большую часть времени (часто в ущерб учебе) с раннего возраста проводил за чтением художественной литературы. В своей автобиографии он указывает, что прочел «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго в семилетнем возрасте *«и перечитав его в 25, не нашел ничего нового»* [Гаршин 1934: 13], увлекался чтением Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Жуковского.

Кроме того, из автобиографии мы узнаем, что, обучаясь в гимназии с 9 лет, В.М. Гаршин участвовал в написании поэм, стихов и фельетонов для «Вечерней газеты» под псевдонимом «Агасфер», которые пользовались успехом у читателей [Гаршин 1934: 14].

22 октября 1972 г. он пишет матери, что *«случился очередной припадок... начальство желает отослать меня домой»* [Гаршин 1934: 439]. В зрелом возрасте пережил несколько тяжелых психотических эпизодов, что приводило к неоднократным госпитализациям в психиатрические клиники. Современники, включая близких друзей и врачей, оставили подробные описания его состояний, подтверждающие наличие серьезного расстройства с психотическими чертами.

В.М. Гаршин в автобиографии указывает, что с 1880 года сильно заболел и уехал жить в деревню к дяде, в 1883 году женился на Н.М. Золотиловой [Гаршин 1934: 15]. В письмах часто употребляются фразы, выражающие любовь к жене и жалость к ней в связи со всеми тяготами, которые ей приходится терпеть из-за его болезни.

Кульминацией его борьбы с болезнью стало самоубийство, совершенное в 1888 году в возрасте 33 лет посредством преднамеренного падения в лестничный пролет. Этот обширный биографический и клинический контекст дает веское основание для попытки анализа языка В.М. Гаршина.

Цель настоящего исследования – понять, как психическое состояние автора могло влиять на его языковой стиль и структуру мысли, проявляясь в его творчестве.

Согласно результатам историко-биографического исследования писем и творчества В.М. Гаршина, проведенного учеными-психиатрами, симптомокомплекс писателя ассоциируется с биполярным аффективным расстройством (БАР) с психотическими чертами [Cavanaugh 2013]. Кроме того, Г. Успенский описывает состояние В.М. Гаршина сообразно тем проявлениям, которые отмечаются при БАР: *«Спрашивается: какого же качества должно быть это нервное расстройство, если человек, подвергавшийся ему периодически, периодически же был совершенно нормален и мог быть даже вполне здравомыслящим человеком, – да еще замечательным писателем?»* [Успенский 1957: 144]. Согласно рубрике клинических рекомендаций Минздрава РФ¹, БАР – это хроническое психическое заболевание, характеризующееся чередованием противоположных по полюсу эпизодов настроения (маниакальные и депрессивные фазы).

Сам Гаршин в письме В.М. Латкину от 29 сентября 1885 года [Гаршин 1934: 358] описывает свое состояние так: *«Я сижу дома, ничего не делаю и иногда подвергаюсь припадкам тоски, от которой навзрыд реву по часу... Голова постоянно болит, памяти нет, бессилие и вялость постоянно валят на постель. И надо всем этим мучительный страх сойти с ума и опять испытать весь этот ад*. В этом же письме депрессивный тон сменяется повышенным настроением: *«Что может быть глупее такого положения: теперь я боюсь уже не меланхолии, а мании, не зная, нормально ли мое улучшение или только кажущееся»* [там же].

Таким образом, настоящее исследование базируется на гипотезе о наличии у В.М. Гаршина аффективного расстройства биполярного спектра, проявления которого, как предполагается, будут выявлены в лингвистических характеристиках его письменной речи.

Научная новизна исследования определяется применением междисциплинарного подхода к анализу собственного языка автора, имеющего подтвержденный психиатрический анамнез. Данная работа выходит за рамки традиционного анализа, углубляясь в нейropsихолингвистические аспекты творчества, что позволяет по-новому взглянуть на взаимосвязь между психическим состоянием и языковым выражением.

Формальные расстройства мышления (ФРМ), также известные как нарушения мышления или дезорганизованная речь, представляют собой патологические изменения в процессе мышления, а не в его содержании (например, в отличие от бреда или навязчивых идей) [Roche et al. 2015]. Они проявляются в нарушении логической связности, целенаправленности и ясности мысли, что отражается в устной и письменной речи. ФРМ являются одними из ключевых симптомокомплексов при ряде психических расстройств, в первую очередь при шизофрении, биполярном аффективном расстройстве с психотическими чертами и других психозах² [American Psychiatric Association].

В отличие от расстройств содержания мышления (например, вышеупомянутых бреда и obsессии), которые касаются того, *о чем* человек думает, ФРМ относятся к тому, *как* он думает и, как следствие, как он выражает свои мысли. Это делает язык основным и наиболее доступным средством для их изучения [Liebenthal et al. 2023].

Лингвистический, литературоведческий [Белянин 1996] и лингвостатистический анализы [Кириллов 2002] играют центральную роль в выявлении ФРМ, поскольку

¹ https://cr.minzdrav.gov.ru/view-cr/675_1#doc_a3

² <https://www.psychiatry.org/patients-families/bipolar-disorders>

эти расстройства непосредственно манифестируют себя в языковом поведении. Различные типы ФРМ имеют свои специфические лингвистические маркеры, которые могут быть классифицированы по уровням языковой системы. К ним относится нарушение тема-рематической концепции, включая дерейлирование (соскальзывание, ослабление ассоциаций), тангенциальность (отклонение от темы без возврата к ней), инкогерентность (утрата логической и/или грамматической связи), потеря цели, персеверации (множественные повторения одного и того же движения), шперрунги (внезапный обрыв мыслительного процесса), «полет идей»; образование паралогизмов, неологизмов, циркулокуций (многословия), бедность речи (алогия) [Zamponi et al. 2024]. Эти лингвистические проявления могут варьироваться по степени выраженности, от едва заметных сдвигов в стиле (при БАР) до полного нарушения коммуникативной функции (при шизофрении) [Weiner et al. 2019].

Несмотря на методологические сложности, исследования языка писателей с подтвержденным психиатрическим анамнезом предоставляют ценные инсайты.

Случай с *Вирджинией Вулф* является одним из наиболее известных и хорошо задокументированных. Ее «периоды безумия» с маниакальными фазами (чрезмерная энергия, бессонница, галлюцинации) и глубокими депрессиями (отказ от еды, суицидальные мысли) очень точно соответствуют картине биполярного расстройства [Jamison 1996].

Антонен Арто: французский поэт, драматург и теоретик театра, чья жизнь была отмечена тяжелыми психическими заболеваниями (в частности, шизофренией), которые приводили его к частым длительным госпитализациям и электрошоковой терапии. Его тексты изобилуют неологизмами, искажениями синтаксиса, навязчивыми повторениями, алогизмами и интенсивной, порой непередаваемой эмоциональностью, что позволяет исследователям говорить о «языке психоза» в его творчестве [Derrida 1978].

Эрнест Хемингуэй: в работах исследователей его творчества приводятся убедительные доказательства того, что Хемингуэй страдал от биполярного расстройства I типа, характеризующегося выраженными маниакальными эпизодами (или гипоманией) и глубокими депрессиями, часто сопровождающимися психотическими чертами и алкоголизмом как попыткой самолечения. Джеймисон указывает на его циклы гиперактивности, грандиозности, импульсивности и интенсивного творчества, сменяющиеся периодами глубокой депрессии, паранойи и суицидальных мыслей [Jamison 1996].

Эти примеры демонстрируют, что при тщательном анализе и с учетом всех оговорок язык может служить индикатором внутренних состояний, даже если эти состояния являются патологическими.

Особая сложность в анализе языка писателей с психическими расстройствами заключается в необходимости разграничения между намеренным художественным приемом, индивидуальным авторским стилем и произвольным, патологически обусловленным проявлением.

Так, в качестве художественного приема писатели сознательно используют такие средства, как фрагментация (например, модернизм, постмодернизм), поток сознания (Джойс, Фолкнер), неологизмы (В. Хлебников), алогизмы (обэриуты), повторения, необычные синтаксические конструкции для достижения определенного эстетического или смыслового эффекта. Эти приемы являются контролируруемыми, целенаправленными и служат художественной задаче.

Каждый автор обладает уникальным стилем, который формируется на протяжении его творческого пути. Это может включать предпочтение определенных лексических единиц, синтаксических структур, ритмики, метафор. Эти особенности являются частью авторской идентичности и не связаны с патологией.

Патологические же проявления ФРМ являются произвольными, неконтролируемыми, часто нарушают коммуникативную цель и могут проявляться как отклонение от обычного стиля автора, особенно в периоды обострения заболевания.

Эффективный анализ лингвистических проявлений формальных расстройств мышления у В.М. Гаршина требует тщательного отбора материалов и применения строгой, многоуровневой методологии, учитывающей как художественный, так и клинический контекст.

Для изучения особенностей языка В.М. Гаршина будут использованы его художественные произведения.

Для углубленного лингвистического анализа из художественных текстов выбран тот, где авторское «Я» наиболее выражено. Это произведение В.М. Гаршина «Красный цветок». Особое внимание будет уделено тем частям текста, где фиксируются изменения восприятия, парадоксальные утверждения или необычная логика.

Данное произведение было проанализировано известным профессором-психиатром XIX века И.А. Сикорским, который считал его классическим проявлением душевной болезни, где представлено сосуществование двух сознаний: нормального и патологического [Сикорский 1884]. Оно считается одним из наиболее автобиографичных в творчестве Гаршина, напрямую описывающим опыт психотического состояния. Лингвистические особенности, отражающие искаженное восприятие реальности, параноидальные идеи и дезорганизацию мышления главного героя, могут быть соотнесены с собственным опытом писателя [Белянин 1996]. Анализ авторских описаний, внутренних монологов и символики позволит выявить, как Гаршин художественно осмысливал и выражал свой внутренний мир в условиях болезни.

Помимо этого, десять текстов В.М. Гаршина, включая «Красный цветок», будут сопоставлены в рамках лингвостатистического исследования с контрольной группой из десяти произведений пяти авторов-современников Гаршина, которые использовали схожий стиль повествования.

Анализ проводился в соответствии с таксономией языковых уровней, сопоставляя выявленные особенности с известными лингвистическими маркерами ФРМ.

Данный подход позволил получить количественные данные о стилистических, лексических и эмоциональных особенностях исследуемых текстов, что дало возможность провести глубокий и нюансированный анализ, избегая редуционизма и признавая сложность взаимосвязи между психическим состоянием, личностью автора и его языковым творчеством.

Лингвистический анализ проявлений формальных расстройств мышления в языке В.М. Гаршина на примере произведения «Красный цветок»

Художественный текст – это результат творческого процесса, который может сознательно использовать элементы, имитирующие расстройства мышления, для создания определенного эффекта или характеристики персонажа. Однако даже в таком «отшлифованном» тексте могут проявиться неосознанные маркеры внутреннего состояния автора.

Предпосылкой для данного исследования является распространенное в литературоведении мнение о том, что произведение В.М. Гаршина «Красный цветок» обладает выраженными автобиографическими чертами. Анализ личной переписки автора этого периода подтверждает наличие депрессивного аффекта, что, предположительно, находит отражение в текстовых характеристиках «Красного цветка». В связи с этим, основной задачей исследования является идентификация и анализ лингвистических маркеров в указанном тексте, которые могут быть соотнесены с симптоматикой биполярного аффективного расстройства.

В произведении автор использует стилистический прием, заключающийся в безымянности как главного персонажа, так и других героев произведения. Отсутствие имени у главного героя в «Красном цветке» переносит фокус внимания читателя с индивидуальных черт персонажа на его действия, внутренний мир, переживания и на общую ситуацию, в которой он оказался. Имя становится несущественным, важен лишь опыт. Приведем анализ произведения «Красный цветок» на всех уровнях языка.

Лексико-семантический уровень

А. Лингвистические маркеры, соответствующие маниакальным/ гипоманиакальным состояниям

1. Грандиозность, мессианские мотивы и идеи особой миссии:

Главный герой при поступлении в психиатрическую лечебницу: *«Именем его императорского величества, государя императора Петра Первого, объявляю ревизию сему сумасшедшему дому».*

Речь о спасении мира от зла: *«...но это могу сделать только один я».*

Компоненты «мировой миссии», «борьбы с вселенским злом» соответствуют тематике грандиозности.

Лингвистический анализ: данные фрагменты демонстрируют сдвиг дейксиса (присвоение официальной, исторически значимой роли), использование эксклюзивных местоимений («только один я»), подчеркивающих уникальность и исключительность субъекта. Наблюдается телеологическая нарративная структура, где все действия героя направлены на выполнение вселенской, гиперболизированной задачи («уничтожение зла на земле»). Лексика, относящаяся к «миссии» и «борьбе», указывает на расширение семантического поля обыденных действий до масштабов глобального значения.

2. Гиперболизация, суперлативы и эмоционально-экспрессивная лексика:

«страшный фантастический призрак», «ужасным содержанием», «самый ад», «все зло мира», «весь мир».

Лингвистический анализ: использование интенсификаторов («страшный», «ужасный»), суперлативов («самый ад») и универсальных квантификаторов («все зло мира», «весь мир») свидетельствует о когнитивном искажении, при котором восприятие реальности приобретает преувеличенный, всеобъемлющий характер. Это отражает эмоциональную лабильность и аффективную насыщенность переживаний, характерную для мании, где даже нейтральные стимулы воспринимаются как крайне значимые или угрожающие.

3. Высокая лексическая плотность и образное сгущение (отражение ускоренного мышления):

«облитые и проникнутые лунным светом»;

«в неровном отражении света в старом радужном и грязном стекле»;

«а в центре ее красовалась большая, крупная и редкая, желтая с красными крапинками дalia».

Лингвистический анализ: наблюдается увеличение количества предикатов, адъективных и партиципных конструкций в описаниях. Это может быть интерпретировано как лингвистическое проявление «скачки идей» или гипердетализации восприятия, когда сознание стремится зафиксировать множество сенсорных деталей, что приводит к семантической насыщенности высказываний. Обилие эпитетов и метафор создает эффект «сгущения» образа, характерный для повышенной перцептивной чувствительности.

4. Лексические маркеры повышенной активности:

В начале рассказа читатель узнает, что на момент поступления в лечебницу больной не спал уже десять дней, и все время своего пребывания там он находился в движении: *«Больной почти не спал и целые дни проводил в непрерывном движении».*

Лингвистический анализ: использование глаголов движения и активности, а также наречий и временных указателей, подчеркивающих продолжительность и безостановочность действия («целые дни», «в непрерывном движении»), прямо отражает психомоторное возбуждение. Данное описание передает ключевую характеристику маниакальной фазы – повышенную, непродуктивную активность.

Б. Лингвистические маркеры, соответствующие депрессивным состояниям

Депрессивные фазы БАР характеризуются сниженным настроением, пессимизмом, идеями вины и суицидальными мыслями.

1. Доминирование негативно окрашенной лексики:

«убить», «больной», «отчаянный», «припадок», «смерть», «сумасшедший», «безумный».

Лингвистический анализ: наблюдается высокая частотность лексем, принадлежащих к семантическим полям страдания, болезни, разрушения и смерти. Это создает негативный эмоциональный фон текста и отражает дистимический аффект и пессимистическое мировосприятие, характерное для депрессии.

2. Фразы-«абсолютисты» и категоричность негативных суждений:

«никто никогда не заходил»;

«он не выживет», «он погибнет, умрет» ;

«никто не осмеливался бороться разом со всем миром» (двойной абсолютизм «никто», «со всем»).

Лингвистический анализ: использование универсальных отрицаний («никто», «никогда»), категоричных предикатов («не выживет», «погибнет») и усилительных конструкций («разом со всем миром») указывает на когнитивные искажения типа «все или ничего», «катастрофизация». Эти лингвистические формы отражают безнадежность и фатализм, характерные для депрессивного мышления.

3. Темы смерти, вины, самообесценивания:

«И если я погибну, не все ли равно...».

Лингвистический анализ: данная фраза, построенная как риторический вопрос с имплицитным утверждением бессмысленности существования, выражает идеи суицида и самообесценивания. Лексика из семантического поля «гибели» и «равнодушия» к собственной судьбе является прямым маркером депрессивного аффекта и потери жизненных ориентиров.

Наряду с лексико-семантическими особенностями, грамматическая структура высказываний главного героя и повествовательная манера также являются мощными индикаторами его меняющегося психического состояния. Синтаксис и морфология не просто описывают реальность, но и непосредственно отражают динамику мыслительных процессов, эмоционального состояния и психомоторной активности.

Морфологический и синтаксический уровни

А. Стадии маниакально-гипоманиакального типа

1. Интенсивное употребление личных местоимений первого лица и самоповторы (прагматическая анафора):

«Я знаю, знаю. Я был уже здесь... Я все знаю».

Лингвистический анализ: повторение местоимения «Я» в сочетании с глаголами познания и действия («знаю», «был») является ярким маркером эгоцентричности и грандиозности мышления. Это не просто риторическое усиление, а проявление сверхценной идеи собственной исключительности и всезнания. На морфологическом уровне доминирование субъекта в каждой предикативной основе (три раза подряд «Я + глагол») указывает на фокусировку сознания на собственной персоне.

Б. Стадии депрессивного типа: синтаксическая редукция и фрагментация

1. Падение средней длины предложения и синтаксическая упрощенность:

«Они не видели его. Я увидел. Могу ли я оставить его жить? Лучшие смерть».

Лингвистический анализ: данный отрывок демонстрирует резкое сокращение средней длины предложений и преобладание простых, часто двусоставных или односоставных предложений. Отсутствие сложных синтаксических конструкций (придаточных, деепричастных оборотов) свидетельствует о когнитивном замедлении и снижении способности к комплексному осмыслению. Каждое предложение представляет собой отдельную, изолированную мысль, что отражает фрагментацию мышления и трудности с поддержанием когерентного дискурса. Синтаксическая простота коррелирует с психомоторной заторможенностью, характерной для депрессии.

2. Дискурсные маркеры и хеджирования как индикаторы замедления и безнадежности:

«И если я погибну, не все ли равно...»

Лингвистический анализ: фраза «не все ли равно» функционирует здесь как прагматический маркер хеджирования, выражающий безразличие, фатализм и потерю смысла. В контексте депрессивного состояния такие маркеры часто выступают не просто как заполнители пауз, но и как индикаторы внутренней опустошенности, апатии и ангедонии (неспособности испытывать удовольствие). Они сигнализируют о «провальном» темпе речи, где мысль обрывается из-за отсутствия мотивации или энергии для ее развития, а также о когнитивном искажении: «ничего не имеет значения».

3. Синтаксическая незавершенность и эллипсис:

«Даже жить и не жить...»

«Кому нужно...»

Лингвистический анализ: использование незаконченных предложений (апосиопеза) и эллипсисов, где опускаются подразумеваемые члены предложения, является прямым синтаксическим проявлением мыслительного «блока» или «обрыва». Эти синтаксические особенности создают ощущение недосказанности, тревоги и глубокого отчаяния, характерного для депрессивных фаз, где будущее представляется неопределенным и лишенным надежды.

Дискурсивный и прагматический уровни

А. Маниакальные и гипоманиальные дискурс-стратегии

1. Нарушения кооперативного принципа (Пола Грайса)

Диалог с доктором:

Доктор: «Вы знаете, где вы?»

Пациент (резко повышает объем информации): «Конечно, доктор! Я в сумасшедшем доме. Но ведь, если понимаешь, это решительно все равно. Решительно все равно... Что вы так пристально смотрите на меня? Вы не прочтете того, что у меня в душе, - продолжал больной, - а я ясно читаю в вашей! Зачем вы делаете зло? Зачем вы собрали эту толпу несчастных и держите ее здесь? Мне все равно: я все понимаю и спокоен; но они? К чему эти мученья? Человеку, который достиг того, что в душе его есть великая мысль, общая мысль, ему все равно, где жить, что чувствовать. Даже жить и не жить... Ведь так».

Лингвистический и психолингвистический анализ:

– *Нарушение максимы количества*: вместо краткого и прямого ответа («Да, я знаю, я в сумасшедшем доме») пациент предоставляет значительно избыточный объем информации, переходя от факта к философским рассуждениям, обвинениям и самовосхвалению. Это проявление речевого напора и многоречивости (логорея), характерные для маниакальных состояний, когда мысль опережает способность структурировать речь;

– *Нарушение максимы отношения/релевантности*: пациент уходит от ответа на прямой вопрос врача к экзистенциальным рассуждениям («решительно все равно»), параноидальным подозрениям («Зачем вы делаете зло?») и грандиозным идеям о собственной «великой мысли». Это демонстрирует тангенциальность и соскальзывание – мысли отклоняются от основной темы без возврата, что отражает «скачку идей», когда ассоциации становятся поверхностными и нелогичными.

2. Немаркированные смены темы и нарушения ассоциативного процесса

Мысли больного: «Он знал, что из мака делается опиум; может быть, эта мысль, разрастаясь и принимая чудовищные формы, заставила его создать страшный фантастический призрак».

Лингвистический и психолингвистический анализ: переход от конкретного факта о маке к «всемирному злу» и «фантастическому призраку» происходит без явных логических или дискурсивных связей (например, «потому что», «вследствие этого»). Это классический пример «рыхлых ассоциаций» или «соскальзывания», когда идеи связываются не по смыслу, а по случайным признакам (например, звуковому сходству или просто быстрому переключению внимания). Отсутствие «связочного оператора» и «интонационного мостика» указывает на нарушение когерентности дискурса, что характерно для психотических состояний.

3. Градация и риторическая амплификация (отражение психомоторного возбуждения)

Хотя градация является риторическим приемом, в контексте маниакального дискурса она становится маркером усиления психомоторной активности и нарастающей внутренней энергии.

«И он ходил все скорее и скорее, делал шаги все больше и больше, ходил час, два с каким-то остервенением».

«Я утомлю тебя! Я задую тебя!»

Лингвистический и психолингвистический анализ: использование нарастающих повторов и сравнительных степеней («скорее и скорее», «больше и больше») в первом примере, а также интенсификация глаголов во втором («утомлю», «задушу»), отражает увеличение темпа и интенсивности действий и мыслей героя. Это дискурсивное проявление психомоторного возбуждения и нарастающего аффекта. На прагматическом уровне такие высказывания служат не только описанием, но и выражением нарастающей решимости и грандиозности, а также стремления к тотальному контролю над «врагом» (цветком), что характерно для маниакального бреда.

Б. Депрессивные дискурс-паттерны (фаза «спада»)

1. Алогия (уменьшение количества спонтанной речи или снижение объема содержательной информации в ней).

«Мне все равно, где ни быть и когда ни жить. Если мне все равно, не значит ли это, что я везде и всегда?»

Лингвистический и психолингвистический анализ: хотя по объему высказывание не является минимальным, оно демонстрирует бедность содержания. Мысль циркулярна, не развивается, а лишь переформулирует одну и ту же идею без добавления новой информации или продуктивной дискуссии. Это прагматический провал, указывающий на когнитивное замедление, руминацию (навязчивое прокручивание одних и тех же мыслей) и отсутствие мотивации к продуктивному мышлению. Вопрос «не значит ли это, что я везде и всегда?» является риторическим и отражает фатализм и безнадежность, характерные для депрессии, когда нет энергии для поиска ответов или активного взаимодействия с реальностью.

2. Персеверация (патологическое, произвольное повторение слов, фраз или идей, выходящее за рамки нормального риторического усиления).

«Но это кончено, слава Богу, это кончено».

«Но ведь если понимаешь, это решительно все равно. Решительно все равно».

Лингвистический и психолингвистический анализ: повторение лексемы или фразы без модификаций, как в данных примерах, не является риторическим приемом для усиления акцента. Это патологическое «застревание» на одном стимуле или идее, характерное при нарушении функционирования лобных долей мозга и проявляющееся при различных психических расстройствах, включая депрессию. На прагматическом уровне персеверация затрудняет коммуникацию, так как речь становится монотонной и непродуктивной. В первом примере она может отражать навязчивое желание завершенности или облегчения, во втором – фиксацию на идее нигилизма или бессмысленности, что является центральным для депрессивного состояния.

Гаршин мастерски художественно моделирует циклическое «пульсирование» настроения героя, что является одной из ключевых характеристик БАР – чередованием или смешением маниакальных и депрессивных симптомов.

Эта цикличность проявляется в смене дискурсивных регистров: от экспрессивных, насыщенных метафорами и гиперболами описаний (маниакальная фаза) к более лаконичным, негативно окрашенным, полным фатализма высказываниям (депрессивная фаза). Текст демонстрирует контрастную динамику лексической плотности и эмоциональной валентности, а также вариативность синтаксической сложности (например, более развернутые предложения в маниакальных эпизодах и короткие, рубленые в депрессивных). Это создает эффект «смешанного» лексико-семантического поля, где элементы разных аффективных состояний сосуществуют или

быстро сменяют друг друга, что является лингвистическим отражением «смешанных» эпизодов БАР [Gkintoni 2023].

Кроме обозначенных признаков, в тексте содержится множество языковых паттернов, используемых для репрезентации различных форм бреда и галлюцинаций. Анализ направлен на выявление специфических лексико-семантических, синтаксических, дискурсивных и прагматических особенностей, которые служат индикаторами искаженного восприятия мира главным героем.

Лингвистические маркеры параноидного (персекуторного) бреда

Пример: *«Я все знаю, и меня трудно будет обмануть»* – фраза больного, когда его поместили в психиатрическую клинику.

Лингвистический анализ: данная фраза демонстрирует высокую степень эпистемической модальности и категоричности суждений. Использование универсального квантификатора «все» и отрицательной конструкции «трудно будет обмануть» указывает на формирование защитной дискурсивной стратегии, направленной на утверждение собственного интеллектуального превосходства и неуязвимости перед предполагаемым обманом. Лексика отражает презумпцию враждебности внешнего мира и активное противостояние ей.

Лингвистические маркеры бреда отношения

Пример: *«Он понимал, что вокруг него все больные, но в то же время в каждом из них он видел какое-нибудь тайно скрывающееся или скрытое лицо, которое он знал прежде или о котором читал или слышал».*

Лингвистический анализ: здесь наблюдается нарушение референциальной когерентности и переизбыток семантических связей. Местоимение «все» (по отношению к окружающим) сочетается с детальным, но при этом иррациональным приписыванием индивидуальных, скрытых идентичностей («тайно скрывающееся или скрытое лицо»). Глаголы восприятия («понимал», «видел») и когниции используются для легитимации этих ложных связей. Лексика, относящаяся к тайне и скрытности («тайно скрывающееся», «скрытое»), подчеркивает семантическую нагруженность нейтральных стимулов и их реинтерпретацию в контексте личной значимости.

Лингвистические маркеры бреда мессиянства/грандиозности

Пример: *«Все они, его товарищи по больнице, собрались сюда затем, чтобы исполнить дело, смутно представлявшееся ему гигантским предприятием, направленным к уничтожению зла на земле».*

Лингвистический анализ: в данном отрывке проявляется телеологическая нарративная структура, где все события и действующие лица (даже нейтральные «товарищи по больнице») подчинены грандиозной, но смутно очерченной цели. Использование гиперболизированной лексики и абстрактных существительных («гигантским предприятием», «уничтожению зла») указывает на масштабирование значения и придание обыденным явлениям вселенского смысла. Наличие целевых конструкций («затем, чтобы исполнить») свидетельствует о мотивационной доминанте, выходящей за рамки обычного.

Лингвистические маркеры бредовой идеи телепатии

Пример: *«Он мог читать мысли других людей; видел в вещах всю их историю...»*

Лингвистический анализ: здесь мы видим расширение семантических полей глаголов восприятия и познания за пределы их обычного значения. Модальный глагол «мог» выражает не обычную возможность, а приписываемую себе сверхъестественную

способность («читать мысли», «видеть историю»). Это пример метафоризации, переходящей в буквальное восприятие, где абстрактные концепции (мысли, история) становятся объектами прямого, непосредственного «считывания» или «видения», что свидетельствует о нарушении границ между внутренним и внешним, символическим и реальным.

Лингвистические маркеры бреда воздействия

Пример: *«Больной чувствовал, что из цветка длинными, похожими на змей, ползучими потоками извивается зло; они опутывали его, сжимали и сдавливали члены и пропитывали все тело своим ужасным содержанием».*

Лингвистический анализ: этот отрывок характеризуется обильным использованием сенсорной и соматической лексики, описывающей физические ощущения и воздействие извне. Абстрактное понятие «зло» персонифицируется и реифицируется, приобретая конкретные физические свойства («длинными, похожими на змей, ползучими потоками») и способность к активным действиям («извивается», «опутывали», «сжимали», «сдавливали», «пропитывали»). Использование пассивных конструкций или глаголов, указывающих на объект воздействия (он был опутан, сжимаем), подчеркивает позицию жертвы и отсутствие контроля над внешними силами.

Лингвистические маркеры зрительных галлюцинаций (в контексте бреда толкования)

Пример: *«...здание, действительно построенное довольно давно, он считал постройкой Петра Великого... Он прочел это на стенах, на обвалившейся штукатурке, на кусках кирпича и изразцов, находимых им в саду; вся история дома и сада была написана на них».*

Лингвистический анализ: здесь проявляется гиперсемиотизация реальности, когда обыденные предметы и их особенности (старое здание, обвалившаяся штукатурка, кирпичи) воспринимаются как знаки, несущие конкретную, но иррациональную информацию. Глагол «прочел» в данном контексте используется метафорически, но для героя это буквальное действие – он «читает» историю там, где нет текста. Это указывает на нарушение семиотической функции языка, где нелингвистические стимулы наделяются текстовым значением, а субъективные интерпретации становятся объективной «правдой», «написанной» на предметах.

Анализ речевых проявлений в «Красном цветке» Гаршина демонстрирует, как различные формы бреда и галлюцинаций находят свое отражение в специфических языковых паттернах. Изучение лексики, синтаксиса, модальности и дискурсивных стратегий позволяет не только глубже понять внутренний мир персонажа с измененным сознанием, но и расширить представление о том, как язык конструирует и отражает субъективную реальность в условиях психического неблагополучия. Такой лингвистический подход открывает новые перспективы для психиатрической лингвистики, позволяя выявлять тонкие маркеры патологического мышления через призму его языковой реализации.

Особую ценность повесть имеет тем, что Гаршин, сам знакомый с психиатрической клиникой, интуитивно транслирует не только эмоциональную окраску, но и точные коммуникативные маркеры фазового расстройства без современного психолингвистического инструментария.

Тем самым «Красный цветок» демонстрирует, как художественный дискурс может служить квазиклиническим корпусом для выявления БАР-маркеров на уровне прагматики и макроструктуры текста.

Лингвостатистический анализ произведений В.М. Гаршина и контрольной группы авторов

Для лингвостатистического анализа выборку составили десять произведений В.М. Гаршина: «Встреча», «Надежда Николаевна», «Очень коротенький роман», «Художники», «Сигнал», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Происшествие», «Четыре дня», «Трус», «Красный цветок». В качестве контрольной группы были отобраны писатели-современники Гаршина, не имеющие документированных психоневрологических отклонений на момент написания текстов, и творившие в схожем повествовательном стиле: Н. Лесков «Левша», Н. Лесков «Островитяне», И. Тургенев «Ася», И. Тургенев «Два помещика», Н. Некрасов «Макар Осипович Случайный», Н. Некрасов «Необыкновенный завтрак», А. Толстой «Семья вурдалака», А. Толстой «Аэлита», М. Салтыков-Щедрин «История одного города», М. Салтыков-Щедрин «Благонамеренные речи».

Для визуализации соотношения позитивных, негативных и нейтральных оценок в корпусной лингвистике используется такой инструмент, как график распределения сентиментов. Данный график по вышеуказанным произведениям демонстрирует (Рисунок 1), что самым «негативным» по среднему сентименту оказался «Красный цветок» Гаршина ($\approx -0,025$). Следует отметить, что показатели текстов Гаршина расположились равномерно по графику от положительных до негативных, тогда как показатели произведений контрольной группы (Лесков, Тургенев, Некрасов и др.) смещены либо к положительной зоне, либо остаются около нуля. Разброс значений у текстов Гаршина заметно больше: пять произведений выбиваются в отрицательную зону гораздо сильнее, чем у коллег. Как это соотносится с гипотезой о БАР? БАР характеризуется чередованием депрессивных и (гипо)маниакальных фаз, что потенциально может отражаться в тексте через:

- общую эмоциональную полярность (сильнее позитив или негатив);
- резкие колебания тона от произведения к произведению;
- внутри одного произведения – быстрая смена эмоциональных регистров.

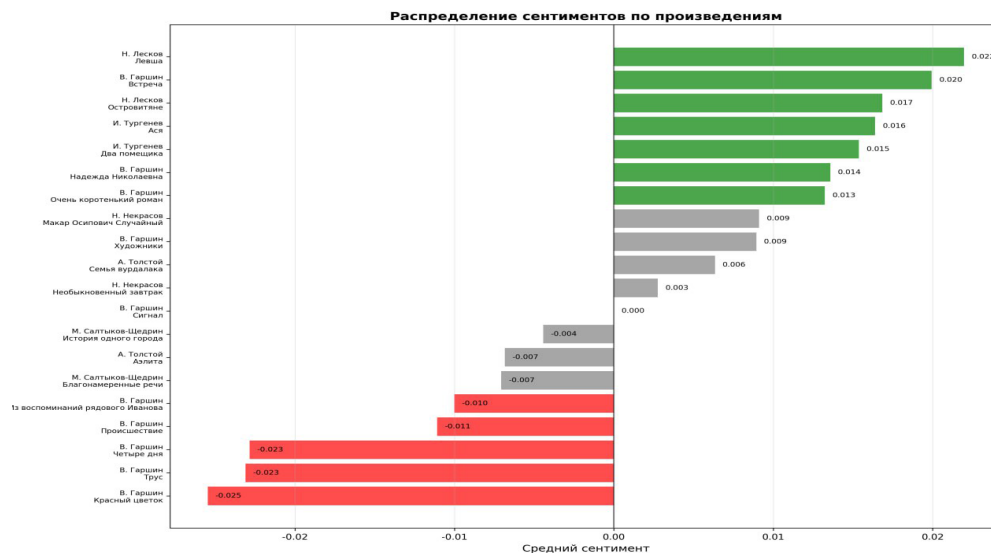

Рис. 1. Распределение сентиментов по произведениям.

График действительно показывает, что тексты Гаршина эмоционально полярнее и в среднем мрачнее, чем у современников. Это согласуется с предположением о маниакальных и депрессивных эпизодах, входящих в картину БАП-спектра.

Таким образом, произведения В.М. Гаршина – единственные в «красной зоне» не просто из-за трагичности сюжета, а из-за лингвистических особенностей, отражающих реальные нарушения мышления автора. График фиксирует не только эмоциональную негативность, но и лингвистический «отпечаток» ФРМ – уникальную языковую структуру, порожденную расстройством мышления.

Соотношение векторов эмоциональной валентности ~1:1 свидетельствует о выраженной амплитуде аффективных полюсов, что типологически ближе к биполярному, нежели униполярному паттерну письма. Для конца XIX в. (эпоха позднего романтизма/натурализма) такая эмоциональная контрастность у одного автора нетривиальна и может рассматриваться как текстовый коррелят «аффективных качелей».

Рассмотрим следующий график «Облако слов»³ (Рисунок 2), который отражает наиболее частые позитивные слова и наиболее частые негативные слова по десяти исследуемым произведениям В.М. Гаршина в совокупности.

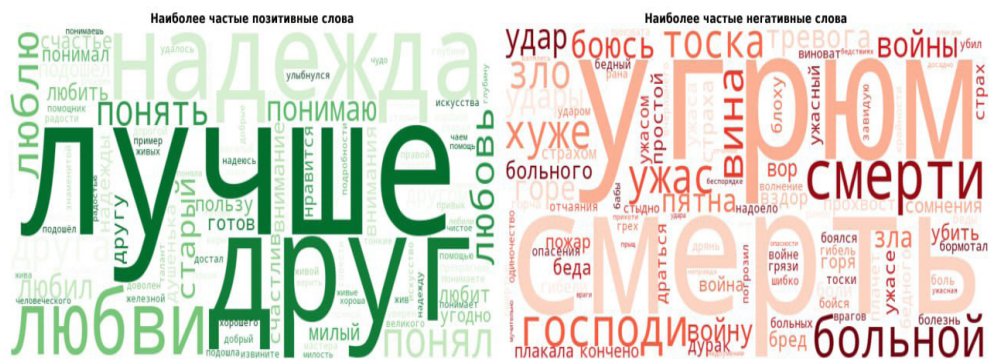

Рис. 2. Наиболее частые позитивные и негативные слова.

Позитивный кластер (зеленый фон) демонстрирует частотные леммы: «лучше», «друг», «любовь», «надежда», «понять», «счастье».

Негативный кластер (красный фон) включает леммы: «смерть», «угрюм», «ужас», «больной», «тоска», «война», «зло».

Депрессивный полюс выражен лексемами «смерть», «больной», «вина», «ужас», «тоска», которые являются классическими лексемами суицидально-дисфорического словаря.

Для наглядности продемонстрируем облако слов самого «позитивного» произведения Гаршина из зеленого кластера «Встреча» (Рисунок 3) и самого негативного (Рисунок 4) из красного кластера «Красный цветок». Представленные графики демонстрируют переход письма В.М. Гаршина от вероятной «мании» до вероятной «депрессии». Сравнительный анализ дистрибуции и интенсивности

«Облако слов» (word cloud) – это метод визуализации текста, где размер каждого слова пропорционален его значимости, чаще всего – частоте появления в корпусе текста – С.Д.

состояния персонажа в литературном произведении [напр. Пашковский и др., 2023; Çabuk et al., 2024]. С точки зрения психиатрической лингвистики график частотного распределения «Красного цветка» представляет особый интерес, так как по сравнению с остальными 19 графиками текстов Гаршина и текстов писателей контрольной группы, он демонстрирует большую сглаженность пиков. Для примера приведены спектры произведений Гаршина «Красный цветок», «Надежда Николаевна», произведения Н. Лескова «Левша», М. Салтыкова-Щедрина «История одного города».

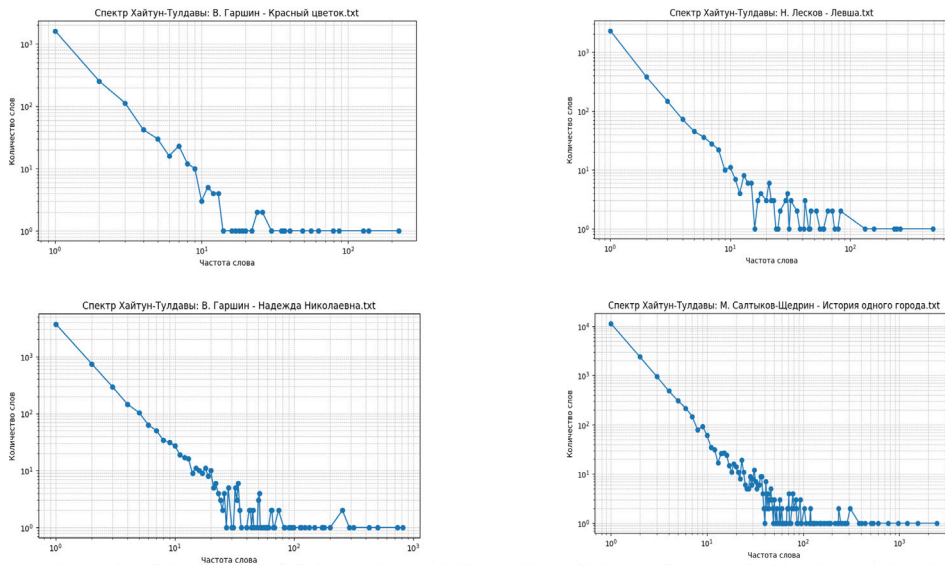

Рис. 5. Спектр Хайтун-Тулдавы.

График «Красного цветка» отображает навязчивость и персеверации. Высоочастотные слова в тексте связаны с бредовой фабулой, что отражает персеверативность мышления героя. При психозе словарь концентрируется вокруг бредовой тематики. «Хвост» распределения (редкие слова) обеднен по сравнению с нормальной речью, что отражает когнитивное сужение. Отсутствие резких частотных доминант отражает размытость фокуса внимания – автор не может четко выделить ключевые лексические единицы. Сглаженный график может означать, что все слова воспринимаются как равнозначные – симптом когнитивной уплощенности. Четкие пики отражают стабильную концептуальную архитектуру текста, а размытые пики указывают на диффузную семантическую активацию. Такой анализ позволяет увидеть, как Гаршин лингвистически моделирует психопатологию, создавая достоверную картину измененного сознания. Таким образом, график частично отображает выводы, полученные из лингвистического анализа.

Стоит отметить, что помимо указанных ключевых метрик, был проведен комплексный анализ с использованием ряда других лексикометрических показателей, таких как MATTR (Mean Average Type-Token Ratio), MTLД (Measure of Textual Lexical Diversity), TTR, расчет покрытия текста служебными частями речи (союзами и предлогами), вычисление средней частоты словоформ, коэффициента лексической

упорядоченности Хердана, а также оценка качества соответствия и наклона закона Ципфа. Однако ни один из этих дополнительных анализов не продемонстрировал статистически значимых или интерпретируемых закономерностей, релевантных для выдвинутой гипотезы в контексте данного исследования. Данный факт свидетельствует о сохранности интеллектуальных функций и когерентности мышления у В.М. Гаршина, несмотря на выраженную расположенность к психическим особенностям.

Применяя передовые методы вычислительной лингвистики, включая анализ временных рядов и специализированный инжиниринг признаков, ориентированных на формальные расстройства мышления и биполярное аффективное расстройство, данная работа выходит за рамки субъективных биографических наблюдений. Она позволяет выявить и количественно оценить тончайшие лингвистические маркеры, динамика которых может коррелировать с циклами аффективных состояний, тем самым обогащая литературоведческий анализ, углубляя наше понимание проявлений психических расстройств в письменной речи и демонстрируя потенциал цифровых гуманитарных наук в междисциплинарных исследованиях на стыке лингвистики, психологии, психиатрии и истории литературы.

Обсуждение: стиль или симптом?

Наиболее сложный и, пожалуй, самый интригующий аспект нашего исследования заключается в необходимости разграничения между сознательным художественным выбором и произвольным проявлением психического состояния В.М. Гаршина. Выявленные в языке В.М. Гаршина лингвистические паттерны, соответствующие критериям формальных расстройств мышления (ФРМ), ставят перед нами ключевой герменевтический вызов: являются ли они тщательно выверенными стилистическими приемами, направленными на достижение определенного художественного эффекта, или же они представляют собой произвольное «эхо» его внутреннего неблагополучия?

Ограничения исследования

Важно подчеркнуть, что данное исследование, будучи лингвистическим анализом, не претендует на посмертную клиническую диагностику. Мы не имеем доступа к полному набору клинических данных, которые были бы необходимы для постановки диагноза (например, прямые психиатрические наблюдения, результаты инструментальных исследований, полная история болезни), чем должны заниматься ученые-психиатры [Пашковский и др., 2023: 56]. Наш анализ основан исключительно на текстовом материале и его сопоставлении с общими лингвистическими маркерами ФРМ.

Лингвистический анализ может лишь выявить паттерны, согласующиеся с известными проявлениями расстройств мышления, и предложить гипотезы об их природе. Мы не можем с абсолютной уверенностью утверждать, что каждое выявленное отклонение является прямым следствием психического заболевания. Более того, сам характер художественной прозы предполагает отход от норм повседневной речи и использование стилистических приемов. Задача нашего исследования заключалась в том, чтобы, используя количественные и качественные (анализ ФРМ) методы, показать, что особенности идиостиля В.М. Гаршина выходят за рамки обычных стилистических вариаций и демонстрируют консистентность с клиническими описаниями нарушений мышления. Это позволяет нам глубже понять уникальность его литературного голоса как переплетение литературного дара и проявлений индивидуальных особенностей психики.

Заключение

Таким образом, лингвистический анализ произведений Гаршина, в особенности повести «Красный цветок», выявил устойчивые языковые паттерны, которые коррелируют с клиническими описаниями формальных расстройств мышления (ФРМ), характерных для биполярного аффективного расстройства (БАР). На лексико-семантическом уровне в текстах Гаршина обнаружены маркеры, отражающие аффективную цикличность: от грандиозных идей и повышенной метафоризации (маниакальная фаза) до резкого снижения эмоционального тона и доминирования негативной лексики (депрессивная фаза). Синтаксический анализ демонстрирует динамику мышления через изменения структуры предложений: от многословных, экспрессивных конструкций с обилием деталей до предельно лаконичных, фрагментированных высказываний. Дискурсивный уровень анализа выявил нарушения коммуникативных стратегий: тангенциальность, соскальзывание, персеверации, которые выходят за рамки художественного стиля и указывают на потенциальные когнитивные нарушения. Лингвостатистический анализ подтвердил гипотезу о циклотимичности творческих ритмов Гаршина через количественную оценку эмоциональной полярности его текстов. Ключевой методологический вывод заключается в том, что язык служит тонким индикатором внутренних психических процессов, позволяя через лингвистический анализ получить глубокое понимание субъективного опыта автора.

Проведенный анализ демонстрирует потенциал междисциплинарного подхода на стыке лингвистики, психиатрии и литературоведения.

Исследование не только проливает свет на творчество В.М. Гаршина, но и демонстрирует, как язык может служить зеркалом внутреннего мира человека, отражая самые тонкие нюансы его психического состояния.

© Соколова Д.А., 2026

Литература

Белянин В.П. Введение в психиатрическое литературоведение. Verlag Otto Sagner München, 1996. 281 с.

Гаршин В.М. Полное собрание сочинений в трех томах. Том 3. Письма // под ред. Ю.Г. Оксмана. М.-Л.: Academia, 1934. 616 с.

Гаршин В.М. Красный цветок. Сказки и рассказы. М., изд.: Детская и юношеская книга, 2023. 368 с.

Кириллов М.А. Лингвостатистический анализ художественного текста: на материале коротких рассказов Ф. С. Фицджеральда: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. 2002. 294 с.

Пашковский В.Э., Пиотровская В.Р., Пиотровский Р.Г. Психиатрическая лингвистика. М.: Ленанд, 2023. 168 с.

Сикорский И.А. Красный цветок. Рассказ Всеволода Гаршина // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. Санкт-Петербург: Издатель Карл Риккер. 1884. Т. 2. Вып. 1. С. 344–348 (Архив РГБ).

Успенский Г.И. Смерть В.М. Гаршина // Собрание сочинений в 9 томах. Том 9. Письма. М.: ГИХЛ, 1957. 543 с.

American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition (DSM-5). American Psychiatric Publishing. <https://www.psychiatry.org/psychiatrists/practice/dsm>

Cavanaugh R. Vsevolod Mikhailovich Garshin. *British Journal of Psychiatry*. Cambridge University Press. Vol. 202(2)., 2013. P. 88. <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.112.116012>

Çabuk T., Sevim N., Mutlu E., Yağcıoğlu A.E.A., Koç A., Touloupoulou T. Natural language processing for defining linguistic features in schizophrenia: A sample from Turkish speakers. *Schizophrenia Research*. 2024. P. 183-189. doi: 10.1016/j.schres.2024.02.026.

Derrida J. *Speech and Phenomena, and Other Essays on Husserl's Theory of Signs (Studies in Phenomenology and Existential Philosophy)*. Northwestern University Press, 1978. 166 p.

Gkintoni E. Clinical neuropsychological characteristics of bipolar disorder, with a focus on cognitive and linguistic pattern: a conceptual analysis. *F1000Res*. [Version 1] 12:1235, 2023. doi: 10.12688/f1000research.141599.1.

Jamison K.R. *Touched With Fire: Manic-Depressive Illness and the Artistic Temperament*. Free Press Paperbacks Publ., USA, 2010. 384 p.

Jelliffe S. E. *The Technique of Psychoanalysis*. Kessinger publ., Montana. USA, 2010. 176 p.

Liebenthal E., Ennis M., Rahimi-Eichi H., Lin E., Chung Y., Baker J. T. Linguistic and non-linguistic markers of disorganization in psychotic illness. *Schizophrenia Research*. Volume 259, 2023. P. 111–120. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2022.12.003>.

Roche E, Creed L, MacMahon D, Brennan D, Clarke M. The Epidemiology and Associated Phenomenology of Formal Thought Disorder: A Systematic Review. *Schizophrenia Bull*, 2015, 951–62. doi: 10.1093/schbul/sbu129.

Rochester S., Martin J. R. *Crazy talk: A study of the discourse of schizophrenic speakers: Cognition and Language: A Series in Psycholinguistics*. Kluwer Academic/Plenum Publ, 1979. 229 p.

Weiner L., Doignon-Camus N., Bertschy G. et al. Thought and language disturbance in bipolar disorder quantified via process-oriented verbal fluency measures. *Sci Rep* 9, 14282, 2019. doi: 10.1038/s41598-019-50818-5

Zamperoni G., Tan E. J., Rossell S. L., Meyer D, Sumner P. J. Evidence for the factor structure of formal thought disorder: A systematic review. *Schizophrenia Research*. Volume 264, 2024. P. 424–434. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2024.01.006>.

Сведения об авторе:

Соколова Диана Алексеевна – аспирант кафедры теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского; судебный эксперт-лингвист, судебный эксперт-психолог ООО «Межрегиональный институт судебных экспертиз и исследований»

Контактная информация:

150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

ORCID: 0009-0005-8038-4327

e-mail: diana.falcone.exp@gmail.com

Для цитирования:

Соколова Д.А. Эхо расстроенного мышления: лингвистический анализ формальных расстройств мышления в языке В.М. Гаршина (на материале художественной прозы) // Вопросы психолингвистики. 2026. №1(67). С. 142–161, doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-142-161

UDC 81'32+81'33+81.23+159.9.07

LBC 81.11+88.7

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-142-161

Research Article

**A LINGUISTIC ANALYSIS OF FORMAL THOUGHT DISORDERS
IN V.M. GARSHIN'S IDIOLECT: ECHOES OF DISORDERED THOUGHT
IN THE LITERARY PROSE OF THE AUTHOR**

Diana A. Sokolova

Yaroslavl State Pedagogical University,
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract

This article presents a linguistic and linguostatistical analysis of V.M. Garshin's literary works and personal correspondence with the aim of identifying patterns that could be interpreted as manifestations of Formal Thought Disorders (FTD). Garshin's well-documented mental health history (recurrent depressions, psychotic episodes) creates a unique context for investigating how his internal state might be reflected in his own language and narrative style. The study aims to identify and classify specific linguistic markers (such as loosening of associations, tangentiality, perseveration, paralogisms, discourse fragmentation, and peculiarities of metaphorization) which in his texts may go beyond typical artistic devices and resonate with clinical descriptions of FTD. The methodology involves a detailed linguistic analysis (at lexical, syntactic, semantic, and discourse levels) of selected fragments. Special emphasis is placed on distinguishing between conscious stylistic choices and potential involuntary manifestations of the disorder. The study's findings do not claim to offer a posthumous diagnosis, but they allow for a deeper understanding of the complex interplay between the author's mental state and his linguistic expression, and also demonstrate the potential of linguistic analysis for the interdisciplinary study of the phenomenon of disordered thought in literary and personal communication.

Keywords: psychiatric literary studies, psychiatric linguistics, psycholinguistics, psychopoetics, The Red Flower, bipolar affective disorder

© Sokolova D.A., 2026

Bionotes:

Diana A. Sokolova – graduate student of the Department of Language Theory and German languages of Yaroslavl State Pedagogical University; forensic linguist, forensic psychologist of Interregional Institute of Forensic Expertise and Researches LLC

Contact information:

Respublikanskaya St., 108/1, Yaroslavl, Russian Federation, 150000

ORCID: 0009-0005-8038-4327

e-mail: diana.falcone.exp@gmail.com

For citation:

Sokolova D.A. A linguistic analysis of formal thought disorders in V.M. Garshin's idiolect: echoes of disordered thought in the literary prose of the author // Journal of Psycholinguistics. 1(67), 2026. P. 142–161. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-142-161 (In Russian)

ОБРАЗЫ «Я», «МЫ» И «СЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ СТУДЕНТОВ¹

Чан Тяньчжо

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена описанию сопоставительного исследования содержания языкового сознания китайских и русских студентов на материале свободных ассоциативных экспериментов со словами-стимулами – личными местоимениями со значением самоидентичности «я», «мы», «ся». Теоретической основой настоящей работы является теория языкового сознания, разработанная в рамках Московской психолингвистической школы. Идентичность, как семиотически и когнитивно нагруженное явление, формируется под влиянием национальной системы ценностей и служит эффективной точкой входа для изучения этнокультурной специфики языкового сознания. Цель исследования – выявить особенности восприятия и вербализации идентичности и самоопределения в языковом сознании китайских и русских студентов, определить этнокультурные сходства и различия в их языковых картинах мира. Полученные экспериментальные данные описываются с помощью модели «ассоциативного гештальта», в которой выделяются несколько семантических зон: «Коллективная ориентация», «Принадлежность», «Самопознание», «Эмоциональная оценка», «Индивидуальность», «Социальные роли», «Соотнесение себя с другими» и «Метаязыковые ассоциации». Анализ показал, что у китайских студентов идентичность имеет социально ориентированный характер, у русских – культурно-символический и эмоциональный характер. Изучение образов самоидентификации в языковом сознании китайских и русских студентов дает возможность глубже увидеть этнокультурные различия в восприятии себя и оптимизировать межкультурное общение; данные эксперимента внесут вклад в практику создания ассоциативных словарей в Китае.

Ключевые слова: идентичность, образ «себя», языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, ассоциативный гештальт, сопоставительное исследование

Введение

Слово «идентичность» этимологически связано с латинским местоимением *idem* (*eadem*), означающим «тот же самый». Термин «идентичность» был введен социопсихологом Э. Эриксеном, который понимает его как процесс «организации жизненного опыта в индивидуальное Я» [Эриксон 1996: 8]. По мнению Эриксона,

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Национального фонда китайских государственных стипендий № 留金欧[2024]10.

идентичность связана с принадлежностью к социокультурной общности и способностью человека устойчиво осознавать свое «Я» независимо от обстоятельств [Там же].

Язык является главным инструментом формирования и выражения национальной идентичности, поскольку каждый этнический язык выступает носителем «духа народа» [Гумбольдт 1984]. Как подчеркивает Л. Вайсгербер, «в ходе осознания общего родного языка вырастает чувство сплоченности <...> Именно там, где народ видит свои важнейшие жизненные ценности, он прилагает все усилия к сохранению и культивированию родного языка <...> язык является самой прочной и самой основной опорой народного самоутверждения» [Вайсгербер 2009: 132–133]. Различные культуры формируют специфические способы выражения национальной идентичности, которые отражаются в языковом сознании их носителей.

Идентичность представляет собой «общность системных связей объективного мира в сознании носителей культуры, обозначенных словом с привязанным к нему значением, как отображением этих системных связей (системные свойства культурных предметов)» [Леонтьев; цит. по: Уфимцева 2025: 51]. В российской психолингвистике теория речевой деятельности предполагает, что значения слова отражают системные связи объективного мира, зафиксированные в сознании носителей культуры. Когда представители одного этноса или культурной общности используют одни и те же слова и значения, они тем самым разделяют общую систему знаний, обеспечивающую взаимопонимание в коммуникации. Эта система, закрепленная в языке и языковом сознании, отражает то, что, по словам Г.В. Токарева, «проявляет идентичность в чертах национального характера, в сходных интерпретантах явлений действительности, типах реакций на нее» [Токарев 2024: 72].

Содержание знаний носителя культуры, то есть общественно выработанные значения и их отражение в сознании через призму языка (языковое сознание) является одним из ключевых предметов исследования московской психолингвистической школы. Особое место в структуре языкового сознания занимает образ «себя» как центральный компонент идентичности. Как отмечает Н.В. Уфимцева, «именно наличие в бессознательном каждого этноса “образа себя”, ядра этической традиции, обеспечивает, с одной стороны, согласованность действий всех членов этноса, а, с другой, опознание поведения каждого отдельного индивида как соответствующее или противоречащее этой традиции» [Уфимцева 2022: 635].

Для изучения образа «себя» в языковом сознании носителей культуры общепризнанным и эффективным методом является ассоциативный эксперимент. На основе результатов массовых ассоциативных экспериментов можно не только выявить системность языковой картины мира наивного носителя языка, но и зафиксировать данные живого, этнокультурно окрашенного языкового сознания, которые формируются в процессе чувственного познания [Уфимцева 2014]. Наиболее широко применяемой формой ассоциативного эксперимента является свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). Испытуемому предлагается слово-стимул с инструкцией реагировать на это слово первым «пришедшим в голову» словом или словосочетанием.

В традиционных исследованиях местоимения обычно рассматриваются как единицы с дейктической и субститутивной функцией. Однако их формы одновременно выражают общие представления о мире, в значении которых «аккумулируется множество

типовых языковых значений» [Федюнева 2008: 9]. Личные местоимения 1-го лица «я», «мы», а также возвратное местоимение «себя» и определительное местоимение «сам» отражают семантическое и когнитивное выражение самоидентичности. Особое место занимают эти местоимения, которые не только фиксируют отношение индивида к самому себе, но и акцентируют значение субъектности и принадлежности. «Местоимение не просто субститут имени, а особый, наделенный значением, социально ориентированный языковой знак: его “шифтерность” выявляется только в плоскости языкового или ближайшего ситуативного контекста, который обнаруживается в определенном пласте ассоциативных реакций» [Балясникова, Уфимцева 2018: 16].

Настоящее исследование направлено на выявление этнокультурных особенностей образов идентичности, отражающих национальную систему ценностей китайских и русских студентов. Анализ позволяет выявить и частично реконструировать фрагменты их языковой картины мира.

Материал и экспериментальная процедура

В июне 2025 года нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором в качестве слов-стимулов были выбраны личные местоимения, выражающие формы самоидентичности: «我 (я)», «我们 (мы)» и «自己 (себя/сам)». Участникам эксперимента предлагалось записать первую пришедшую в голову ассоциативную реакцию на каждое слово-стимул, при этом допускалось указание от одной до трех реакций. Ответы могли представлять собой слова любой части речи, словосочетания или короткие предложения. На каждую реакцию отводилось не более 10 секунд. В качестве экспериментального инструментария использовались анкеты, распространенные через онлайн-платформу. Эксперимент был анонимным.

В исследовании приняли участие 350 китайских студентов (из них 326 анкеты признаны валидными) в возрасте от 17 до 26 лет, обучающиеся в различных университетах Китая. Для всех китайский язык является родным. Из общего числа респондентов 125 человек изучали русский язык, а остальные 201 участник не имели опыта изучения русского языка.

Следует отметить, что в китайском языке слово «自己» обладает несколькими семантическими особенностями: рефлексивное значение (например, 我爱自己 – я люблю себя; 他问自己 – он спрашивает себя); субъектность и независимость (他自己做的 – он сделал сам; 做自己 – быть самим собой); философско-идентификационный смысл (认识自己 – познать самого себя; 忠于自己 – быть верным себе). С целью максимально сохранить согласованность при отборе стимульных слов и обеспечить эквивалентность перевода в настоящем исследовании в качестве русских стимулов были выбраны «себя» и «сам».

Что касается ассоциативных полей стимулов «я», «мы», «себя» и «сам» в русском языке, в данной работе использованы данные из «Русской региональной ассоциативной базы данных (СИБАС)». Данный источник был выбран по нескольким причинам. Во-первых, СИБАС – один из новейших русских ассоциативных словарей, отражающих актуальное состояние языкового сознания носителей русской культуры: сбор материала проводился в 2008–2023 годах. Во-вторых, выборка респондентов (студенты вузов в возрасте от 17 до 30 лет, основная масса от 18 до 22 лет) соответствует социальной и возрастной группе китайских участников эксперимента, что обеспечивает более корректное сопоставление.

Обсуждение результатов

В свободном ассоциативном эксперименте с китайскими стимулами «我 (я)», «我们 (мы)» и «自己 (себя/сам)» была зафиксирована в общей сложности 1951 реакция. Наиболее продуктивным оказался стимул «我 (я)», вызвавший 717 реакций, тогда как наименьшее количество реакций (578) пришлось на стимул «我们 (мы)». Согласно данным СИБАС, на стимулы «я», «мы», «себя» и «сам» получено 1267 реакций. Среди них наибольшую продуктивность показали стимулы «я» и «мы» (499 реакций), а наименьшую – «себя» (134 реакции).

Полученные данные представляются в виде модели «ассоциативный гештальт» (по методу Ю.Н. Караулова), в котором выделяются несколько семантических зон: «Коллективная ориентация», «Принадлежность», «Самопознание», «Эмоциональная оценка», «Индивидуальность», «Социальные роли», «Соотнесение себя с другими» и «Метаязыковые ассоциации». Классификация семантических зон определяется характером полученных данных.

Приведем примеры ассоциативных значений лексем-местоимений, обозначающих самоидентичность.

Стимул Я

На примере ассоциативного поля стимула «我/я» были выделены самые частотные ассоциации (топ-10 реакций по частоте), представленные в Таблице 1. Жирным шрифтом выделены стимулы, реакции даны курсивом; в скобках дан перевод, подобранный автором с учетом эквивалентности. Цифра указывает на частотность появления данной реакции (аналогично в след. таблицах).

Таблица №1

Ассоциативные поля стимула «我/я» у китайских и русских испытуемых

Ассоциативное поле стимула «我 (я)» у китайских испытуемых	Ассоциативное поле стимула «я» у русских испытуемых
我们 (мы) 101; 我的 (мой) 61; 自我 (эго/ само сознание) 21; 自己 (себя/сам) 19; 我家 (моя семья/мой дом), 我想 (я хочу) 14; 我爱你 (я тебя люблю) 12; 我是 谁 (кто я) 11; 个体 (индивид) 10; 独立 (независимость/самостоятельность), 你 (ты), 我是 (я есть/я являюсь) 8; 本我 (оно – по терминологии Фрейда), 我和 你 (я и ты), 我喜欢 (мне нравится), 我要 (я хочу), 我在 (я здесь/я нахожусь) 6	<i>человек 76; личность 36; ты 24; студент 13; я 11; молодец 10; лучший; он 9; хороший 8; мы; студентка 7; буква; местоимение; это я 5;</i>
всего: 297	всего: 225

В соответствии с приведенными выше семантическими зонами, ассоциативные поля стимула «我/я» у китайских и русских студентов представлено следующим образом в Таблице 2.

Таблица №2

**Ассоциативные поля стимула «我/я» у китайских и русских студентов
по зонам**

Зоны	Ассоциации китайских испытуемых на стимул «我(я)»		Ассоциации русских испытуемых на стимул «я»	
Коллективная ориентация	我们 (мы) 101; 我家 (моя семья/мой дом) 14	38.7%	мы 7	3.1%
Принадлежность	我的 (мой) 61	20.5%	--	
Самопознание	自我(эго/самосознание) 21; 自己 (сам/себя) 19; 我是谁 (кто я) 11; 本我 (оно, по Фрейду) 6	19.2%	личность 36; человек 76	49.8%
Эмоциональная оценка	我爱你 (я тебя люблю) 12; 我喜欢 (мне нравится) 6	6.1%	молодец 10; лучший 9; хороший 8	12%
Индивидуальность	个体 (индивид) 10; 独立 (независимость) 8	6.1%	--	
Социальные роли	--		студент 13; студентка 7	8.9%
Соотнесение себя с другими	你 (ты) 8; 我和你 (я и ты) 6	4.7%	ты 24; он 9	14.7%
Метаязыковые ассоциации	我是 (я есть) 8; 我在 (я нахожусь) 6	4.7%	я 11; буква; местоимение; это я 5	11.6%

В результате проведенного сравнения можно сделать следующие выводы.

1. Анализ ассоциаций китайских и русских студентов на стимул «我/я» включает ряд сходных семантических зон. Это показывает, что в обеих культурах слово «я» связано не только с личностью, но и с отношением к группе, к другому и к языку как системе.

2. Также проявились существенные различия. Центральной зоной у китайских студентов является «Коллективная ориентация». Основной зоной у русских респондентов является «Самопознание». У китайских студентов зафиксирована уникальная зона «Принадлежность». Наиболее частотной реакцией здесь оказалось слово «我的 (мой)» (61), что демонстрирует прочную связь индивида с объектами, принадлежащими ему. Аналогичные тенденции наблюдаются и в исследовании Хуан Тяньдэ [Хуан 2016]. В ассоциативных полях китайских студентов на стимул «свой (自己的)» часто встречались реакции, отражающие принадлежность, такие как «东西 (вещь)» (39), «书 (книга)» (35), «钱 (деньги)» (21), «衣服 (одежда)» (15). В китайской выборке также зафиксированы реакции, связанные с зоной «Индивидуальность»:

«个体 (индивид)» (10), «独立 (независимость)» (8). Эти данные указывают на то, что в сознании китайских студентов образ «я» включает не только коллективное и реляционное измерение, но и стремление к самостоятельности, самодостаточности и личной ответственности. У русских студентов появилась зона «Социальные роли» (например, *студент, студентка*), что отражает восприятие «я» через принадлежность к социальной позиции.

3. Зона «Коллективная ориентация». В обеих группах встречается реакция «我们/мы». Однако у китайских студентов слово «我们 (мы)» стало наиболее частотным (101 раз, 34%), что свидетельствует о сильной связи «я» с коллективом. Кроме того, в китайской выборке встречается реакция «我家 (моя семья/мой дом)», чего нет у русских студентов. Таким образом, можно видеть, что в представлениях китайских студентов коллектив выступает как неотъемлемая часть самовосприятия. Семья, как самый основной коллектив, без которого существование образа «я» мыслится неполным.

4. В зоне «Самопознание» ассоциации китайских испытуемых можно отнести к философско-психологическому уровню: «自我 (эго/самосознание)», «自己 (сам/себя)», «我是谁 (кто я)», «本我 (оно, по Фрейд)», которые относятся к самоанализу. У русских студентов преобладают более абстрактные реакции, например «человек», «личность». Высокая частотность реакции «человек» (76 реакций, 33.8%) указывает на восприятие «я» не только как индивидуальности, но и как части более широкой социальной или человеческой общности.

5. Зона «Эмоциональная оценка». Реакции у китайских испытуемых связаны с активным выражением чувств («我爱你 (я тебя люблю)», «我喜欢 (мне нравится)»), подчеркивая эмоциональные связи субъекта с другими. В этой зоне русские испытуемые подчеркивали место «я» в самооценке и положительные характеристики самого «я» (например, «молодец», «лучший», «хороший»). Это указывает на то, что китайская ассоциативная модель на стимул «я» строится на эмоциональных отношениях, в то время как русская модель основана на положительной самооценке.

6. В зоне «Соотнесение себя с другими» в обеих выборках встречаются реакции «你/ты». Для китайских студентов характерны сочетания типа «我和你 (я и ты)», что указывает на восприятие себя во взаимосвязи с другим человеком. У русских студентов реакции «ты» и «он» чаще представлены как самостоятельные единицы, без указания на совместность. Это свидетельствует о том, что китайские студенты склонны воспринимать «я» в контексте отношений, тогда как у русских студентов «я» чаще осмысливается как отдельная и автономная единица.

7. К зоне «Метаязыковые ассоциации» мы отнесли ответы, которые не связаны с реальной семантикой, а скорее со свойствами самого языка. Китайские студенты понимают «я» через утверждения существования («我是 (я есть)», «我在 (я нахожусь)»). Русские испытуемые, напротив, воспринимают «я» как «букву», «местоимение», то есть через формальное языковое осмысление. Таким образом, в китайском материале «я» связывается с бытием, а в русском – с языковой системой.

В целом, содержание ассоциативного поля стимула «я» у китайских испытуемых демонстрирует коллективную и реляционную направленность: «я» часто определяется через «мы», семью, социальные отношения и эмоциональные связи, при этом включает элементы философского осмысления. Напротив, содержание ассоциативного поля

«я» русских испытуемых показывает, что они более склонны к абстрагированию и универсализации: основными зонами являются «человек», «личность», при этом акцент делается на социальных ролях, самооценке и языковом осмыслении.

Стимул МЫ

На основе анализа ассоциативного поля стимула «我们/мы» были выделены наиболее частотные ассоциации (топ-10 реакций по частоте), представленные в Таблице 3.

Таблица №3

Ассоциативное поле стимула «我们/мы» у китайских и русских учащихся

Ассоциативное поле стимула «我们(мы)» у китайских испытуемых	Ассоциативное поле стимула «мы» у русских испытуемых
家 (семья) 44; 未来 (будущее) 28; 爱 (любовь) 20; 关系 (отношения) 17 我们的 (наш) 16; 共同 (совместность/общность/вместе), 集体 (коллектив,友情 (дружба) 15; 朋友 (друг/друзья) 14; 学校 (университет) 13; 国家 (государство/ страна), 回忆 (воспоминания) 11; 自己 (сам/себя), 家乡 (родной город/родной край) 9 всего: 237	<i>вместе</i> 101; <i>люди</i> 44; <i>друзья</i> 36; <i>все</i> 30; <i>вы</i> 19; <i>они</i> 17; <i>семья</i> 16; <i>общество</i> 10; <i>сила</i> ; <i>студенты</i> ; <i>я</i> 9; <i>едины</i> ; <i>компания</i> ; <i>мир</i> 6; <i>Замятин</i> ; <i>команда</i> ; <i>лучшие</i> ; <i>счастливы</i> 5; <i>единство</i> 4 всего: 342

С учетом приведенных выше критериев выделения семантических зон ассоциативные поля стимула «我们/мы» китайских и русских студентов представлены в Таблице 4.

Стоит отметить, что в ходе анализа ассоциация «家/семья» была отнесена к зоне «Принадлежность», так как она в первую очередь выражает индивидуальную привязанность и общность, к которой человек принадлежит. В отличие от этого, «我家 (букв. мой дом)» (реакция на стимул «我(я)») в китайском языке часто используется для обозначения не только места проживания, но и семьи как социальной группы («моя семья», «мои близкие»). Таким образом, в данной реакции акцент переносится на включенность индивида в семейное «мы», что позволяет отнести ее к зоне «Коллективная ориентация» (см. таблицу 2). Аналогично, лексема «国家 (государство)», хотя и обозначает крупное сообщество, с точки зрения индивида отражает прежде всего принадлежность и идентичность, поэтому данная реакция была включена в зону «Принадлежность». «家乡 (родной город/родной край)» подчеркивает эмоциональную связь индивида с родной землей, выражает идею личных корней и идентификации, что также оправдывает отнесение данной реакции к зоне «Принадлежность».

Таблица №4

Ассоциативные поля стимула «我们/мы» у китайских и русских студентов по зонам

Зоны	Ассоциации китайских испытуемых на стимул «我们 (мы)»		Ассоциации русских испытуемых на стимул «мы»	
	Содержание	Процент	Содержание	Процент
Коллективная ориентация	共同 (совместность/ общность/вместе), 集体 (коллектив), 友情 (дружба) 15; 学校 (университет) 13 朋友 (друг / друзья) 14	30.4%	вместе 101; <i>друзья</i> 36; <i>все</i> 30; <i>общество</i> 10; <i>едины</i> ; <i>компания</i> 6; <i>команда</i> 5; <i>единство</i> 4	57.9%
Принадлежность	家 (семья) 44; 我们的(наш) 16; 国家 (государство) 11; 家乡 (родной город/родной край) 9	33.8%	<i>семья</i> 16; <i>мир</i> 6	6.4%
Самопознание	自己 (сам/себя) 9	3.8%	<i>люди</i> 44; <i>я</i> 9	15.5%
Эмоциональная оценка	爱 (любовь) 20	8.4%	<i>сила</i> 9; <i>лучшие</i> ; <i>счастливы</i> 5	5.6%
Социальные роли	--		<i>студенты</i> 9	2.6%
Соотнесение себя с другими	关系 (отношения) 17	7.2%	<i>вы</i> 19; <i>они</i> 17;	10.5%
Другие	未来 (будущее) 28; 回忆(воспоминания) 11	16.5%	<i>Замятин</i> 5	1.5%

На основании анализа ассоциативного поля стимула «我们/мы» можно сделать следующие выводы.

1. Для китайских и русских студентов стимул «我们/мы» формирует схожие семантические зоны ассоциаций. У китайских студентов основные реакции сосредоточены в зоне «Принадлежность», при этом наиболее часто встречается слово «家 (семья)» (44 реакции, 18.6%). Ассоциации у русских студентов сосредоточены в зоне «Коллективная ориентация», с наибольшей частотой появляется слово «вместе» (101 реакция, 29.5%). Отличие проявляется в зоне «Социальные роли»: только у русских студентов ассоциации на стимулы «я» и «мы» связаны с социальной идентичностью «студент/студенты», чего не наблюдается в ассоциативном поле китайских испытуемых.

2. В зоне «Коллективная ориентация» у обеих групп появляются ассоциации, отражающие коллективность и совместные действия, такие как «共同/вместе», «朋友/друзья», а также абстрактные обозначения коллективов: «集体 (коллектив)», «все», «общество», «едины», «единство». Это показывает, что в сознании представителей обеих культур образ «мы» понимается как целостное объединение с общей целью. Различие заключается в том, что китайские студенты чаще связывают «我们 (мы)» с университетом, а русские – с компанией или командой, что отражает различия в конкретных коллективных объединениях.

3. В зоне «Принадлежность» общим для китайских и русских испытуемых является слово «家/семья», что указывает на то, что семья является центральным элементом принадлежности, связанный с «мы». Дальнейший анализ показывает, что у китайских студентов ассоциации включают также «家乡 (родной город/родной край)» и «国家 (государство)», тогда как у русских студентов появляется более макроуровневая ассоциация – «мир». Это отражает различия в культурном восприятии принадлежности: китайские студенты связывают «мы» с конкретными объектами и локальными сообществами, тогда как русские студенты ориентируются на абстрактные и универсальные зоны, подчеркивая концептуальный и философский уровень принадлежности. Кроме того, у китайских студентов появляется притяжательное «我们的/наш», что указывает на сильное чувство владения и принадлежности, аналогично тому, как в зоне «Я (я)» встречается «我的 (мой)».

4. В зоне «Самопознание» у китайских испытуемых ключевой является ассоциация «自己 (сам/себя)», у русских – «я». Главное различие между этими понятиями заключается в семантической и функциональной нагрузке: «自己 (сам/себя)» в китайском языке может обозначать как индивидуальную личность, так и каждого отдельного человека внутри коллектива, объединяя личностный и реляционный аспекты. «Я» в русском языке акцентирует индивидуальное самосознание, являясь прямым выражением личной идентичности и автономного субъекта. Таким образом, ассоциации китайских студентов на стимул «我们 (мы)» отражают сочетание самопознания и коллективной идентичности, тогда как русские студенты фокусируются на чисто индивидуальном аспекте «я». Интересно отметить, что у русских испытуемых ассоциация «люди» (встречается 44 раза, 12.9%) является одной из наиболее частых для стимула «мы», подчеркивая абстрактное понимание человеческой сущности: «мы» воспринимается как часть общего человеческого целого, а не конкретного коллектива.

5. Зона «Эмоциональная оценка». Китайские студенты ассоциируют «我们 (мы)» с абстрактными эмоциональными понятиями, например «爱 (любовь)». Русские испытуемые связывают «мы» с положительными оценками совместной деятельности: «лучшие», «счастливы». Слово-реакция «сила» на стимул «мы» у русских испытуемых ассоциируется с коллективом в масштабах нации, что отражает характерные особенности русской национальной идентичности и соответствует общепринятым представлениям о русской культуре и национальном самосознании.

6. В зоне «Соотнесение себя с другими» у русских студентов в реакциях на стимул «мы» встречаются местоимения «вы» и «они». Эти реакции указывают на разграничение между группой, включающей говорящего («мы»), и другими людьми, не входящими в нее. Китайские студенты выделяют реакцию «关系 (отношения)», что подчеркивает важность внутригрупповых связей и взаимоотношений для понимания «мы».

7. В зоне «Другие» у китайских испытуемых встречаются ассоциации «未来 (будущее)» и «回忆 (воспоминания)», что указывает на то, что размышления о «我们 (мы)» чаще ориентированы на прошлое и будущее, а не на настоящий момент. У китайских испытуемых «мы» воспринимается как общность, объединенная общим прошлым и ориентированная на совместное будущее. У русских испытуемых интересным является появление ассоциации «Замятин». Евгений Замятин – это известный русский писатель, автор романа-антиутопии «Мы» (1921). В ассоциативном эксперименте на стимул «мы» русские студенты могут выдать реакцию «Замятин»,

имея в виду название романа, то есть происходит литературная или культурная ассоциация, а не прямое понимание «мы» как коллективного субъекта.

Таким образом, ассоциации китайских испытуемых на стимул «我们(мы)» в основном связаны с семьей, родным домом, страной, отношениями и временной перспективой, сочетая личностное и коллективное измерение. У русских респондентов доминируют ассоциации, подчеркивающие коллективное единство, социальную роль, национальную идентичность и культурно-литературные отсылки. Эти различия показывают, что для китайских студентов «мы» – это прежде всего принадлежность и отношения, тогда как для русских студентов «мы» – это коллектив, нация и культурный код.

Стимул СЕБЯ и САМ

Для стимула «自己/себя (сам)» наиболее частотные ассоциации (топ-10 реакций по частоте) представлены в Таблице 5.

Таблица №5

Ассоциативное поле стимула «自己/себя (сам)» у китайских и русских учащихся

Ассоциативное поле китайских испытуемых на стимул «自己(себя/сам)»	Ассоциативные поля русских испытуемых на стимулы «себя» и «сам»	
自己做 (делаю сам) 17; 自己的事情 自己做(свои дела делаю сам) 13; 生活 (жизнь) 12; 自我 (я/эго), 成长 (развитие), 独立 (независимость), 我 (я), 爱自己 (люблю себя) 11; 开心 (радостный/веселый), 自己的事 (свои дела) 9; 快乐 (счастье/счастливый), 自信 (уверенный в себе) 8; 未来 (будущее), 自己一个人 (сам по себе) 6; 自由 (свобода), 漂亮 (красивый), 自己的 (свое), 自己做主 (сам принимаю решения) 5; 个人 (личность), 工作 (работа), 善良 (добрый), 真实 (истинный/подлинный), 自己吃饭 (ем сам), 自身 (сам/собственная личность), 自己的想法 (свои мысли) 4 всего: 191	на стимул «себя»	на стимул «сам»
	любить 45; меня 10; люблю 9; тебя 8; я 6; уважать 5; уважение 4; эго 3	я 11; себе режиссер 8; по себе; себе 7; самостоятельность 5; один; сделал; с усам 4; могу; молодец; ребенок; режиссер; сделать; собой; человек 3
	всего: 161	

В Таблице 6 представлены ассоциативные поля китайских и русских студентов на стимульное слово «自己/себя (сам)», в соответствии с вышеуказанными семантическими зонами. Для удобства семантического анализа и различения стимулов, вызвавших ту или иную реакцию, в Таблице 6 перед русскими словами-реакциями в скобках проставлены соответствующие стимулы.

Таблица №6

Ассоциативные поля «自己/себя (сам)» у китайских и русских студентов по зонам

Зоны	Ассоциации китайских испытуемых на стимуле «自己 (себя/сам)»		Ассоциации русских испытуемых на стимулах «себя» и «сам»	
Принадлежность	自己的事 (свои дела) 9; 自己的 (свое) 5; 自己的想法 (свои мысли) 4	9.4%	(себя) меня 10; (сам) себе 7; (сам) собой 3	12.4%
Самопознание	自我 (я/эго), 我 (я) 11; 个人 (личность), 自身 (сам/собственная личность) 4	15.7%	(себя, сам) я 17 (сам) человек; (сам) ребенок 3	14.3%
Эмоциональная оценка	爱自己 (люблю себя) 11; 开心 (радостный/веселый) 9; 快乐 (счастье/счастливый), 自信 (уверенный в себе) 8; 漂亮 (красивый) 5; 善良 (добрый), 真实 (истинный/подлинный) 4	25.7%	(себя) любить 45; (себя) люблю 9; (себя) уважать 5; (себя) уважение 4; (сам) молодец 3	41%
Индивидуальность	自己做 (сделать самому) 17; 自己的事情自己做 (свои дела делаю сам) 13; 成长 (развитие), 独立 (независимость) 11; 自己一个人 (сам по себе) 6; 自己做主 (сам принимаю решения) 5; 自己吃饭 (ем сам) 4	35.1%	(сам) себе режиссер 8; (сам) по себе 7; (сам) самостоятельность 5; (сам) один; (сам) сделал; (сам) с усам 4; (сам) могу; (сам) сделать; (сам) режиссер 3	25.5%
Соотнесение себя с другими	--		(себя) тебя 8; (себя) его 3	6.8%
Другие	生活 (жизнь) 12; 未来 (будущее) 6; 自由 (свобода) 5; 工作 (работа) 4	14.1%	--	

Анализ ассоциаций на стимул «自己/себя (сам)», представленных в Таблице 6, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Анализ ассоциативных реакций на стимул «自己/себя (сам)» показывает, что у китайских и русских студентов они в целом распределяются по сходным зонам. У китайских студентов наибольшее число реакций в ассоциативном гештальте приходится на зону «Индивидуальность», тогда как у русских участников доминирует

зона «Эмоциональная оценка». Основное отличие состоит в том, что у русских респондентов наблюдаются реакции, связанные с семантической зоной «Соотнесение себя с другими». Подобные реакции проявляются также на стимулы «я» и «мы», что позволяет рассматривать их как важный элемент идентичности русских студентов. Среди ассоциативных реакций китайских студентов на стимул «自己 (себя/сам)» встречаются такие слова, как «生活 (жизнь)», «未来 (будущее)», «自由 (свобода)», «工作 (работа)», то есть лексемы, связанные с повседневностью. При этом последние два ответа показывают связь не только с повседневным опытом, но и стремление к личностному развитию, а также устремленность к самореализации. Эти результаты согласуются с выводами Хуан Тяндэ, согласно которым китайские испытуемые в процессе самоидентификации демонстрируют больше реакций, связанных с ощущением жизни в настоящем и ожиданием будущего [Хуан 2016]. Важно отметить, что зона «Коллективная ориентация» в ассоциативном поле данного стимула не зафиксирована ни у китайских, ни у русских испытуемых. Это свидетельствует о том, что стимул «自己 (себя/сам)» активирует прежде всего индивидуальный уровень идентичности, а не коллективный.

2. В зоне «Принадлежность» китайские испытуемые чаще связывают стимул «自己 (себя/сам)» с обладанием чем-то (например, «自己的事 (свои дела)», «自己的想法 (свои мысли)»), акцентируя границы между собой и внешним миром. Русские же респонденты преимущественно реагируют местоименными формами «меня», «себе», «собой», то есть напрямую указывают на «Я» как субъект. Реакция «меня» на стимул «себя» воспринимается как отраженное «я», находящееся в позиции объекта. В то же время реакции «себе» и «собой» на стимул «сам» связаны с устойчивыми синтагматическими конструкциями, где «сам» функционирует как средство актуализации субъектной автономии. Можно сказать, что для китайских студентов «自己 (себя/сам)» осмысливается через принадлежность, тогда как для русских проявляется через саму субъектность.

3. В зоне «Самопознание» у китайских и русских студентов в ассоциативных реакциях присутствовало слово «我/я», и те и другие подчеркивали свою внутреннюю субъективность. Для китайских испытуемых ассоциации на стимул «自己 (себя/сам)» в основном представлены словами «自我 (эго)», «个人 (личность)», «自身 (сам/собственная личность)», то есть отражают абстрактное понимание «себя» как синонима «я» или «индивида». Русские респонденты чаще ассоциируют «себя» с формами самоопределения («сам человек», «сам ребенок»), что может указывать на ориентацию на автономию и индивидуальную инициативу. Появление реакции «сам ребенок» можно объяснить тем, что стимул «сам» невольно вызывает воспоминания о детском возрасте, когда дети активно подчеркивали свою самостоятельность и роль субъекта, что продолжает проявляться в ассоциативном поведении у студентов.

4. В зоне «Эмоциональная оценка» общей для китайских и русских студентов является реакция «爱自己 (любить себя)», причем у русских респондентов она оказалась наиболее частотной – «любить» (45 реакций, 30%). Это свидетельствует о том, что независимо от культурного контекста студенты в своих ассоциациях на слово «себя» придают значение самопринятию и самоподдержке. Дополнительно у русских студентов встречаются реакции «себя уважать», «себя уважение», что указывает на более тесную связь образа «себя» с ценностями самоуважения, личной идентичности и психологического благополучия. У китайских студентов

наряду с «爱自己 (любить себя)» фиксируются слова-реакции, выражающие позитивные эмоции («开心 (радостный/веселый)», «快乐 (счастье/счастливый)»), внешние характеристики («漂亮 (красивый)») и моральные качества («自信 (уверенный в себе)», «善良 (добрый)», «真实 (истинный/подлинный)»), что отражает положительную самооценку.

5. Зона «Индивидуальность». Ассоциативные реакции китайских и русских студентов на стимул «自己 (себя/сам)» демонстрируют значительное сходство: в обоих случаях фиксируются выражения, акцентирующие субъектность, автономию и независимость (например, «自己做 (сделать самому/(сам) сделал/сделать)»). У китайских студентов реакции часто связаны с самостоятельными действиями и повседневной активностью («自己的事情自己做 (свои дела делаю сам)», «自己做主 (сам принимаю решения)», «自己吃饭 (ем сам)»), а также включают реакции «成长 (развитие)» и «独立 (независимость)», отражающие личностный рост. Это указывает на то, что в языковом сознании китайцев образ «себя» связан с активностью субъекта и его способностью к самостоятельному действию и развитию. Русские испытуемые склонны выражать автономию преимущественно через языковые формы и устойчивые обороты («сам себе режиссер», «сам могу», «самостоятельность»), а также через указание на индивидуальное состояние («сам по себе», «сам один»), что придает их реакциям более абстрактный характер. Реакция «сам себе режиссер» не только отражает идею независимости, но и, как название популярной телевизионной программы, несет культурные коннотации. Выражение «сам с усам», встречающееся в детской и разговорной речи, также передает стремление действовать без посторонней помощи.

Таким образом, ассоциативные реакции китайских и русских студентов на стимул «自己 (себя/сам)» демонстрируют общую ориентацию на субъектность и автономию, однако различаются по способам их выражения. В языковом сознании китайцев «自己 (себя/сам)» связывается с конкретными действиями, повседневными ситуациями и процессом личностного развития, что отражает практическую и опытную направленность самосознания. В русском языковом сознании «себя/сам» чаще выражается через языковые формы и устойчивые конструкции, подчеркивая абстрактную индивидуальность, автономию и соотнесенность с другими.

Обобщение реакций на все стимулы представлено в Таблице 7.

Таблица №7

**Ассоциативный гештальт слов-стимулов «我/я», «我们/мы», «自己/себя (сам)»
(данные в %)**

Зона/Стимул	стимул «我/я»		стимул «我们/мы»		стимул «自己/себя (сам)»	
	китайцы	русские	китайцы	русские	китайцы	русские
Коллективная ориентация	38.7%	3.1%	30.4%	57.9%	--	--
Принадлежность	20.5%	--	33.8%	6.4%	9.4%	12.4%
Самопознание	19.2%	49.8%	3.8%	15.5%	15.7%	14.3%
Эмоциональная оценка	6.1%	12%	8.4%	5.6%	25.7%	41%

Индивидуальность	6.1%	--	--	--	35.1%	25.5%
Социальные роли	--	8.9%	--	2.6%	--	--
Соотнесение себя с другими	4.7%	14.7%	7.2%	--	10.5%	6.8%
Метаязыковые ассоциации	4.7%	11.6%	--	--	--	--
Другие	--	--	16.5%	1.5%	14.1%	--

Выводы

Экспериментальные данные показывают, что в языковом сознании китайцев образ «я» имеет социальную направленность, то есть личная идентичность часто определяется через отношения с коллективом. Это тесно связано с конфуцианской идеей гармоничного сосуществования и соответствует концепции «взаимозависимого Я», согласно которой личность осмысливается через отношения с другими [Чжу 2007]. В то же время для китайских студентов восприятие «себя» сосредоточено больше на понятиях независимости и индивидуальности. Это отражает тенденцию среди современной молодежи Китая «быть собой»: стремиться к самостоятельности и саморазвитию. При этом цели поведения остаются ориентированными на собственное «я». Иными словами, хотя индивид тесно связан социальными отношениями и неотделим от группы, его поведение зачастую направлено на достижение личных целей и удовлетворение собственных потребностей. Это означает, что китайское «Я» в отношениях – не столько альтруистично, сколько действует разумно и с личной выгодой в рамках социальных связей.

Образ «мы» в сознании китайских студентов как представителей нации связан с коллективными измерениями, такими как семья, родной город, государство, подчеркивающими чувство принадлежности и национальную идентичность. Следует отметить, что китайские студенты реже определяют себя через социальные роли (студент), что указывает на более целостное восприятие личности и меньшее влияние традиционных социальных ролей на молодое поколение.

В языковом сознании русских студентов понятие идентичности характеризуется явными чертами абстрактной обобщенности, что отличается от высокой социальной ориентированности китайских студентов. «Я» и «мы» часто ассоциируются с «человек» или «люди» и «мир», а «себя» выражает абстрактную индивидуальность через фиксированные языковые структуры. Это согласуется с результатами социальных опросов «Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы» (2013): около 35% опрошенных выбрали вариант ответа «я сам по себе (не отношу себя ни к какой группе)», что свидетельствует об отсутствии устойчивого идентификационного вектора [Грицко 2017: 270]. В то же время в ассоциациях к «я» и «мы» проявляется стратегия характеристики, отражающая позитивную самооценку и установки современной «психологии победителя»: уверенность, целеустремленность, способность к самореализации и ориентация на успех [Грицко 2017]. Это свидетельствует о формировании нового типа самоидентификации, в центре которого находится активное, социально ориентированное и ценностно мотивированное «Я».

Национальная идентичность также проявляется в языковом сознании русских студентов. Для них образ «мы» содержит коллективные, этнические и культурные символы. Это соотносится с ключевым понятием «соборная личность» в русском самосознании, отражающее коллективную природу идентичности, при которой «я» всегда мыслится как часть «мы». В ассоциативных образах Россия предстает как великая и могущественная держава – сильная, непобедимая, величественная. Представление о «мы» как на уровне этноса, так и на уровне государства, в сознании русских носит преимущественно символический и эмоциональный характер.

В целом, в языковом сознании китайских и русских студентов видно различие в характере идентичности. В языковом сознании современных китайцев идентичность проявляется как «двойственная характеристика»: с одной стороны, подчеркивается тесная связь личности с обществом, с другой – стремление к независимому развитию индивида. Русская молодежь склонна к более абстрактной и индивидуалистической самоидентификации, где важны уверенность, целеустремленность и самореализация, но при этом «я» остается частью «мы». Это сопоставление выявляет различия в восприятии идентичности в языковом сознании студентов двух культур и демонстрирует разные пути влияния культурных традиций и социальных трансформаций на формирование идентичности.

© Чан Тяньчжо, 2026

Литература

Балясникова О.В., Уфимцева Н.В. Стратегии актуализации категории Эго в языковом сознании русских (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4 (38), С. 14–33.

Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. Изд. 3. М.: либроком, 2009. 232 с.

Грицко М.И. К вопросу о семантической разметке ассоциативных баз данных по оценочному признаку (на материале русской региональной ассоциативной базы данных – СИБАС) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 269–285, doi: 10.17223/18137083/60/23

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2011. 400 с.

Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. М., 2000. С. 107–109.

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных / Авт.-сост. И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. 2008–2023. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 15.01.2026).

Токарев Г.В. О лингвокультурологической интерпретации проблемы идентичности // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 69–75, doi: <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-69-75>

Уфимцева Н.В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник ИрГТУ. 2014. №9 (92). С. 340–347.

Уфимцева Н.В. Образ власти по материалам Крымского ассоциативного словаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 630–647.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание как основа идентичности и саморегулирующаяся система // Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке. Материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Воронеж, 5–7 июня 2025 г.). Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга». 2025. С. 50–52.

Федюнева Г.В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427с.

Хуан Тяньдэ. Экспериментальное сопоставительное исследование образа «自己/свой» в языковом сознании китайских и русских студентов // Вопросы психолингвистики. 2016. №3. С. 299–307.

Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. А.Д. Андреевой и др.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 342 с.

朱滢. 文化与自我. 北京师范大学出版社, 2007 / *Чжу Ин.* Культура и Я. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2007. 367 с.

Сведения об авторе:

Чан Тяньчжо – аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991, Россия, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корп. гум. фак-тов

ORCID: 0009-0007-4691-4050

e-mail: tianzhuo98@mail.ru

Для цитирования:

Чан Тяньчжо. Образы «我/я», «我们/мы» и «自己/себя (сам)» в языковом сознании китайских и русских студентов // Вопросы психолингвистики. 2026. №1(67). С. 162–178, doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-162-178

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2026-67-1-162-178

Research article

IMAGES OF “我/I”, “我们/WE”, AND “自己/SELF” IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF CHINESE AND RUSSIAN STUDENTS²

Chang Tianzhuo

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract

The article presents a comparative study of the linguistic consciousness of Chinese and Russian students based on free associative experiments with the stimulus words “我/I”, “我

---

² This study was supported by the National China Scholarship Council program, No. 留金欧[2024]10 (Project ID: 202308090914).

们/we”, and “自己/self” which express self-identity. The theoretical framework of the study is grounded in the theory of linguistic consciousness developed within the Moscow School of Psycholinguistics. Identity, as a semiotically and cognitively structured phenomenon, is shaped by national systems of values and serves as an effective entry point for examining ethnocultural specificities of linguistic consciousness. The aim of this study is to identify the specific features of perception and verbalization of identity and self-representation in the linguistic consciousness of Chinese and Russian students, and to determine ethnocultural similarities and differences in their linguistic worldviews. The empirical data are analyzed within the framework of associative gestalt theory, which includes several semantic zones: collective orientation, belonging, self-knowledge, emotional evaluation, individuality, social roles, self-other relations, and metalinguistic associations. The results show that identity among Chinese students demonstrates a predominantly social orientation, whereas among Russian students it is characterized by a more culturally symbolic and emotionally marked nature. The study of self-identification images in the linguistic consciousness of the Chinese and Russian students provides deeper insight into ethnocultural differences in self-perception and contributes to improving intercultural communication; the experimental data may also contribute to the practice of creating associative dictionaries in China.

Keywords: identity, self-image, linguistic consciousness, free associative experiment, associative field, associative gestalt, comparative study

© Chang Tianzhuo, 2026

Bionotes:

Chang Tianzhuo – Postgraduate Student of the Department of General and Historical-Comparative Linguistics, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University

Contact information:

Leninskie Gory, MSU, 1 Humanities, Faculty of Philology, Moscow, Russia, 119991

ORCID: 0009-0007-4691-4050

e-mail: tianzhuo98@mail.ru

For citation:

Chang Tianzhuo. Images of “我/I”, “我们/we”, and “自己/self” in the linguistic consciousness of Chinese and Russian students // *Journal of Psycholinguistics*. 1(67), 2026. P. 162–178 Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2026-67-1-162-178 (In Russian)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЙ УФИМСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ «ПСИХОЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА»

1. Пешкова Н.П., Гилязова Д.Р., Давлетова Я.А., Мигранова И.Х., Моисеева А.В., Титлова А.С. «Жизнь текста» в условиях коммуникации цифрового общества»: *коллективная монография*, под ред. Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2025. 180 с. ISBN 978-5-74776199-5

В 2025 г. группа исследователей уфимского направления «Психолингвистика текста» московской школы А.И. Новикова подготовила и опубликовала *коллективную монографию* под научным руководством и редакцией проф. Н.П. Пешковой.

Монографическое исследование принадлежит сложившемуся коллективу авторов, осуществляющих исследования в русле единого научного направления, основы которого были заложены основоположником московской школы теории текста и его смысла А.И. Новиковым. К настоящему времени коллектив исследователей под руководством проф. Н.П. Пешковой сформировал свое направление, известное в отечественном языкознании как уфимское направление «Психолингвистика текста» [Российская психолингвистика: итоги и перспективы 2021. Глава 5]. Представленная монография посвящена изучению проблем, связанных с особенностями функционирования или «жизни» различных типов текста в условиях цифровой коммуникации; а также со спецификой изменений, обусловленных потребностями цифрового социума, и одновременно, с неизменной сущностью природы текста.

2. Группа исследователей уфимского направления «Психолингвистика текста» приняла участие в *организации и проведении* Всероссийской конференции «Третьи Новиковские чтения: Содержание и смысл как результат понимания текста» памяти А.И. Новикова, проходившей в *ИНИОН РАН* 2–3 октября 2025 г.

Проф. Н.П. Пешкова вошла в *органкомитет конференции* и представила на *Пленарном заседании* доклад, посвященный одному из аспектов исследований, а именно, «Текстотипологические исследования *Уфимского направления* “психолингвистики текста”»; а также выступила в качестве *организатора и модератора мастер-класса* «Теория текста и его смысла и метод “встречного текста” А.И. Новикова: результаты и перспективы реализации в русле Уфимского направления “психолингвистики текста”».

Доклады на мастер-классе представили 6 участников уфимской группы, преподаватели кафедры иностранных языков естественных факультетов Уфимского университета науки и технологий:

проф. Н.П. Пешкова «Основные принципы теории текста и его смысла и метод “встречного текста” А.И. Новикова в исследованиях понимания текстов различных типов»;

доц. А.В. Моисеева «Психолингвистический эксперимент как инструмент исследования языкового сознания личности в условиях онлайн-коммуникации»;

доц. А.С. Титлова «Медиатекст малого объема в диахронии: исследование процессов восприятия и понимания методом “встречного” текста»;

доц. Д.Р. Гилязова «Встречный текст как метод исследования конфликтного потенциала медийного текста»;

доц. И.Х. Мигранова «Научная литература: исследование процессов восприятия и понимания через призму гендерной составляющей в русле “психолингвистики текста”»;

доц. Я.А. Давлетова «Исследование изменений в вербальном сознании молодого поколения Республики Башкортостана с применением метода “встречного текста” А.И. Новикова и текстотипологической модели Н.П. Пешковой (психолингвистические эксперименты 2012–2024 гг. на основе различных прецедентных текстов)».

3. В ноябре 2025 г. в Высшей школе зарубежной филологии, лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий состоялась 14 Всероссийская (с международным участием) конференция **«Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода»**.

Организатором конференции уже более десяти лет выступает кафедра иностранных языков естественных факультетов в рамках научного проекта «Психолингвистика текста».

В 14-ой Конференции приняли участие преподаватели и аспиранты УУНИТ и его филиалов, коллеги из уфимских университетов, а также из университетов других регионов, таких как Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Пермский Национальный Исследовательский Политехнический университет. Материалы своих докладов представили и международные участники из Казахстана (Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева) и Ирана.

Основными направлениями работы конференции стали:

➤ Психолингвистика текста: проблемы текста и дискурса, порождения понимания и интерпретации смысла разнообразных видов текста, включая новые формы текста цифрового.

➤ Новые вопросы теории и практики перевода, в том числе, использование в его процессах достижений искусственного интеллекта.

➤ Современные технологии обучения межкультурной и интракультурной профессиональной и научной коммуникации, в том числе, с использованием современных достижений психолингвистики.

Н.П. Пешкова

**О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ КАФЕДРЫ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
ЮГО-ЗАПАДНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (Г. КУРСК)**

Участники Курской группы психолингвистики продолжают исследования, направленные во многом на решение ряда практических задач, стоящих перед преподавателями. Конкретные проблемы, ставшие предметом исследования, выбраны в соответствии с особенностями образовательной среды в Юго-Западном государственном университете, в частности, работой с иностранными студентами – представителями различных культур, а также разнообразными программами дополнительного образования.

В 2025 году преподавателями кафедры иностранных языков была опубликована коллективная монография и научные статьи.

Исследование языковой репрезентации российского культурного кода в сознании молодежной социально-демографической группы является результатом комплексной научно-практической работы коллектива авторов – преподавателей кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск) Е.А. Таныгиной, С.И. Синяевой, В.И. Поречной. Проведенное исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по дополнительному соглашению № 075-03-2025-526/3 от 13.08.2025 г. (Проекты научных исследований в сфере общественно-политических наук). По результатам исследования опубликованы научные статьи и коллективная монография.

Таныгина Е.А. Выявление эффективных стратегий языковой реализации аксиологических составляющих российского цивилизационного кода в СМИ: монография/Е.А. Таныгина, В.И. Поречная, С.И. Синяева. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. 308 с. ISBN 978-5-00261-711-1. EDN WFLXNL.

В монографии рассматриваются особенности языковой репрезентации аксиологических составляющих российского культурного (цивилизационного) кода в средствах массовой информации на основе результатов эмпирического исследования особенностей его восприятия обучающимися средних специальных и высших учебных заведений города Курска и Курской области, а также анализа медиатекстов ведущих федеральных СМИ. Общая цель работы – проанализировать аксиологические основы российского культурного (цивилизационного) кода и способы его вербализации в медиатекстах.

Кроме того, продолжается исследование репрезентации образа России в сознании носителей русской лингвокультуры с учетом возрастного фактора (А.В. Анненкова) и в сознании современной молодежи (Р.В. Попадинец), концепта НАЦИЯ в сознании российской молодежи (О.А. Андреева), прецедентный статус литературных героев в сознании современной молодежи (Р.В. Попадинец), гендерная идентичность и самопрезентация в интернет коммуникации (В.И. Егорова), плюсы и минусы имплементации искусственного интеллекта и нейронных сетей в когнитивную лингвистику (А.В. Анненкова), а также проблем понимания текста, в частности, феномена встречного текста с точки зрения психолингвистических механизмов метаязыковой деятельности индивида и механизма категоризации (Т.В. Кружилина).

Т.В. Кружилина

**О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ КАФЕДРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

На кафедре лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутского государственного педагогического университета в рамках реализации работы ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПЛОЩАДКИ «Персонализированная модель иноязычного образования с использованием цифровых технологий для обучающихся средних профессиональных и высших учебных заведений» реализуется программа исследований.

Целью инновационного образовательного проекта является создание персонализированной модели иноязычного образования, опирающейся на теоретико-методологическое обоснование эффективности ее применения, а также внедрение психолингвистической и психолого-педагогической диагностики и учебно-методического комплекса с активным использованием цифровых технологий. В число задач проекта входит, в частности, исследование читательской грамотности, особенностей ментального лексикона и его связи с когнитивными профилями студентов средних специальных и высших учебных заведений

В качестве основного результата проекта ожидается создание инновационного учебно-методического комплекса. УМК призван не только повысить уровень языковой компетенции и функциональной грамотности студентов, но и стать инструментом развития критического мышления, навыка саморефлексии.

Проект находится в активной стадии реализации. Хронологически деятельность инновационной площадки спланирована до конца 2028 года. В соответствии с календарным планом-графиком в январе–августе 2025 года коллективом выполнялся первый ключевой этап – разработка и апробация диагностических инструментов для определения стратегии персонализированного маршрута иноязычного образования.

К настоящему времени разработана оригинальная методика диагностики понимания иноязычного текста в условиях учебного билингвизма, которая прошла первичную апробацию на базе высших учебных заведений региона. Определены параметры описания модели ментального лексикона, необходимые для построения персонализированной модели обучения, а также обоснован выбор релевантной модели ментального лексикона применительно к студентам педагогических направлений подготовки.

Выявлены и описаны отдельные категории текстовой сложности с позиций психолингвистического анализа (в частности, критерии синтаксической сложности), которые легли в основу формирования текстового корпуса диагностического инструментария.

По результатам первого этапа работы над проектом опубликованы следующие труды.

Ивонина А.С. Синтаксическая сложность иноязычного текста как фактор его понимания в ситуации учебного билингвизма // Вопросы психолингвистики. 2025. №2(64). С. 80–97.

Карнюшина В.В. Категория социального времени в пространстве художественного текста как ключ к его пониманию: семасиологический аспект (на материале романа «Миссис Дэллоэй» В. Вульф) // Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке: материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации в преддверии 90-летия со дня рождения А.А. Леонтьева и к 90-летию со дня рождения Е.Ф. Тарасова (Воронеж, 5–7 июня 2025 г.) / редкол.: А.В. Рудакова (отв. ред.) [и др.]. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. С. 294–295.

Миронов В.Н., Пташинская Н.В. Обоснование выбора модели ментального лексикона (на материале исследования ментального лексикона студентов педагогических направлений) // Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке: материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации в преддверии 90-летия со дня рождения А.А. Леонтьева и к 90-летию со дня рождения Е.Ф. Тарасова (Воронеж, 5–7 июня 2025 г.) / редкол.: А.В. Рудакова (отв. ред.) [и др.]. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. С. 209–212.

Карнюшина В.В., Васильева М.А., Иволина А.С., Миронов В.Н. Общая теория языкознания: учебно-методическое пособие / Департамент образования и науки ХМАО, БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет». Сургут: РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2025. 110 с.

4 декабря 2025 г. состоялась защита диссертационного исследования А.С. Иволиной «Влияние синтаксической сложности на понимание текста в условиях взаимодействия языковых систем»; в настоящий момент ведется подготовка к защите второй кандидатской диссертации, непосредственно связанной с тематикой работы Федеральной инновационной площадки.

Полученные данные имеют междисциплинарный характер. Результаты исследований ментального лексикона и условий учебного двуязычия объясняют общие принципы обработки информации человеком. Это позволит в перспективе предложить успешные методики не только для преподавания дисциплины «Иностранный язык», но и для других предметных областей. В дальнейшем на базе накопленного материала будут разработаны программы повышения квалификации, семинары, методические площадки и мастер-классы для преподавателей, что обеспечит интеграцию инновационной разработки в образовательную инфраструктуру ХМАО-Югры и России в целом.

В.В. Карнюшина

НАУЧАЯ ЖИЗНЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Юго-Западный государственный университет»

(ЮЗГУ)

Научно-образовательный Центр «LSP» (Язык для специальных целей)

21 – 22 мая 2026 года

проводят на базе Юго-Западного государственного университета
XI Международную научно-практическую конференцию

«ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ: СИСТЕМА, ФУНКЦИИ, СРЕДА»

Цель конференции – обмен научными мнениями и практическим опытом
в следующих областях:

- теория языка;
- теория и практика перевода;
- современные методы и средства профессионально направленного обучения
иностранному языку;
- теория и практика работы по программам дополнительного образования,
повышения квалификации и переподготовки;
- психолингвистика и психолингвистические аспекты обучения языку;
- язык в современных социокультурных условиях;
- языки профессионального общения;
- коммуникация в производственной сфере (язык как фактор безопасности;
проблемы качества текстов технической документации и т.п.);
- языки Интернета;
- русский язык как иностранный.

Формы участия в конференции: очная, заочная, в режиме видеоконференции.

Рабочие языки конференции: русский, английский.

В рамках конференции планируется проведение пленарного и секционных
заседаний, организация семинаров – творческих мастерских, работа студенческой сек-
ции.

По итогам конференции будет сформирован электронный сборник статей,
который будет постатейно размещен в научной электронной библиотеке eLibrary.ru
и зарегистрирован в наукоёмкой базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Сборнику присваиваются библиотечные индексы УДК, ББК и международный
стандартный книжный номер (ISBN).

Статьи и заявку на участие в конференции необходимо прислать по электронной
почте: conference-LSP@yandex.ru (бланк заявки прилагается, приложение 1). В теме
письма указать «Конференция, 2026». Ответственный секретарь Баянкина Е.Г.

Требования к оформлению статей: от 3-х до 8-ти полных страниц А4. Страницы текста публикации и включенные в публикацию иллюстрации и таблицы должны соответствовать формату А4 по ГОСТ 9327.

Поля: верхнее поле 3,0 см; нижнее 2,25 см; левое 2,0 см; правое 2,5 см; переплет 0,1 см. Редактор **MS Word 2003 (расширение документа должно быть только .doc)**. Шрифт Times New Roman 14 пт. Абзац (стиль обычный). Первая строка 1,25 см. Межстрочный интервал: одинарный.

Разрешается использовать компьютерные возможности акцентирования внимания на определенных терминах, формулах, теоремах, применяя шрифты разной гарнитуры.

ВНИМАНИЕ: работы с автоматической нумерацией и маркированными списками в основном тексте работы к публикации допускаться не будут!

Страницы публикации не нумеруются.

Статьи начинаются с указания УДК, далее идут Ф.И.О. автора(ов), ученая степень автора(ов), место работы, город, название статьи, ключевые слова, аннотация (до 500 знаков), текст статьи, библиографический список. В конце статьи после списка литературы указывается перевод на английский язык Ф.И.О. автора(ов), ученая степень автора(ов), места работы, города, названия статьи, ключевых слов и аннотации (до 500 знаков) (Приложение 2).

Иллюстрации (чертежи, графики, схемы, диаграммы, фотоснимки) следует располагать в публикации непосредственно после текста, в котором они упоминаются впервые, или на следующей странице. На все иллюстрации должны быть даны ссылки в публикации. Подписи к иллюстрации располагают под ними и нумеруют арабскими цифрами.

Таблицы применяют для лучшей наглядности. Название таблицы, при его наличии, должно отражать ее содержание, быть точным, кратким, помещаться над таблицей в одну строку с ее номером. Если таблица в публикации одна, она не нумеруется. Информация, содержащаяся в таблице, не должна полностью дублироваться в тексте.

Список литературы к статье обязателен и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы. Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с национальным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.108-2022 от 1 июня 2022 г. (формат автоматической ссылки для цитирования на сайте e-library). Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. **ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ** оформляются в виде внутритекстовых ссылок (в квадратных скобках), например, [1, с. 5], где 1 – номер источника в списке литературы, а 5 – номер страницы, на которую ссылается автор статьи. Если у источника нет страниц, следует ставить только его номер, например: [6]; ссылки ставятся перед знаком препинания. Порядок источников в списке литературы: в порядке первого упоминания источника (появления ссылки на него) в тексте научной работы. Нумерация списка литературы – не автоматическая. Каждый новый источник в списке нумеруется вручную. Количество источников в списке литературы не должно превышать **10**.

ВНИМАНИЕ: работы с автоматической нумерацией источников в списке литературы к публикации допускаться не будут!

Студенческие работы принимаются только в соавторстве с научным руководителем.

Оргкомитет оставляет за собой право отказа в публикации материалов, которые представлены с нарушением требований, сроков сдачи, не соответствуют тематике конференции.

Все расходы, связанные с участием в Конференции, просим отнести за счёт участника.

Организационный взнос за участие в конференции составляет **700** рублей и включает публикацию одной статьи в сборнике статей конференции.

Оплата производится только в российских рублях на банковскую карту:

Номер карты: 2202202664049107

Получатель: Наталья Викторовна Р.

В комментариях к платежу указать «Конференция май 2026, ФИО автора»

Скан квитанции просим предоставить в Оргкомитет по указанному в информационном письме электронному адресу.

Ключевые даты:

до 05 апреля 2026 года – регистрация участия в конференции (заявка на участие по установленной в приложении 1 форме заполняется на каждого автора/соавтора) и подача статей для участия в конференции и публикации в сборнике

до 26 апреля 2026 года – оплата организационного взноса за участие в конференции (в случае не перечисления организационного взноса к указанному сроку материалы доклада в сборник трудов конференции не включаются)

до **13 мая 2026 года** – направление официальных приглашений участникам (по запросу)

до 13 мая 2026 года – на сайте конференции размещается информация о включении докладов в программу конференции, рассылка программы конференции

20-21 мая 2026 года – приезд иногородних участников конференции

21-22 мая 2026 года – заседание секций конференции

22-23 мая 2026 года – отъезд иногородних участников конференции

Контактные адреса и телефоны:

305040, Россия, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Юго-Западный государственный университет, кафедра иностранных языков (ауд. 308)

Tel: +7 4712 22-25-41

E-mail: conference-LSP@yandex.ru

Форма заявки на участие в конференции, образцы оформления статей и прочая дополнительная информация – на сайте кафедры:

<https://swsu.ru/structura/up/flmk/kiya/viii-international-scientific-practically-conference/>

Институт гуманитарных и социальных наук
Высшая школа зарубежной филологии, лингвистики и перевода
Кафедра иностранных языков естественных факультетов

Дорогие коллеги!
Кафедра иностранных языков естественных факультетов
Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода
Института гуманитарных и социальных наук

Приглашает Вас принять участие в
**XV Всероссийской научно-практической конференции с международным
участием**
**«МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА»**,

5-6 ноября 2026 г. в Уфимском университете науки и технологий
в смешанном формате.

По итогам конференции планируется издание электронного сборника, который будет размещен в РИНЦ (e-library).

Направления работы конференции:

- ✓ Теория и практика обучения межкультурной и интракультурной коммуникации
- ✓ Новые технологии в обучении иноязычной профессиональной коммуникации
- ✓ Психолингвистика текста. Лингвистика текста
- ✓ Общие и частные вопросы теории языка: психолингвистика, социолингвистика, прагмалингвистика, когнитивистика и др.
- ✓ Проблемы теории и практики перевода и сопоставительного изучения языков
- ✓ Единицы и категории языка в семантическом, когнитивном и коммуникативном аспектах
- ✓ Литературный дискурс и вопросы интертекстуальности

Рабочие языки конференции – русский, английский, немецкий, французский.

Состав оргкомитета:

д-р филол. н., проф. Р.А. Газизов (и. о. директора ИГСН);
к-т социол. наук, доцент Н.М. Лавренюк-Исаева (зам. директора по научной работе ИГСН);

д-р филол. н., проф. Н.П. Пешкова (зав. кафедрой иностранных языков естественных факультетов ВШЗФЛиП);

д-р филол. н., проф. Е.А. Морозкина (зав. кафедрой лингводидактики и переводоведения ВШЗФЛиП);

д-р филол. н., проф. А.С. Самигуллина (зав. кафедрой зарубежной лингвистики ВШЗФЛиП).

Место проведения конференции: г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32/1, кафедра иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода ИГСН УУНиТ.

Условия участия в конференции

Материалы для опубликования необходимо предоставить до **20 октября 2026 г.** по эл. адресу: konfbgu@rambler.ru.

Материалы включают:

1. Статью от 3 до 8 стр., оформленную в соответствии с требованиями к оформлению статьи (см. [образец оформления](#)). Организационный взнос за участие в конференции составляет **500 рублей** за статью объемом от 3 до 5 стр. и **700 руб.** за статью объемом свыше 5 стр. (но не более 8 стр.).

2. Заявку на участие в конференции (см. [форму заявки](#)).

3. Справку о прохождении проверки на antiplagiat.ru. Оригинальность статьи должна составлять не менее 75%.

Просим Вас присылать заявку, статью и справку о прохождении проверки на antiplagiat.ru тремя отдельными файлами в ОДНОМ письме (Иванов-заявка, Иванов-статья, Иванов-антиплагиат).

Публикации магистрантов принимаются только в соавторстве с научным руководителем.

Форма заявки

Фамилия	
Имя	
Отчество	
Ученая степень	
Ученое звание	
Место работы, учебы (для магистрантов) (полное название)	
Должность (с указанием подразделения)	
Номер телефона с кодом города	
Электронный адрес	
Название доклада	
Предполагается ли участие в онлайн-конференции: ДА/НЕТ	
Согласие на обработку персональных данных (обозначить “+” или “ДА”)	

Ответственный за проведение конференции / ответственный секретарь:

Пешкова Наталья Петровна, д. филол. н., профессор, зав. кафедрой иностранных языков естественных факультетов ВШЗФЛиП;

Ахметзянова Алсу Рашитовна, ведущий инженер кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШЗФЛиП.

Тел.: +7 (347) 229-96-68.

**Сибирское отделение Российской академии наук
(СО РАН)
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
(ИФЛ СО РАН)
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет» (НГУ)
Гуманитарный институт (ГИ НГУ)
Научно-образовательный центр межкультурных исследований
им. А.А. Леонтьева (ИП РАН)**

Информационное письмо

Уважаемые коллеги!

22–24 октября 2026 года в новосибирском Академгородке будет проводиться ежегодная общероссийская научная конференция с международным участием **«Русская языковая личность в межнациональном общении»**.

В 2025 году научная конференция **«Русская языковая личность в межнациональном общении»** прошла с международным участием в формате нескольких пленарных заседаний, круглых столов и секционного заседания. Все заседания были насыщены дискуссиями, активным обсуждением волнующих гуманитариев вопросов с участием как ведущих отечественных и зарубежных ученых, так и молодых исследователей. Информацию о прошедшей в 2025 году конференции и записи докладов (выход на видеозапись по ссылке в конце страницы конференции) можно найти здесь:

<https://www.philology.nsc.ru/news/index.php?id=529>

В качестве одной из ключевых тем 2026 года в рамках данной конференции предлагается: **«Человек XXI века: Интеллект и язык в аспекте технических инноваций»**.

N.B. 2026 год – это год 90-летия Алексея Алексеевича Леонтьева и 130-летия Льва Семеновича Выготского. Эти ученые внесли неоценимый вклад в междисциплинарное изучение онтологии языка и педагогики развития человека. Участникам конференции предлагается обсудить в рамках первого пленарного заседания фундаментальные принципы, которые были положены с подачи этих ученых в ходе их дискуссий с коллегами, учителями и учениками в основу развития ряда междисциплинарных отраслей наук о человеке, его интеллекте и языке, а также развитие этих отраслей в новых условиях.

Предполагается обсудить широкий круг требующих междисциплинарного изучения вопросов, связанных с:

- онтологией языка в целом;
- онтогенезом языковой личности, её развитием в новых информационно-технологических условиях;
- изучением актуальных проблем общего нарушения и патологии речи в XXI веке;

- спецификой интернет-коммуникации и её воздействием на функционирование языковой личности;
- характером социо-коммуникативных установок и интенций, отражающих новый технологический и цивилизационный уклад жизни у молодежи;
- формированием профессиональной языковой личности специалиста в гуманитарной сфере;
- внедрением цифровых технологий в практику образования и профессиональную лингвистическую (филологическую, в целом гуманитарную) деятельность; оценкой последствий и результативности их применения в формировании профессиональной языковой личности лингвиста (филолога, гуманитария широкого профиля);
- трансформацией смыслового поля российской культуры на рубеже веков в разных регионах РФ;
- философскими, историческими, цивилизационными и этнополитическими аспектами межнационального (межкультурного) взаимодействия; вопросами иноязычного (инокультурного) влияния на образ мира и язык участников межкультурной коммуникации;
- формированием и изучением вторичной языковой личности;
- искусственным билингвизмом.

Планируется также обсуждение следующих методологических и связанных с ними специфических теоретических проблем:

- использование экспериментальных методов в междисциплинарной лингвистике XXI века; диагностические и эмпирически ориентированные эксперименты;
- междисциплинарное изучение потенциально конфликтогенных установок с учетом междисциплинарных противоречий и последствий открытых межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве;
- отражение интенциональности языковой личности носителя российской цивилизации в языках и литературе народов РФ и сопредельных регионов.

Планируется провести несколько пленарных заседаний, а также секционное.

Секция: «Формирование межкультурных компетенций языковой личности в академической среде» под рук. зав. кафедрой межкультурной коммуникации Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, канд. филологических наук, доцента Анны Леонидовны Соломоновской.

Конференция пройдет в *смешанном (очно-заочном)* формате. Оплата проезда, питания и проживания для очных участников осуществляется за счет командировавшей стороны.

Для участия в работе Конференции необходимо отправить *заявку* (см. форму заявки) и текст *аннотации* доклада объемом не более 2000 знаков с пробелами **до 01 октября 2026 г.** включительно по адресу электронной почты a.tkach@g.nsu.ru на имя ответственного за связь с участниками Конференции научного сотрудника сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН Анастасии Игоревны Ткач.

Заявки на проведение секций и/или Круглых столов со специализированной (по желанию заявителей) тематикой в рамках конференции принимаются до 1 мая 2026 года.

По окончании Конференции организаторы опубликуют сообщение о представленных докладах в журнале «Вопросы психолингвистики»¹. Участники могут представить статьи по материалам своих докладов для опубликования в журналах «Вопросы психолингвистики», «Сибирский филологический журнал» и «Вестник НГУ». Видеозаписи докладов будут размещены на сайтах организаторов конференции. Информация о возможности опубликования сборника тезисов конференции будет предоставлена позднее.

Форма заявки

Фамилия Имя Отчество	
Место работы и должность	
Ученая степень, ученое звание	
Контактный телефон	
Электронный адрес	
Форма участия (очная – слушатель/ докладчик; дистанционная)	
Тема доклада	

---

¹ Обзорная статья по материалам пленарных заседаний конференции 2025 года размещена в четвертом номере за 2025 год журнала «Вопросы психолингвистики»: https://mmamos.ru/wp-content/uploads/2025/12/shaposhn_iv_65.pdf

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

16 февраля 2026 года Наталье Васильевне Дмитриук исполнилось 75 лет!

Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. Узбекали Жанибекова, много лет является членом редколлегии нашего журнала, активно участвует в определении редакционной политики, является квалифицированным корректором и ответственным рецензентом поступающих в журнал статей.

Свою научную деятельность в области ассоциативного направления психолингвистики Наталья Васильевна начала еще в 70-е годы прошлого века, проведя массовый свободный ассоциативный эксперимент с носителями казахского языка и культуры, выпустила в свет первый Казахско-русский ассоциативный

Поздравление Н.В. Дмитриук

словарь (КРАС) в 1978 году; второй Казахский ассоциативный словарь (КАС) вышел под ее общей редакцией в 2014 году, и на его основе был составлен Казахский обратный ассоциативный словарь (КОАС, переиздание 2025 г.); кроме того, Наталья Васильевна является соавтором первого казахского ассоциативного тезауруса, изданного в Институте языкознания РК им. А. Байтурсынова (2025 г.).

За плечами Натальи Васильевны Дмитриук десятилетия научно-исследовательской и научно-педагогической работы, защита кандидатской (под руководством профессора Ю.А. Сорокина) и докторской (научный консультант профессор Н.В. Уфимцева) диссертаций в Институте языкознания РАН (Москва), ежегодное участие в международных научных конференциях, симпозиумах, форумах в Европе и странах СНГ; членство в диссертационных советах и сотрудничество с исследовательскими институтами и университетами России и Казахстана.

Много лет она остается одним из востребованных специалистов, внося большой вклад в подготовку педагогических и научных кадров Казахстана и России, генератором идей, постоянно ведущим активную научно-исследовательскую работу. Ее исследования посвящены тому, что сегодня особенно важно для полиэтнического общества Казахстана и России: межкультурному общению, языковому сознанию, би-, поли- и транслингвизму, диалогу культур, проблемам взаимопонимания и толерантности и неисчерпаемым лингводидактическим аспектам языкового образования.

Н.В. Дмитриук – автор более 300 публикаций, в том числе четырех ассоциативных словарей, четырех монографий, пяти электронных учебников, более 20 учебных пособий; за последние годы – более 40 публикаций, среди которых статьи в высокорейтинговых журналах, индексируемых в базе данных РИНЦ, ВАК РФ, ККСОН РК, Scopus, Web of Sciences.

Под научным руководством Натальи Васильевны защищены докторские, кандидатские и PhD-диссертации, десятки магистерских работ. Сегодня ее ученики работают в университетах и школах Казахстана и за его пределами, продолжают научно-экспериментальные и лингводидактические исследования.

Заслуги Натальи Васильевны отмечены государственными наградами, медалями, грантами, почетными званиями, в том числе «Лучший преподаватель вуза» страны (дважды), медаль «За вклад в развитие науки РК», почетный профессор Республики Казахстан и др. Однако для нее главным признанием всегда оставались интерес студентов, уважение коллег и возможность ежедневно быть в диалоге с наукой.

Редколлегия журнала «Вопросы психолингвистики», друзья и коллеги сердечно поздравляют дорогую Наталью Васильевну с юбилеем и желают ей неиссякаемой энергии, оптимизма и творческого вдохновения во всех делах!

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: *editorial-vpl@yandex.ru*. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы (см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования

Информация

на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент дает обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

- 1 - Принять без изменений.
- 2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).
- 3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).
- 4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.
- 5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекцией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекцией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Индексируется в КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Регистрационный номер ПИ ФС 77 - 87250 от 27.04.2024

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»; www.pressa-rf.ru, www.akc.ru

Адрес редакции: 129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1

Телефон: (495) 120-10-22

Сайт: <https://mmamos.ru/science/sborniki-zhurnal-mma/>

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2026

© Авторы, 2026

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CyberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Registration number ПИ ФС 77 - 87250 от 27.04.2024

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Editorial address: 129075, Moscow, st. Novomoskovskaya 15A building 1

Phone: (495) 120-10-22

Website: <https://mmamos.ru/science/sborniki-zhurnal-mma/>

© Moscow International Academy, 2026

© Authors, 2026

Подписано в печать 29.03.2026. Формат 70x100/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 12,2. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер»,

г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru